

Елена Глазова

ИСПОВЕДЬ ПРИМАНКИ

NRS

Елена Глазова

Исповедь приманки

NRS
2025

UDK 821.161.1-1-94 (474.3)

Jelena Glazova

Peibutise piht

Romaan (vene keeles)

Глазова, Елена.

Исповедь приманки : роман. — Tartu; Rīga: NRS, 2025.
— 224 с.

ISBN 978-9916-4-2912-9

Феминистский автофикшен, предлагающий рефлексии, связанные с опытом существования в 1990-х и 2000-х, и простирающийся от Риги до Нью-Йорка. Советский проект закончился, Латвия стала частью открытого мира, в котором неожиданно для многих не оказалось места для справедливости и социальных утопий. «Или кто-то продаёт тебя, или ты продаёшь кого-то», — неприглядная логика капитализма теперь, кажется, довлеет над человеческими отношениями. Что делать в таком мире, если ты юна, привлекательна и не очень понимаешь, как распорядиться своей жизнью?

Елена Глазова, бесстрашно исследуя пространство прошлого, собственный сексуальный опыт, прибегая к современной философии от Джудит Батлер до Поля Пресьядо, вовсе не стремится дать однозначные ответы. Однако очевидно, что настоящим ее ответом становится само письмо: наполненное триггерами взросления, самоопределения и одновременно освобождающее от травм.

При поддержке Valsts kultūrkapitāla fonds (Государственного фонда культурного капитала Латвии), MTÜ ŽUKOVSKI FEST (Тартуского поэтического фестиваля им. В. А. Жуковского) и портала «Артикуляция»

ISBN 978-9916-4-2912-9

© Елена Глазова, текст, 2025

© NRS, макет, 2025

© Андрей Черкасов, дизайн обложки, 2025

Посвящается И. Г.

«Или кто-то продаёт тебя, или ты продаёшь кого-то», — сказала я приятелю-поэту на пустой трамвайной остановке на кольце у философского факультета Латвийского университета. Трамвай звенел в ноябрьских сумерках, когда мы обсуждали, как очередной работодатель кинул меня на деньги. Я работала бесплатно около пары месяцев на фестивале эпатажной моды. Мне было девятнадцать, мой отец умер месяц назад, а мать попала в больницу с шоком, и нечем было заплатить за квартиру. И всё же мне удалось выбить из работодателя 15 латов. Я держала бумажки в ладошках и не верила своему счастью! Настоящие деньги!

Приятелю-поэту я, конечно, ничего не рассказала о семейных передрыгах. Когда подошёл его трамвай, он протянул мне книгу моего любимого писателя Владимира Сорокина «Голубое сало». Книгу он успел купить в книжном, где мы случайно столкнулись. «Это тебе, компенсация за ущерб от работодателя». От неожиданности я оторопела — эта книжка до сих пор стоит у меня на полке, я сдуваю с неё пылинки. Приятель исчез в ноябрьской темени, увозя с собой удовлетворение от выполненного долга,

долга сострадания. Впоследствии он перестанет писать, мотивируя это тем, что полезнее людям помочь как-то, чем заниматься самовыражением. Однако для меня самовыражение всегда было на первом месте — после выживания.

Про продажу кого-то кем-то мне стало известно лет в девятнадцать-двадцать, когда мой друг детства Артик (Артур) пытался продать меня потенциальным женихам за рубеж. В начале нулевых в странах Балтии внезапно появилось много молодых красивых девушек, жаждавших выйти замуж за границу и покинуть лежавшее в развалинах постсоветское пространство. Девушки были образованы, скромны и отлично готовили. Для заграничных мужчин это была просто золотая жила!

Мы с Артиком учились вместе на экономическом отделении престижной рижской средней школы. Потом он поступил в не менее престижный экономический вуз (а я завалила экзамены) и пытался как-то подрабатывать. Одним из способов заработка у «великого комбинатора» Артика было создание сайта знакомств с несуществующими девушками. Он искал фото девушек в интернете, придумывал им имена и биографии и переписывался от их имени с «жертвами» — иностранцами, искавшими себе балтийских невест.

У Артика была система взимания денег с клиентов — сумма за знакомство, сумма за свидание и сумма за заключение брака (2000 латов, деньги заоблачные). Через какое-то время Артик выяснил, что существует система опознавания IP-номеров, по которой его можно вычислить и привлечь к ответственности. В случае неприятностей высветился бы адрес его престижной школы. Артик погоревал, но вскоре нашёл решение и этой проблемы. Теперь он использовал для переписки с женихами компьютеры своих знакомых по всему городу. Для уменьшения рисков он стал просить друзей связываться с иностранцами со своих компьютеров — я помню, что написала пару писем иностранным филистерам, один из которых интересовался тем, каково состояние моих ступней (про фут-фетишизм я тогда не знала). Однажды весной я сходила на свидание с Маркусом — лысеющим шведским брокером лет тридцати, который недавно сделал карьеру на обвале ценных бумаг. Швед показался мне занудным, он заунывно растягивал гласные, пока я торопилась побыстрее закончить разговор. Артик тоже присутствовал на встрече, позже он передал мне улов — -надцать латов из того, что заплатил за знакомство со мной Маркус. Помню, что у меня несколько дней болели ноги, потому что я впервые в жизни напялила на эту встречу одиннадцатисантиметровые каблуки.

После первого свидания мы так же втроём должны были пойти в ночной клуб, но в последний момент Артик позвонил мне и сообщил: «Тебя всё же не берём. Маркус передумал — мы идём знакомиться с бабами, зачем нам еще одна баба?» Очевидно, я не прошла отборочный тур, и Маркус не был заинтересован в продолжении знакомства со мной.

А между тем великий комбинатор Артик придумывал всё новые планы по извлечению денег из доверчивых иностранцев. Однажды он сделал попытку продать сексуальные услуги заморскому мазохисту. Как-то я зашла к Артику в его престижное учебное заведение, и он показал мне чёрно-белую распечатку фотографии субъекта в очках, застывшего перед вспышкой, как обмершая рептилия. Уже по фотографии было понятно, что в его жилах течёт что-то вроде формальдегида. Артик усмехнулся и произнес: «Вот твой челлендж!» Объемное лицо в очках могло принадлежать серийному маньяку — насколько бесстрастным было его выражение. Однако оказался он вовсе не маньяком, а падким на балтийскую клубничку французским мазохистом. Артик уже начал строить воздушные замки: за сеанс побивания клиента плёткой и ремнями нам перепадёт 300 латов (судя по всему, разделённых не поровну), только бить его надо будет мне, причём без одежды. Потом план

немного поменялся: оказалось, что в сценарий ещё необходимо ввести «обиженную сестрёнку», из-за которой и происходит избиение плетью. Сестрёнкой оказалась девушка Артика, покорно согласившаяся принять участие в авантюре. Далее план ещё несколько раз усложнялся, и Артик возвещал мне с гальванизированной улыбкой: «Я нашёл наручники! Я нашёл особняк в Вецаки». (Мазохист попросил устроить всё в отдалении от цивилизации, видимо, чтобы ему не мешали громко кричать). Когда все подружки согласились на странную аферу, мазохист неожиданно пропал. То ли Артик как-то не слишком дипломатично общался с ним, то ли чувство самосохранения взяло верх. Артик ещё шутил: «Давайте свяжем его и припугнём — что продадим на органы! То-то он запоёт!» Но никто не запел, француз как в воду канул, и Артик отправился на розыски очередных жертв...

Но однажды Артику всё-таки удалось продать девицу иностранному гражданину. Товаром была девушка из параллельного класса. Она оказалась спокойной, видимо, хорошей хозяйкой, не приставала к шведскому брокеру с интеллектуальными вопросами, как на свидании это сделала я, а была готова выслушивать, томно вздыхая, его рассказы о наживе на очередном биржевом кризисе.

К сожалению, посредников оказалось двое — Артик и другая параллелоклассница, и потому улов пришлось делить на двоих... Компаньоны были окрылены своей удачей. «Полагается ли нам процент от первого ребёнка?» — вопрошали они. Параллелоклассница работала тогда администратором в борделе, но при полицейской облаве ей приходилось проходить проверки наравне с профессионалками. Через некоторое время она уехала в Германию работать нянечкой. На курсах танцев познакомилась с немцем, который на ней женился и умер через несколько лет от рака. Параллелоклассница писала бойкие вирши о разгульной жизни весёлой вдовы, но позже остепенилась и вышла замуж за очередного немца. Теперь она живёт в Нюрнберге и приглашает на экскурсию по гитлеровским местам.

Артик решил не останавливаться на достигнутом успехе и снова начал показывать мне фотографии очередных кандидатов в женихи: «Ну что тебе стоит! Попереписывайся, сходи на свидание, прими предложение! Тебе-то усилий много надо, что ли? Ты в белом платье походишь, а мне заплатят 2000 латов! А потом на церемонии скажешь ему — видал фильм *Runaway bride*? И дашь дёру!» Но меня такие перспективы отнюдь не привлекали, я улыбалась Артику и меняла тему разговора.

Разговорами о фиктивном браке дело не окончилось. Артик начал предлагать мне заняться секс-услугами: «Хочешь продам тебя? За 250 латов! Но только на всю ночь!» Однако выяснилось, что в результате такой сделки мне полагалось лишь 20 % от суммы, а Артику — 80 % за то, что он мозг операции. Такого рода разговоры я воспринимала совсем несерьёзно... Но термин «сутенёр и лучший друг» в моём лексиконе всё-таки появился...

С Артиком мы были знакомы с 6-летнего возраста, сидели за одной партой в первом классе. Я была круглая отличница и даже как-то стала отвечать за него стишок на уроке, в итоге сама получила 2, а Артик — 4. В начальных классах он у меня списывал, а в предвыпускных — уже я у него. Наши мамы дружили и обменивались школьными новостями, а также лелеяли мечты о том, что мы в будущем поженимся... Лет в шестнадцать Артик подрабатывал официантом в престижном юрмальском ресторане «Ориент» и уже тогда придерживался анархистских взглядов. Помню, как он похвалялся, что плюнул в суп клиента, пока нёс блюдо из кухни до стола. За несколько лет до выхода фильма *Fight club* Артик демонстрировал неприятие капиталистической системы купли-продажи и бунтовал против неё втихую... Артика

я воспринимала как родственника, поэтому не переживала из-за его афер, считая их шутками.

Да и в самом деле, секс в возрасте девятнадцати лет был для меня чем-то фантастическим. Я сохраняла невинность и отказывала в сексе парню, с которым встречалась уже год. Я считала, что близость должна быть чем-то вроде приближения к постижению абсолюта, как это сказано у Элиота: «Любовь между мужчиной и женщиной может объяснить и сделать значимой только высшая любовь, иначе это только животное сношение». Секс вне метафизики меня не интересовал, поэтому я часто цитировала Борхеса: «Зеркала и совокупления суть отвратительны, ибо они множат сущее».

Запись из поэтического дневника

**i'll be your mirror, reflect what
you are**

проходила я мимо их кабинета и не раз. и вдруг смотрю — на стене квадрат светлее от снятого зеркала. как же быть такое может, неужто они отказались от своей социально акцептированной внешности? позабавило меня это и удивило. прошло пару дней и снова шла я в том направлении — и уже вместо стены рядом с дверью увидела зеркальную гладь от пола до потолка. заменили значит. мало им было до уровня пояса.

теперь можно, заходя в их кабинет, ненароком спутать и войти в своё отражение.

зеркала и совокупления отвратительны, ибо умножают и распространяют сущее.

ничто не может быть отвратительнее врос-
шести в собственное зеркало. изучение физиче-
ской собственное зеркало. изучение физической
оболочки. так размышляла я, пока мне в руки
не всучили огромный зеркальный экран
и не наказали сидеть с ним не шевелясь.
«запомни всё хорошенько, ни одной дета-
ли не упusti, а потом передашь нам всё как
было». но составляющие частицы так под-
вижны, одни отмирают, другие приходят
на смену. понятия статичнее происходящих
в природе процессов. поток бежит и ничто
его не удержит.

глядя на экран и запоминая этапы разру-
шения и возобновления, я прихожу к выводу,
что мне необходимо заимствовать кожу у зер-
кала, отражать окружающее, растворившись
в нём.

Свою пуританскую позицию я не афиши-
ровала, и с друзьями мы этот вопрос никогда
не обсуждали. Я помню, как одна знакомая ком-
ментировала платоническую связь своих сокурс-
ников, обменивающихся цитатами из Канта:
«В двадцать лет еще девственники! Да у них
просто каша в голове!» Я предпочитала быть
такой же девственницей, обменивающейся

с возлюбленным выдержками из Канта. Кант казался мне намного достойнее бессмысленного занятия сексом без эмоциональной привязанности.

Эта знакомая в двадцатилетнем возрасте славилась мастер-классами по оральному сексу в кинотеатрах. По легенде, она исполняла минет на своем дружке под улюлюканье и аплодисменты кинотеатра Forum cinemas. На стене ее комнаты красовался советский плакат авторства Родченко на стихи Маяковского: «Лучших сосок не было и нет, готов сосать до старых лет. Продаются везде. Резинотрест». Круглоголовое чудище — гибрид колобка и ребенка паялся с плаката, широко улыбаясь ртом, заткнутым дюжиной сосок. Я не стремилась превратиться в этакое перманентно страстнососущее существо и откладывала открытие тайн секса на будущее.

У Артика было другое отношение. В двадцать лет он подходил к сексу довольно цинично, соблазняя старшеклассниц на дискотеках, чем очень хвалился. Обычно это были школьницы из попсовой дискотеки Pepsi forum, которых он привозил к себе домой (жил он с родителями, бабушкой и братом) и занимался сексом в своей комнате. Поутру же вся семья вместе с очередной девушкой завтракала. Отвечая на утренний телефонный звонок от меня, Артик похвалялся: «Ага, завтракаем, и очередная девушка с нами, вот сапоги стоят в прихожей». Артик очень

гордился тем, что за пару лет он привел на завтрак около 100 девиц, из них можно было бы составить модельное агентство. В то время как он бахвалился своими похождениями Дон-Жуана, я блюла честь, думая о сексе как о чем-то недостижимом. Я не хотела делать то, что делают все, потому что не чувствовала готовности к этому. К тому же я мечтала о невероятной головокружительной любви и о встрече с «тем самым», с которым захотелось бы это сделать. Я была крайняя максималистка в этом вопросе: раз мне не встретился никто стоящий, нет смысла терять девственность. Gigantic... a big big love ожидала меня впереди, как пели Pixies.

Во время очередной аферы Артик задумал использовать меня как фальшивого сексуального партнёра для свопа. Он представлял нас как пару на каком-то форуме и приглашал на встречу с потенциальной своп-парой (нам предполагалось обменяться партнёрами). Когда всё уже было на мази, Артик встретил меня на улице и сказал: «Ну что, идём? Мужчина подтвердил своё участие». «А что он прислал?» — наивно спросила я. «Фото с определённой частью тела, конечно!» — тут Артик начал зубоскалить. Из этой аферы, конечно, тоже ничего не вышло, своп-пара пропала в самый последний момент.

Но однажды Артику удалось меня сбегрить за 100 долларов. Он продал меня итальянским

бизнесменам, желавшим учить русский язык. Я обзавелась учебником русского на английском и ходила в офис итальянской конторы преподавать русский на протяжении пары лет, после чего мне предложили постоянную работу. Работая там, я отдавала долги матери (она занимала деньги на еду, нам было нечего есть, пока я доучивалась на бакалавра) и оплачивала учёбу в магистратуре. Артик шутил, что за продление моего контракта у итальянцев ему полагаются проценты!

В девятнадцать лет я была студенткой второго курса Латвийской академии культуры, изучала аудио-визуальную культуру... Почему такое направление? Отчасти потому, что годом ранее я не могла выбрать верное направление. С самого детства мне всё давалось очень легко. Я хорошо рисовала, писала сказки с пяти лет, выступала в школьном оперном театре, писала стихи, училась в художественной школе и в фотостудии... Я не могла определиться, что именно мне даётся лучше. И что вообще такое «культура»? Заняться литературой, искусством, музыкой — меня разрывали мои домогательские успехи... я не могла выбрать. Потому решила изучить все досконально сама: что есть культура, составить своё мнение о литературе, изобразительном искусстве, музыке, кино и т.д.

Родители были против моей учёбы в академии, считая, что это бесполезная

трата времени. Перед моим поступлением в академию отец отвёл меня в свою комнату и прочитал лекцию на тему «Жизнь не состоит из удовольствий». Отец был пенсионером, доктором физико-математических наук. Всю свою жизнь он посвятил науке, в голодные 90-е он отказывался работать грузчиком на рынке. Мать содержала семью, она работала даже в 30-градусный мороз, продавая овощи и фрукты, хотя в советское время была экономистом на фабрике обуви. Почему я не могла посвятить свою жизнь культуре? Отец считал, что в культуре денег нет, а я должна зарабатывать и содержать его и мать, так как оба потеряли специализацию после распада Советского Союза и не удосужились выучить латышский язык. Мне такая перспектива не казалась особо воодушевляющей...

Отец был крайне суров в плане дисциплины и старался контролировать всю мою жизнь. Если я читала в своей комнате, он мог вырвать книгу из моих рук и вернуть только после кропотливой проверки (нет ли чего крамольного и скабрёзного). Однажды у меня так конфисковали роман Пикюля про Распутина. Я больше не желала рисковать, придумывая тайники в столе, чтобы, как только отец войдёт в комнату, прятать подозрительную литературу и невинно улыбаться, держа в руках учебник физики или математики. Как-то раз меня

застукали за чтением «Сексуса» Генри Миллера. Я пришла домой и обнаружила, что отец читает неумышленно забытого на видном месте Миллера. Порнографические сцены начинались где-то дальше, отец не успел дочитать до них. Мне повезло, что читал он медленно. Как только он отложил книгу, я спрятала её и увезла к подруге.

По поводу моего времяпровождения у отца тоже были суровые законы. Я должна была отчитываться про каждую встречу: «где была, с кем, что делали». Так что ни о каких вольностях с моей стороны речи быть не могло. Тут мне тоже пришлось выработать сложную стратегию по поводу своих тусовок с друзьями и рейвов. На каждый выход из дома у меня было заранее придуманное алиби. Как-то раз я вышла вечером прогуляться с парнем из художественной школы, мы гуляли по центру и болтали пару часов. По возвращению домой мне следовало предоставить отчёт о том, чем я занималась. Я описала невинное хождение по улице. «А что, если бы тебя встретил кто-то из знакомых? Что бы они подумали?» — вероятно, отец подходил ко мне с позиций советской морали. Женщина, находящаяся на улице в вечернее время, должна была вызывать подозрение в лёгкости своего поведения.

Я оправдывала суровость отца его советским пуританизмом, а также тем, что у нас был

double generation gap — ценности молодёжи 1990-х он не мог понять (впрочем, как и любой другой отец с single generation gap), потому я и не требовала никакого взаимопонимания, скорее пытаюсь адаптироваться к сложившейся ситуации. Отец был весьма суров в плане полового поведения, и как-то раз, когда друг детства выявился проводить меня до дома после 10 часов вечера, предложил Артику переночевать в ванной, так как «парень и девушка в одной комнате спать не могут». Артик тогда пожал плечами и пустился в обратный путь домой. Он жил в паре остановок от нас, но прогулка по вечерней Саркандаугаве в то время могла кончиться очень плохо. У нас под окнами ночами раздавались крики, случались изнасилования, пару знакомых просто ни за что убили во дворах опасной Краски.

Такое осадное положение длилось в течение отрочества. Каждый год родители обещали мне, что я смогу «жить, как захочу» в восемнадцать. Но и после 18-го дня рождения ничего не изменилось. Отец так же требовал отчёта за каждый шаг, проверял все мои книги на предмет непристойности, а мать прослушивала телефонные разговоры и читала мою почту. Сейчас это называется токсичным поведением, и такого рода родители именуются helicoptering parents.

Если отец был учёным и атеистом, мать была противоположностью — она исповедо-

вала суетную веру, подразумевавшую скорее конформизм, чем истинные чувства. Кроме того, она судорожно цеплялась за любые паранормальные явления. Инопланетяне, экстрасенсы — это то, чем она жила в 1990-е. По наущению матери я какое-то время носила крест на шее и также посещала районную церковь. В этой церкви в Саркандаугаве меня крестили семи месяцев от роду. Это мне было не по нраву, что я выражала истошным воплем. Батюшка дивился на столь беспокойного ребёнка и причислял меня к исчадиям ада... Помню, что в 19-летнем возрасте я сподобилась сходить на первую исповедь и была крайне разочарована. Исповедь выглядела как очередь к батюшке, который стоял на ступеньках у алтаря, а жаждущие отпущения грехов толпились у подножия. Когда подошла моя очередь я оторопела от того, что, по сути, мне каяться не в чем, я пролепетала что-то вроде: «Мне кажется, у меня недостаточно веры». На что батюшка начал перечислять стандартный набор грехов: «Брали чужое, наверное?» Я не брала ничего чужого, за исключением яблок, сорванных в саду саркандаугавского крематория. Потому мне стало стыдно за батюшку и за себя, такую покорную дуру.

С религиозностью я покончила в Академии культуры, пройдя курс формальной логики. Оказалось, у всех суеверий одинаковая логи-

ческая структура, и ничего сверхъестественного, если задуматься, в моей жизни не происходило. Крест с шеи я сняла и в церковь больше не ходила.

В девятнадцать я осмелела и удосужилась оставить второй том собраний сочинений Владимира Сорокина на столе. Придя домой, я обнаружила почерневшего от гнева отца, сурово вопрошавшего: «Вот это ты читаешь? “Тридцатую любовь Марины”?» Я, заметно побелевшая от страха, не стала отпираться и признала свою вину. «Это мы разберём на семейном суде!» — грозно заявил отец и ушёл в другую комнату. Роман «Тридцатая любовь Марины» начинался с постмодернистской пародии на порнографию, далее переходил в пародию на различные советские литературные клише и оканчивался деконструкцией советской пропаганды. Отец не был в состоянии оценить ни постмодернистскую иронию, ни пастиш, потому впал в ярость от подозрений на развращённость моего молодого ума.

Тем же вечером я посетила разрекламированный в академии сеанс кинематографических работ Маргерит Дюрас — демонстрировалась «India song» (1975) и «Агата, или бесконечное чтение» (1981). Эти фильмы взорвали мозг мне, студентке, слушательнице курсов по истории и теории кино. Во время сеансов я даже не задумывалась

о том, что я вижу на экране, чувство восторга пришло позже и произвело на меня эффект разорвавшейся бомбы. Я уже знала историю немого кино, а также знала основных режиссёров авторского кинематографа. Мне были знакомы Тарковский, Курасава, Бунюэль, Годар, но мышление Дюрас с его порхающей линией закадрового текста, временами приближающегося к происходящему на экране, временами удаляющегося от экранного действия, оказало на меня магическое воздействие. Через много лет я буду вспоминать этот эллиптический подход в кинематографическом повествовании и пересматривать эти фильмы. Это было моё первое знакомство с творчеством Дюрас, я буду ещё долго охотиться за её книгами, пытаюсь разгадать загадку её мышления. Я много лет подкрадывалась к сути Дюрас обходными путями — читая второстепенные работы, которые всплывали на рижском книжном рынке (в переводе на русский). Каждый проблеск откровения из *India song* казался мне победой, но я все же не останавливалась в своих исследованиях и продолжала копать, изучая основы мироощущения Дюрас...

Поначалу центральная работа Дюрас «Любовник» разочаровала меня, ибо я усмотрела в сём произведении лишь плотскую подоплёку. Однако, перечитывая эту книгу много лет спустя, я пришла к выводу, что ошибалась, и даже

в плотской направленности Дюрас наличествует самая что ни на есть настоящая метафизика.

С содроганием я ожидала последующего дня и разборок на семейном совете моего недостойного чтения Сорокина, но... на следующий день поздно вечером нам позвонили из морга и сообщили, что на остановке 5-го трамвая на улице 13-го января был обнаружен труп 67-летнего мужчины с дипломатом. Этим трупом был мой отец. Я тогда села от неожиданности на пол.

Потом я после встала и пошла готовиться к завтрашней контрольной по латышскому языку (которую сдала на 10, высшую оценку, надо сказать). Дипломат отца мать получила в морге, в нём был авторский экземпляр физико-математического журнала и большой кусок масла, завёрнутый в коричневатую грубую бумагу. Масло из морга мы долго ели, оно лежало на верхней полке в холодильнике, жёлтой бледностью напоминая о неживой плоти отца.

На похороны я пришла с лекций в академии. Гроб с телом несли сотрудники Саласпилсского института физики, в котором работал отец. Отца я не узнала, мне показалось, что он невероятно усох, грудная клетка выглядела сдавленной и поломанной, будто его сложили как карточный домик, чтобы втиснуть в гроб. В профиль он был похож на испуганного мышонка, через ноздри проходил луч света, застав-

ляя их розоветь. Хотя отец был атеистом, мать настояла на православном обряде, и на его лбу красовалась полоска с крестом и каким-то текстом. «Поцелуй его в полоску, ничего другого не касайся!» — наказала мне мать. После погребения меня подвезли в академию бывшие сослуживцы отца, которые всё ещё не могли забыть роли физиков-шестидесятников как властителей мира. Они-де познали суть вещей, изучили вселенную и воплотили идеал просвещения. «Что вы там изучаете в вашей Академии культуры? Что вы дали миру? А мы дали науку!» — похихикивали они в ответ на мой нечленораздельный бубнёж. «А какой у вас метод изучения? Конечно, эмпирический!» — довольно потирали руки физики, радующиеся тому, что утёрли нос очередному безмозглому гуманитария.

Физики высадили меня рядом с академией за несколько минут до окончания лекции по истории литературы. Я ворвалась в класс без объяснений, чем повергла в недоумение преподавательницу Карбанову. Через пять минут урок окончился, и сокурсники спрашивали у меня: «Зачем ты пришла на последние пять минут?» У меня не было ответа на этот вопрос. Скорее всего, я либо хотела таким образом отдалиться от церемониальных обрядов, сопутствующих похоронам, либо в моём молодом мозгу не состыковались время начала и окончания похорон со временем проведения лекции. Я была

ошеломлена всем, что со мной в то время происходило.

Я только-только начала понимать чёрный юмор отца, и вот он умер, мы не успели сдружиться. «Надо же, она читать умеет», — говорил он про меня, проходившую мимо с очередным фолиантом. Наконец до меня дошло, что язвительные замечания отца — это своеобразный юмор. Склонный видеть всё в чёрно-белом свете подросток попросту был не в состоянии его оценить. Мы были квиты — отец не понимал постмодернистскую иронию Сорокина, а я не понимала иронию «житейской мудрости» отца.

Я не могла точно сформулировать своё отношение к родителям — ясно было, что они не вызывают у меня любви — за то обилие контроля и понуканий, которые низвергались на мою голову. Но не чувствовала я и ненависти. Я воспринимала их как данность, с которой приходилось мириться. Или как некое стихийное бедствие, наличие которого приходится только констатировать, не имея сил на устранение последствий.

Как характеризовали героиню из фильма «Амели»: она была между отцом-холодильником и матерью-пламенем. Мой отец тоже был безэмоциональным холодильником, а мать — стихийным бедствием. Помню сцену: я, пятилетняя, подошла к отцу с каким-то вопросом, но он был занят просмотром футбольного матча и отослал

меня к матери. Я подошла с тем же вопросом к матери, но она готовила ужин и отослала меня к отцу. Тогда я пошла в свою комнату и занялась рисованием и чтением. Библиотека, оставшаяся после родителей отца, предопределила моё развитие на многие годы.

В пятнадцать у меня «врубилась голова», и я начала читать «серьёзно». Кажется, это произошло после освоения биографии Джима Моррисона «Никто не уйдёт отсюда живым». После неё я стала читать Керуака, Хаксли, Бодлера, Кокто... Жизнеописание Моррисона также прельщало меня сценами с наркотиками. Однажды в своем школьном сочинении я написала, что мой жизненный план — к двадцати пяти исколесить всю Северную Америку от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса и умереть от передозировки. План в жизнь не воплотился. Наркотики я так и не попробовала, наперед соглашаясь с Бодлером, который писал, что вдохновение, пришедшее к нему от употребления наркотических средств, оказалось бредом и бессмыслицей. Алкоголь я также не жаловала, отказываясь от распития на школьных тусовках.

Помню момент, когда за написанием школьной домашней работы я осознала, что я не обязана выходить замуж и рожать детей, как следовало из гетеронормативной пропаганды, которая окружала меня с детства.

Я осознала себя феминисткой, вероятно, не зная о существовании такого слова. В семнадцать я прочитала «Улисса» Джойса и после главы Молли пришла к выводу, что разницы между мужским и женским сознанием не существует, что нет так называемой «женской сущности». В этом, как сейчас понимаю, я приблизилась к положениям феминизма второй волны, о существовании которого тогда не догадывалась.

Вероятно, я приблизилась и к идеям о перформативности гендера, транслируемых квир-теоретиком Джудит Батлер. Батлер утверждает, что феминизм совершил ошибку, пытаясь выделить «женщин» в некую обособленную дискретную группу с общими характеристиками. По мнению Батлер, этот подход усиливает бинарное представление о гендерных отношениях. Батлер считает, что феминистки не должны пытаться дать определение «женщинам», им скорее нужно «сосредоточиться на предоставлении объяснения того, как действует власть и формирует наше понимание женственности не только в обществе в целом, но и в феминистском движении». Наконец, Батлер стремится разорвать предполагаемые связи между полом и гендером, чтобы они могли быть «гибкими, свободно плавающими и не вызванными другими стабильными факторами». Джудит Батлер заложила понимание гендерной идентичности

как «вызванного социальными санкциями и табу перформативного достижения». Была ли я априори последовательницей её теории? Скорее, как сказал Пятигорский, «есть люди, определяющие себя как мужчин, женщин, или не причисляющие себя ни к одной из этих категорий». В девятнадцать лет я вряд ли причисляла себя к квир-коммьюнити, скорее, просто избегала бинарности в определении пола. В будущем я соглашусь с призывами испанского философа Поля Пресьядо забыть разделение индивидов половым признакам и создать постгендерное общество.

В то время я ко всему прочему взахлёб читала Достоевского, Сартра, Камю, Данте, Томаса Манна. Помню, что читала на ходу, врезаясь в столбы, «Сиддхартху» Гессе. Меня привлекала древневосточная философия, я читала «Бхагават-Гиту», одолженную у одноклассницы, и «Веды» в Национальной библиотеке. Деньги, выдаваемые мне родителями на еду, я тратила на книги. Меня тянуло исследовать метафизические глубины. Собрание сочинений Достоевского я прочитала в семнадцать, сидя по ночам на кухне. Любимым философом со своих пятнадцати я считала Канта — меня прельщали ругательные определения из советской философской энциклопедии: «Кант был мракобесом и солипсистом». Было нечто будоражащее в этой

характеристике. Я обожала его теорию трансцендентальных категорий бытия и моральный императив. Я уж точно не стала бы использовать кого-то для достижения своих целей.

...На какой-то стародавний день рождения я спросила Артика, что ему подарить. Он захотел «свежей печатной порнухи». Я вылезла из Национальной библиотеки с копиями выдержек из любимого Иммануила Канта об эстетическом суждении, с расчёсанными на пробор и забранными в хвостик волосами, сияющая, с белым воротничком и в чёрной безрукавке, прямо-таки чарлиз эйнджел, и сунула голову в ларёк на кольцо шестого трамвая, звонко потребовав: «Мне, пожалуйста, журнал порнографический, такой-то». В тот день Кант встретил Cunt в утробе моей сумки. Вечером мы поехали на какую-то вечеринку в стеклянное здание на отшибе города, где, оглядевшись по сторонам, Артик сделал кислую мину и заявил, что самая привлекательная девушка на этом сборище уродов — он сам. И уединился в тёмном чиллауте с подарком.

Это к вопросу о десакрализации некоторых культурных ориентиров.

В пятнадцать я запретила себе читать газеты и журналы, а также смотреть телевизор (кроме художественных фильмов). Я считала,

что эти источники информации не соответствуют моему интеллектуальному уровню. В семнадцать однако я подвизалась внештатным корреспондентом еженедельника «Семь поросят». Я писала статьи, освещающие культурные события. Моим начальником считался ныне покойный признанный прозаик, однако реальную работу со мной производил журналист Алексей Заездный. Он увлекался ролевыми играми и иногда на работу приходил в кольчуге. Однажды, не выдержав напряжения в редакции, стукнул по столу главреда самокованным мечом.

Заездный редактировал мои статьи, выкидывал некоторые предложения, вставлял свои, не согласуя изменения со мной, приписывал несуществующие детали. Под изменённой статьёй бессовестно красовалось моё имя, так что потом за мной бегали неверно описанные в статье индивиды и вопили об отмщении. Так я поняла, что в газетах не существует никакой системы контроля и стала доверять им ещё меньше. Кроме того, люди которых я наблюдала в редакции, казались мне уж явно отличающимся от моих идеалов. Это были угрюмые зубоскалящие индивиды в растянутых вязаных свитерах. Они открыто смеялись у меня за спиной, обсуждая мои статьи. Как-то в полураскрытую дверь я услышала комментарий: «А это школьницы тут ходят... полная жопа!»

В общем, перспектива задержаться в редакции меня отнюдь не прельщала.

В семнадцать я пробовала писать стихи, но была недовольна тем, что получалось. Когда я наконец открыла для себя prose poetry, я буквально родилась заново — оказывается, можно не сидеть в клетке рифмы! Наконец я стала писать верлибры, и уже что-то из тогда написанного кажется мне ценным. В школьные годы и годы учёбы в академии мне мерещилось, что не хватает какого-то знания, чтобы начать писать, что мне предстоит ещё узнать что-то важное, после чего я смогу взять на себя ответственность и выступить как писатель или поэт. Призрак фантомного незнания следовал за мной по пятам. Мне казалось, что мне следует писать романы, как это делал Достоевский. Но я писала только стихи и считала это некой полумерой, пока я не достигну духовного совершеннолетия. Поэзию же я воспринимала как нечто вроде протеза, временного средства для воплощения замыслов моего разума, однако неполноценного, в противовес тому, каким казались мне романы размаха Достоевского или Сорокина.

а чем вопросы хуже ответов?

с детства меня мучил голод всезнания. мне казалось — я не могу стать вровень с людьми, что меня окружают, пока не постигну что-то. что-то было ускользающе, могуче,

всеобъемлюще и пока недостижимо. я не могла с точностью дать определение этому. оно было громоздко, пугающе и маняще. его следовало узнать поближе. пока я продвигалась по пути к намеченной цели, меня снедал страх, что я всё ещё «ничего не знаю». стало быть, я ещё не имею права голоса. или право сделать что-то от своего имени. я открывала всё новые и новые двери на пути познания — и мне казалось: я воздвигаю всего лишь фундамент в этой гигантской крепости самоуверенности. я сжирала книгу за книгой, поедала дотла собрания сочинений, где-то услышанное имя автора тут же должно было быть освоено мной. мне казалось — вот-вот — и я коснусь рукой неба! ещё один поворот — ещё — и ещё — и я выйду из этого душного подземелья! но нет — червь познания заводил меня вглубь этой пирамиды, увлекая на всё более опасные глубины. что это промелькнуло вдали? неужели это забрезжила Истина? и я неслась наутёк за этим призраком.

отведав этот плод до тех пор, пока он не показался мне отвратительным, найдя ответы на все вопросы и получив желаемую «уверенность», я была поглощена Сплином и Снобизмом. зачем ещё что-то делать и говорить? всё уже сделано до тебя. тебе больше нечего сказать. ничто больше не было способно удивить меня. я знала разгадки всех загадок.

я знала окончание всех историй — ещё до завязки. любой познавательный процесс превратился в пытку. меня больше не мучала жажда. в ответ на прекрасное полотно я способна была только извергнуть гул сытой отрыжки.

так продолжалось пару лет, пока мой усталый скептицизм не наскучил мне.

мне стало неинтересно прогнозировать ходы, чтобы предугадать финал. мне стали неинтересны ответы. ибо, как мне казалось, я знала всё, и не было смысла вопрошать. мне стало интересно задавать вопросы. даже в той сфере, где всё уже познано изучено и за-протоколировано. не для того чтобы получить ответ.

мне нравится удивляться.

задавать вопрос и оставлять его подвешенным в воздухе.

ведь это удивление — это и есть признак человеческой жизни.

В семнадцать я пробовала медитировать. У меня плохо получалось. Я садилась в центре комнаты, закрывала глаза и пыталась концентрироваться, но посторонние мысли врываются в мою голову, и я спешила за ними угнаться. Такое бессмысленное сиживание с закрытыми глазами и блуждающим умом казалось смешотворным, и я сдавалась. Я пыталась отсекал привязанности к материальным объектам,

раздавая свои вещи одноклассникам и знакомым, но последствием становилась только фрустрация, ибо у меня не было денег, чтобы купить невозвращённые книги. Я также размышляла об иллюзорности эмоциональной привязанности к друзьям и родственникам. Перефразируя Бхагават-Гиту: «Откуда берутся дети, откуда берутся привязанности?» Всё это было наносным — накипь бытия.

Я была увлечена идеей познания абсолюта и отсекала материальные поползновения. Какое-то время я думала об уходе в монастырь или в отшельники, постоянно проверяя себя на эмоциональную устойчивость и отсутствие вовлечённого суждения о других людях. Во мне сплелись буддистская концепция отсечения привязанностей и христианское смирение. В общем, я хотела быть идеальным человеком.

При этом мне хотелось бы думать, что моя идея святости была похожа, скорее, не на христианское монастырское смирение, а на святость разнузданности чувственности и поисков метафизических глубин Жана Жене, о которой он пишет в «Дневнике вора»: «Хотя моя цель — святость, я не могу сказать, в чём она состоит. Исходной точкой служит для меня само слово, обозначающее состояние, наиболее близкое к духовному совершенству. О нём мне тоже ничего не известно, разве только то, что без него моя жизнь была бы напрасной. Не в силах

дать удачное определение святости — так же, как и красоты, — я стремлюсь создавать её каждый миг, то есть стараюсь, чтобы все мои действия направляли меня к сей неведомой цели. Пусть же каждый мой шаг будет отмечен стремлением к святости, до тех пор, пока я не засияю так, что люди скажут: “Это святой” или, скорее всего: “Это был святой”. Я бреду на ощупь, как слепой. Методы достижения святости ещё не созданы. Наугад, руководствуясь лишь уверенностью в том, что это благое дело, я совершаю движения, которые ведут меня к ней. Может быть, она достижима с помощью математики, но я опасаюсь, что таким образом обретают лишь доступную, выхолощенную святость с уже апробированными формами, одним словом, академическую святость. Это значит обрести подобие святости. Руководствуясь простейшими нравственными и религиозными принципами, святой добивается своей цели, лишь когда отказывается от них. Подобно красоте, а также поэзии, с которыми я её сравниваю, святость необычна. Её выражение самобытно. Однако я считаю, что она покоится исключительно на отрешённости. Следовательно, я сравниваю её также и со свободой. Но я хочу стать святым главным образом потому, что это слово означает высочайшее положение человека, и я сделаю всё, чтобы его достичь. Я воспользуюсь своей гордостью и пожертвую ею ради святости».

Родители однако, по моим наблюдениям, никоим образом не выработали критического мышления. Об отце я могу слабо судить, но его приверженность к коллекционированию газетных вырезок с «правдой об инопланетянах» говорит сама за себя. Мать находилась на той степени развития, когда мозг замещают средства массовой информации: она свято верила всему, что говорит телевизор, и тому, что пишут газеты. Оба родителя были очевидно угнетены развалом Советского Союза, и ни один из них не удосужился выучить латышский язык. Мать любила повторять: «Эта сволочь Горбачёв Союз развалил! Как прекрасно мы жили в Советском Союзе!» Она продолжала существовать в воображаемом СССР ещё долго после исчезновения этой формации, и мне кажется, не перестанет уже никогда.

Отец с матерью представляли собой дурной пример супружеского существования для меня в детстве и подростковом возрасте. Они вяло событийствовали вместе из-за невозможности найти другой способ жизни. Они постоянно ссорились, кричали друг на друга, устраивали перепалки из-за еды (в холодильнике были полки еды матери и еды отца, брать еду с обеих могла только я), периодически на словах посылая друг друга в психиатрическую больницу. «Тебе место на Аптиекас!» — говорил раздражённый отец матери. Всё это давало мне нега-

тивный образ семейной жизни, в связи с чем я не желала повторять опыт матери и не желала выходить замуж.

Кроме того, отец прикладывался к бутылке. В его случае это было тёмное пиво на разлив, в 3-литровых банках. Он покупал пиво где-то на районе и на пару недель уходил в запой, из которого мог выйти только по собственному желанию. Происходило это несколько раз в год — может быть 3–4 раза, но отец напивался до беспамятства и не осознавал, где находится и что делает. Как-то раз я наблюдала безобразную сцену, как пьяный отец дерётся с матерью за постельное бельё, хранящееся в диване. Отец и мать у разобранного дивана, тянущие одеяло каждый в свою сторону. После того как отец пришёл в себя, он не верил, что это на самом деле происходило, считая рассказы матери выдумкой.

Для отца уход в запой был уходом в другую реальность — от развалившегося Советского Союза и развала в науке. В постсоветской действительности не оставалось места для физика-творца на пьедестале, финансирование физики равнялось фактически нулю. Отец тяжело переживал смену режимов и свою никчёмность в новоиспечённой независимой республике. Алкоголь уносил его в страну грёз, где физика была всё ещё поддерживаема государством и он был чем-то полезен обществу. Его ситуацию отягчал разгул национализма 1990-х —

мы как русские трепетали, выходя на улицу, каждый день пресса доносила известия об убийствах на национальной почве. Я сама знала пару таких случаев, когда людей просто убивали во дворах. Одной из жертв оказался мой учитель математики, сын завуча школы, другой — родственник одноклассницы. Отец шатался по лестничной клетке в нетрезвом состоянии и таким образом вызывал на конфликт латыша, живущего этажом выше, так же любившего приложиться к бутылке. «Я ненавижу тебя, я тебя... убью!» — кричал сосед моему отцу на лестничной клетке. Общая ненужность, угрозы физической расправы, невостребованность на рынке труда — всё это не способствовало улучшению ментального самочувствия отца. Он сидел на диване в зелёном пледе и сетовал на русский рок, врубаемый мной на кухне: «И так на душе муторно, а ты ещё это включаешь». Отец больше ничего не ожидал от жизни и просто доживал своё время, кутаясь в зелёный плед на диване.

Мать цеплялась за новомодные аферы и поверия, эмоционально вкладываясь в них, но не доводя ничего до конца. Она могла бегать с горящими глазами по поводу Орифлейм-косметики, с помощью которой можно было заработать деньги, или скупала пахнущие краской детские костюмчики на рынке в Литве, но ни одно из этих начинаний не приводило к денежной прибыли. Мать быстро охладевала и бросала

начатое. Она также хваталась за любое упоминание ясновидящих или экстрасенсов, свято веря в палочки для измерения ауры из спиц. Однажды, когда мне было пятнадцать, она привела домой старую знакомую, тётю Тоню, которая слыла экстрасенсом и которой негде было жить. Тётя Тоня осталась у нас жить на полтора года, с перерывами. Она прилежно измеряла наши ауры и уверяла, что может читать мысли. Проблема тёти Тони была в том, что её семья уехала в Россию, а она осталась продавать квартиру, причём как-то неудачно, так что осталась и без крова над головой и без денег. Пока тётя Тоня разбиралась со своей квартирой, ей было позволено жить у нас. Кажется, я в то время спала на раскладушке, а тётя Тоня на диване в моей комнате. Появлялась она у нас на неделю через неделю, так что раскладушка не была моим постоянным уделом.

Тётя Тоня снабжала меня брошюрами о духовной жизни и подзуживала умирять гордыню, коей я, по её мнению, была наделена сверх меры. Я помню, что в принесённой ею литературе была книжка о смысловом единстве всех религий, что показалась мне довольно логично. Там же нашлось объёмное сочинение «Роза Мира» Даниила Андреева, которое я проглотила, лёжа на диване с ногой в гипсе. Я упала с лестницы в школе, заглядевшись на свой тогдашний краш, который разъярённо размахивал чёлкой

в холле перед столовой. В результате мне предстояло месяц отлёживаться в гипсе. Но я успела много прочесть, в том числе «Розу Мира», из которой я почерпнула теорию о духовных оргазмах Андреева, о некоем состоянии, переходящем от духовных оргазмов к физическим. Андреев также много писал о Ницше как об апологете сатанинской идеологии, что меня весьма заинтересовало — о Ницше я только начинала читать в ту пору, и мне было интересно мнение тётки Тони. На мой вопрос о том, почему Ницше такой плохой, судя по изложению Андреева, ответ тётки Тони звучал точь-в-точь как современный мем: «Ницше? Может, они и плохие...» Понятно, что никакого авторитета у тётки Тони после этой фразы уже не могло быть. Через некоторое время тётя Тоня уехала в новгородскую деревню строить церковь своего имени.

Через пару лет я посетила её под Валдаем — она скромно проживала с мужем и двумя сыновьями в покосившемся доме рядом с проезжей частью. Деревня была на семь дворов, и все дома стояли вдоль шоссе. Суп, налитый в тарелки, грозился вылиться — таким косым был пол в этом деревянном доме. В гостях у тётки Тони я вынесла три дня опрощения — вела огородные работы, обходила лесную территорию, посетила с хозяевами в русскую баню (где у меня беспрестанно текла кровь из носа, слабые сосуды я унаследовала от отца). Никакой

идиллии деревенская жизнь не таила — мимо дома постоянно сновали машины, шоссе было оживлённым. Когда я шла вдоль него, водители фур норовили свернуть шею. Мы ходили «в гости» в близлежащую воинскую часть, я безропотно выносила щебетанье товаров тёти Тони. Когда они слушали Газманова на магнитофоне, то самозабвенно подвывали каждую песню. Всё это отнюдь не выглядело как идеальная форма существования. Через три дня такой жизни я вышла на шоссе и стопанула грузовик. Он меня довёз до Новгорода, где жили мои родственники по материнской линии.

Материнское стихийное бедствие накатывало без предупреждения — помню, как мать в очередной раз загорелась желанием вылечить меня от некой хвори и потащила вместе с отцом на встречу к какой-то магической бабке, в самое сердце Саркандаугавы. Отец пыхтел как жёлтый икарус, поблёскивая дужками очков, а мать кудахтала всю дорогу напролёт. Мы нашли прифабричную дорогу в полуразрушенное здание, вошли в комнату, в которой царил полумрак. На большой неприбранной кровати сидела отталкивающего вида старуха, из её подбородка росли клочья длинных жёстких волос. По постели бегали тараканы, в соседней комнате свершали скорбный ужин безликие родственники священной особы. Бабка проговорила несколько невнятных фраз, потрясла меня за шею

и отпустила. Вид у меня был скорее всего ошарашенный. Плата за ритуал взималась банкой мёда. «Мёд поставьте на стол», — прошамкала бабка слабым, но страшным голосом, будто звучащим из-под земли. Мы с отцом были весьма недовольны пережитым, однако покорялись своей участи. Так мы формировали с отцом иллюзорную общность — в противовес материнской суеверности.

Дружить с Артиком я продолжила... но что это было? Безапелляционное доверие к нему как к члену семьи? Или я воспринимала его как данность, меня тянуло к противоположности... Похоже, я изучала его поведение как антрополог. Очередная неприятная стычка с Артиком произошла в вечер празднования Лиго в каком-то кемпинге, расположенном где-то под Саулкрасты. Артик пригласил меня на праздник, организованный его престижным вузом. Я приехала поздно, тыкалась в какие-то деревянные домики в поисках адреса, шокируя напуганных жителей Саулкрасты, прячась под радужным зонтиком от проливного дождя. Когда же я наконец нашла кемпинг, обнаружила Артика в окружении вопящих молодцов под бодрые аккорды поп-хита. Он выпрыгнул на меня из толпы веселящихся и стал поливать газировкой из полторашки, выкрикивая: «Дура-дура, малолетка! Ты сосала чупа-чупс! Ты сосала — ты сосала!» Безликие пьяные молодчики стали зазывать

меня ночью на пляж, в ответ на что я растерялась и пробормотала: «Я без купальника». «Отлично! Она без купальника! Она мне нравится», — сообщил ослабившийся юнец, но это меня не переубедило. В тот вечер я ничего не пила. После брожения по ночному пляжу пьяный Артик пошёл спать в комнатёнку, и мне полагалось место напротив него. Я разделась и легла на живот. Двери в спальни не закрывались, и по комнатам слонялись компании весёлых юнцов. Уже светало, когда в нашу спальню ввалились два типа с курса Артика и, увидев меня, подсели на кровать. Я лежала лицом в подушку, потому не видела их лиц, только слышала голоса. Они начали уламывать меня на секс и, видя, что это предложение не вызывает отклика, засунули руки под одеяло. Два парня водили ладонями по моему телу в исподнем и приговаривали: «Ну почему ты не хочешь? У тебя же такое красивое тело». Я попыталась разбудить Артика, но он только пробубнил: «Ну что, наконец тебе счастье привалило». И перевернулся на другой бок. Единственным моим избавителем в этой ситуации стал русский мат, который я знала по трудам Владимира Сорокина. Юнцы были неприятно поражены моим лексикологическим запасом, запал и возбуждение у них прошли моментально. Я выждала, когда их шаги утихнут, оделась и побежала до станции электрички. Ждать её мне предстояло около часа.

То, что ситуация могла обернуться групповым изнасилованием, мне даже не пришло в голову. Я была настолько наивна и прекраснодушна, что даже не успела испугаться. Это мне растолковала через некоторое время более опытная товарка, с которой я поделилась историей. Артик теперь выступал в неприглядном свете — он мог бы сойти за подсобника изнасилования. Но я не обиделась на него и продолжала общение как ни в чём ни бывало.

В том же году произошла неприятная сцена на калнгалском пляже. Праздновали день рождения одnogруппника по художественной школе. На этой пирушке я впервые выпила водки, судя по всему, на голодный желудок. Глаза у меня залились невнятной жидкостью, по какой-то причине из дымки выплывали сосны, смеющиеся лица, плед для пикника. Технический оранжевый ножик появился в моей руке и рубанул по большому пальцу... после чего я по какой-то причине оказалась на лужайке в лесу с приятелем именинника, бывшим на несколько лет старше меня. Шли ли мы промывать рану? Я постоянно норовила опустить порезанный палец в песок, а приятель останавливал меня. Мы двинулись к морю, и дальше помню уже сцену лобызания в кустах. Приятель находился подо мной, а я лежала на нём. Я почувствовала себя нехорошо и попросила оставить меня одну. Приятель исполнил

просьбу, и так я и провалилась в небытие в паре десятков метров от моря. Я вырубилась на пару часов, проснулась от громкого дыхания неизвестной собаки, которая тыкалась мне в ухо, и чей-то голос спрашивал, как бы издалека: «Живой?» Да, я была живой, но потерявшейся. Помню, что на мне была ярко-голубая куртка и синие штаны — голубой было видно издалека, так видимо меня и нашёл незнакомец с собакой. Каким-то чудом люди с праздника тоже нашли меня и привели обратно. Присутствующие были уверены, что у меня был секс с приятелем именинника. В электричке одноклассники смотрели на меня с укором и говорили: «Какая же ты глупая!» Эту сцену, вероятно, можно истолковать как некий абьюз в отношении нетрезвого подростка. А что именно было на уме у этого приятеля, я так никогда и не узнаю.

В подростковом возрасте я придумала стиль «альтернативной бейбы» с короткими тёмными волосами. Я несколько лет ходила с каре, рядясь в одежду из шестидесятых — на спине у меня был рюкзак с колокольчиками и черепами. О моём появлении в школе можно было услышать до того, как я появлялась в поле зрения, — я звенела как корова. В девятнадцать я обстригла каре, так как хотела приобщиться к унисексу. В дальнейшем я несколько лет стригла свои волосы сама, выстригая геометрические узоры из чёлки. Сокурсницы дивились на мои

парикмахерские изыски и рекомендовали мне сменить род занятий.

В двадцать я внезапно сделалась красавицей — обесцветила волосы, отпустила до плеч и вооружилась помадой цвета «спелая вишня». Я впервые была довольна своими волосами — прежде, глядя на тёмные волосы в зеркале, мне казалось, что это какой-то непроходимый бурелом и хаос, а теперь это была насквозь светлая и просматриваемая копна сена. Обесцветить волосы я мечтала с десяти лет, с тех пор как увидала в журнале про кино фото Брижит Бардо сначала с тёмными, а потом со светлыми волосами. Я мечтала: когда вырасту, сделаю то же самое. Однако в школе это было запрещено — за покраску волос могли даже выгнать. Кроме того, в школе царил сексизм — девочек выгоняли за курение после первого раза, а мальчиков — после второго. За косметику ругали — меня саму несколько раз отчитывали за губную помаду. Я не раз лицезрела на школьных занавесках размазанную помаду — значит кто-то спешно вытирался, когда в класс направлялся директор. Я пыталась много раз представить себе — каково это было целоваться с пыльной потрёпанной синтетической жёлтой занавеской в страхе получить выговор от директора. В престижном учебном заведении мы давали клятву Пушкину в День Лицея, я до сих пор помню церемониальность, с которой этот процесс был обставлен.

в чёрном актовом зале вершилось таинство
полуголые музы со свечками в руках
освещали коридор до алтаря на сцене
на которой высился постамент с бюстом
божества
то есть возведшего очи горе а. с. пушкина
в самый торжественный момент мистерии
бюст божества высветился пистолетом
раздались раскаты грома и голос пиита
снизошёл до посвящаемых школяров
(в роли голоса пушкина обычно выступал
учитель географии
или учитель русского языка)
устрашающий ропот пронесся по залу
голос пророка призывал школоту к исполнению
возложенной на неё миссии
«служить высоким идеалам человечества...»
перечисляя ряд неоспоримых доблестей
отныне неминуемо нависающих над главами
учащихся
как назойливые мухи они должны будут
теребить
совесть посвящаемых до последних их дней
на земле
дабы подтачивать их самомнение и нащёптывать
«ты достоин — ты недостоин — ты достоин —
ты недостоин»
нести звание учащегося достославного
учебного заведения

(т. е. пушкинского лицея города рига)
пока хляби небесные не разверзнутся над
последним лицеистом
будет в силе невырубаемое слово пиита
«вы посвящены!»
пока игла не выпадет из рук героинового
передозчика
приехавшего поступать в театральное
тараса (20 лет)
пока не лопнут все окна в хате слезшего
с амфетамина леона (28 лет)
пока не засыпется комьями чернозёма гроб
костика с зелёными пятнами на щеках
(34 года)
пока не будет найдет труп исчезнувшего
артура (20 лет)
и т. д.
будет в силе клятва данная в чёрном актовом
зале
в присутствии полуголых муз и слепого
изваяния на алтаре

красная помада на занавесках
кто-то испугался директрисы, заходящей
в класс
до сих пор представляю себе
как это было целовать пыльную
оранжево-жёлтую синтетическую ткань
за косметику в моей школе были выговоры

за покраску волос выгоняли
за курение девочек исключали после первого
раза, мальчиков — после второго (сексизм)
когда директриса выходила в понедельник
после собрания в коридор
рассекая пространство от учительской
до своего кабинета
школьники разбегались врассыпную
я пряталась от неё в туалете
могло перепасть за что угодно, в том числе
за внешний вид
строгое соблюдение чёрно-белой формы
и запрет на джинсы
директриса двигалась, как надувная кукла
людовика XIV, колыхаясь, как желе
на голове высились пергидролевые букли,
трёхэтажный нос и подбородок
— всё трепыхалось в такт
эхо от её каблучков разносилось по пустому
коридору
из которого мы вовремя успевали удрать
она медленно шла как в фильме ужасов
только самые смелые позволяли себе
бросить вызов судьбе и поздороваться
сообщая спрятавшимся, когда шухер
пройдёт
да, такова была еженедельная прогулка
по пустому коридору
много лет с тех пор прошло,
школа поменялась,

говорят, за покраску волос
 больше не выгоняют
у школы новый директор, не нагоняющий
 такого страха
я думаю, что это уже другая школа
в той же географической точке

вероятно это была религия
то что они называли школой таковым
 не являлось
ритуалы с жертвоприношениями духу пушкина
строго кодифицированное поведение
неписанные законы основанные
на сексизме колоризме униформизации
список правил которые нельзя нарушать
коллажи из фотографий
«как вам надлежит выглядеть»
у входа в кабинет директрисы
кажется директриса была религиозным
 лидером
она свершала пассы руками
 во время заседаний
колыхала буклями для острастки
если был такой длинный список огрехов
она имела очень нелестное представление
 о природе учеников
с развратом надлежало бороться на примере
 косметики

в её грёзах любая школьница с помадой
на губах
потенциально совершала
орально-генитальный контакт
промискуитет стоит искоренить в самом
зачатке
выбеленные лохмы говорят о половой
распущенности
поэтому не допускаются
так вещала жрица дисциплины с амвона
обучение было побочным эффектом
дисциплинарных взысканий

Итак, в двадцать я сделалась идеальным секс-объектом, этакой куклой Барби, хотя секс меня не интересовал, и никаких привилегий от своего внешнего вида я не ожидала. «Блондинки забирают всё!» — говорила мне бабушка. Но тут-то я бы с ней поспорила. Я сразу же испытала на себе пристальное мужское внимание — машины сигналили мне на улице, когда я шла мимо на высоких каблуках и в джинсах в обтяжку. Из окон кричали: «Девушка, почему у вас такие длинные ноги?» Как-то раз зимой я пошла в кинотеатр «Рига» на фильм Альмодовара, и пару кварталов от остановки мне сигналили машины, одна из которых просто встала поперёк моего пути. Престарелый мужчина за рулём, в шёлковом красно-жёлтом шарфе, безапелляционно заявил: «Девушка, я вас никуда

не отпущу!» В то пору у меня были волосы, гордо отбелённые под цвет унитаза, чёрная длинная барская шуба и высокие каблуки.

На пляже в Вецаки мне было сложно просто лежать в купальнике и загорать, будучи привлекательной стройной блондинкой — время от времени я обнаруживала полубомжеватых типов в паре метров от меня, которые стояли в кустах и мастурбировали. Я была в шоке... Я сделалась идеальным объектом в патриархальном мире. Осознающая свою привлекательность молодая женщина. Однако, к чему меня это привело?

Следуя за размышлениями Симоны де Бовуар во «Втором поле» (1949), можно утверждать: женщина в патриархальной модели общества воспринимается как объект и как Другой. В истории человечества мужчина всегда выступает как субъект, а женщина всегда выступает как Другой по отношению к этому субъекту. Де Бовуар пишет: «Она определяется и дифференцируется по отношению к мужчине, а не он определяется по отношению к женщине; она случайность, несущественное в противоположность самому существенному. Он Субъект, он Абсолют, она Другой». Когда мужчина смотрит на женщину как на объект, это процесс объективации. Подводное течение этого явления — самообъективация женщины, рассматривающей себя саму как объект,

пригодный для мужского взгляда. Видимо, я занималась такой самообъективацией, пытаюсь выглядеть как Барби. Я была просто пародией на бимбо — книжный червь с пергидролевыми волосами. Это был метауровень посмодернистской иронии. Вероятно, не вполне осознанный.

Косметика — происх. от греч. *cosmos* — мироздание, мировой порядок. То есть она призвана упорядочить, привести в гармоничное состояние. Меня всегда поражала эта этимология. Косметика как элемент приобщения определённого индивида к социально акцептированной визуальной форме.

Лицо становится твоим социальным идентификатором — будь добр адаптировать его под общественные нужды.

Или собственная адаптация под идеальный вид человека. Боязнь отставать от собственного идеала. Страх посмотреть в зеркало на самого себя. Заглянуть правде в глаза.

Вспомни Кобо Абэ «Чужое лицо». Потеря себя с потерей собственного лица. Так что же ты считаешь собственным лицом? Возможно твоё лицо и маска давно поменялись местами.

И окружающие уже давно не знают, что же на самом деле есть ТЫ. То, что ты считаешь за невольную маску и элемент случай-

ности, — это возможно и есть твоё искусно спрятанное истинное лицо.

А возможно, я живу в космосе...

В то время мне казалось, что окружающие меня люди занимаются либо организацией проституции, либо вовлечены в этот процесс в виде товара. Меня постоянно пытались продать, либо я слышала истории о том, как очередная товарка по школе вовлечена в эскорт-сервис. Я помню, как встретила свою бывшую лучшую школьную подругу на лужайке у Латвийской оперы. В первых классах мы были лучшие ученицы, и на этом сдружились. После окончания школы общаться уже было не о чём, мы встречались редко. В ту встречу мы делились тем, что происходит в наших жизнях. Она хвасталась и взахлёб рассказывала о том, что помимо работы проект-менеджером в некой типографии она ещё подрабатывает тем, что продаёт иностранцам девиц для эскорта. Девицы семнадцати-восемнадцати лет заполняли анкеты, обнаруживали своё желание заниматься этим ремеслом, доказывая в письмах как она алчут обслуживать красномордых заморских папиков. «Да-да, очень милые девушки, и уже знают чего хотят», — с восторгом рассказывала бывшая лучшая подруга, жмурясь на солнце и принимая выгодные позы на травке, предвкушая навар от торговли. Больше мы с ней не общались.

А ещё у нас с Артиком была знакомая, которая в возрасте девятнадцати-двадцати лет уже крутила романы с иностранцами. Один из её поклонников, немецкий красномордый дядя под шестьдесят как раз приехал в Ригу, накупил флаконов с духами, свалил их в своём номере на кровать и просил знакомую поспособствовать познанию Балтийских стран через привлечение девиц. Я оказалась одной из подразумевавшихся жертв — мы сходили втроём в какое-то кафе, и он стал зазывать меня в свой номер. Я сказала, что мне надо писать работу по творчеству Эйзенштейна и вообще не падка на заморские духи. Дядя сник. Не знаю, чем кончилась его охота на любительниц изысканных ароматов. Знакомая в то время крутила роман с греческим парнем и ездила к нему в Грецию на пару месяцев. Правда, она столкнулась с проблемой попасть обратно в страну — пограничники в Риге посчитали её паспорт поддельным и уверяли, что она греческая секс-работница, выучившая латышский по разговорнику. Не помню, на какие жертвы ей пришлось пойти, чтобы пройти границу.

В тот же период моей жизни и возник Питер М. Ш., ещё один красномордый лягушкообразный немецкий бизнесмен, представившийся мне «известным фотографом» в незабвенном кафе-дансинге Casablanca на Домской площади. Мы хаживали с друзьями в Casablanca, памятуя

о промоутерской деятельности его владельца Мартиньша Киберса, который несколько лет до этого организовывал серию вечеринок Casablanca — 2000 в клубе «Полковнику никто не пишет».

Casablanca

итак, свершилось! папа киберс открыл свой балаганчик после двух лет ремонта! он громоздится довольной глыбой за стойкой своего бара и по-барски жмёт руки входящим знакомым, его голова — великолепный стаффаж, олень с развесистыми рогами — между баррикадами из перевёрнутых стаканов, под потолком и трепетных бабочек в стеклянных кубках-рамах. бабочки меланхолично трепещут крыльями, пытаюсь превозмочь ледовитый климат своих клеток, но никто не обращает на них внимания — папа киберс наш герой! он довольно щурится и высматривает всех вошедших, думаю, в голове у него возникает список из особ, угодных его императорскому величеству. он рассекает пространство своей мощной сутулой фигурой — колосс на пенсии. он счастлив. а посетители этого багрового заведения со знойным марокканским именем топчутся на входе, они смотрят под ноги — там, через преграду прозрачного пола, можно узреть, как плещется танцпол с ловко переплывающими от края к краю

официантками. это всё больше смуглые карлицы в светлых шёлковых набедренных повязках. Ах, та баядерка, мерцающая сумрачным бедром... але-гоп! «тёлки на месте! мне чур ту, что справа!» пара франтов с аккуратными бородками, солярийной кожей и в мешковатых штанах минуют пост владельца и его огромные узловатые руки, устремляются по лестнице, покрытой ковром с красными розами вниз, — в марево танцевального отдела. красные, как раки, они всплывают вновь через десяток минут и бредут куда-то в сторону кровавых портьер. неонов подsvеченные алые кубики — имитация кирпичной стены, эти бабочки, потолок с репродукцией руссо-примитивиста, пол с неоновым светящимся аляповатым символом кафе — всё направленно на то, чтобы втянули этот дымный воздух, затрепетали всем телом и простонали: ах, марокко, марокко — никогда я там не был — и буду ли? неужто потонет вся моя жизнь в этом северном мороке... а вдали маячит голова папы киберса — довольная и громоздкая.

Седой, как лунь, красномордый дядя Ш. смотрел на меня, не мигая, и блеснул своими диоптрийными очками, как медный таз. Он был с женщиной средних лет без особых примет, которая и взяла на себя смелость сделать первый шаг. «Посмотрите туда, там сидит известный

фотограф, он говорит, что во всём этом заведении вы одна выглядите, как модель», — заявила мне женщина без примет. После чего мы, кажется, обменялись контактами с Ш., и он укатил за рубеж, однако писал мне письма с зазыванием работать моделью во Франции.

Познакомились мы летом, а следующий визит Ш. в Ригу произошёл в декабре. Он позвал меня на ужин в ресторане отеля Hotel de Rome. Оказалось, что товарищ Ш. никакой не фотограф, а, скорее, продюсер, но работал над проектами с Пако Раббаном, сотрудничал с любимым фотографом Дали и корешился с матерью-продюсером супермодели Жизель Бюндхен. Немец по происхождению, он провёл много времени в Бразилии и занимался отельным бизнесом. Продюсирование фэшн-фотографии он называл «работой для души» и постоянно повторял: «Я хочу, чтобы ты себя чувствовала хорошо». Мне в голову не могло прийти, что под этим подразумевалось. Питер М. Ш. смотрел на меня глазами телёнка и бормотал: «Я хочу, чтобы твои глаза светились, чтобы ты была счастливой». Он смотрел на меня с состраданием и отмечал: «Я вижу, у тебя большое сердце, сложно жить с таким большим сердцем... вижу, как тебе нелегко». После ресторана он потащил меня в свой номер, «показать контракт на работу во Франции», я как замороженная последовала в его апартаменты. Питер М. Ш. держал

в одной руке контракт, а другой перебирал бумаги прямо на кровати. Эта сцена показалась мне странной. Он заявил, что нам следует сделать пробные снимки, чтобы ему было что показать агентству. Я покорно согласилась. Сначала это были фото в одежде. «Ты знаешь, что у тебя проблема с носом?» — спросил он меня. Я была не в курсе проблем с моим носом, только знала то, что он ассиметричен, как и у всех людей. Он начал объяснять, что лучше фотографировать мой нос с одной, а не с другой стороны. Потом он заявил, что ему следует меня вымыть и повёл в ванную. Там он некоторое время тёр меня мочалкой в ванной, после чего я вымыла голову и облачилась в белый отельный халат. Всё это время у меня в голове звучали фразы из финала «Тошноты» Сартра: «Идеальные мгновения, это то, для чего мы живём». Мне нравилась эта теория идеальных мгновений, и я пыталась отыскать подобные в своей жизни. Эта история в отелем номере мне казалась из ряда вон, я воспринимала её как авантюру, нечто необыкновенное, что стоит запомнить навсегда. Питер М. Ш. снял с меня халат и начал фотографировать без одежды. Я не сопротивлялась. Тогда он заставил меня принимать позы на кровати и повторял: «Подними своё *роро* — выше-выше». Наконец, у него кончилась плёнка. Он положил меня на кровать и, наливая на руки пахучее

масло, сказал: «Я сделаю тебе массаж». Я не противилась, ничего плохого пока не произошло. Питер М. Ш. начал натирать моё тело довольно агрессивно пахнущим маслом — подозреваю, что это был афродизиак. Он осмотрел волосы на моём лобке и спросил: «Так вот какого цвета твои волосы?» На что я сказала: «Нет, кажется там темнее». Он ухмыльнулся, глядя на раздражённую кожу зоны бикини: «Не брейся там сама, ты не умеешь это делать». Пока я лежала на спине, Ш. шарил красными морщинистыми руками по моему телу. Но тут у него зазвонил телефон, и он начал деловито переговариваться по-немецки. Параллельно разговору он сжимал мои соски, а также схватился пальцами за клитор. Я испытала неприятное возбуждение. Пока оно трепался по телефону я пришла к выводу, что пора давать дёру. Когда Ш. положил трубку, я сказала, чуть не плача: «Мне пора домой, меня ждёт мама». Я встала с кровати, быстро оделась и выбежала из отеля. Когда я приехала домой, моя кожа пахла отвратительным сладострастным маслом, я ощущала себя подавленной, униженной и оскорблённой, мечта о карьере за границей смешалась с отвращением перед сексуальными поползновениями премерзкого для меня существа... я рыдала в подушку и чувствовала себя осквернённой. Сейчас я подозреваю, что эта схема соблазнения девушек была у него хорошо отлажена, и он таким

образом перетаскал не один десяток неопытных мечтательниц в свою кровать. Я задавалась вопросом — скольких девушек ему удалось лишить невинности таким вот образом...

После этого случая Ш. звонил мне, томным мечтательным голосом возвещая, что «фотографии выглядят хорошо» и «когда сможешь приехать работать во Францию?» Но я отнекивалась, говоря, что у меня ещё остаётся год учёбы, я не собираюсь её бросать. Фотографий я не видела — он их мне не присылал. Наверное, они были опубликованы на немецких порносайтах. Сама про себя я шутила — поеду во Францию, стану наложницей, там меня продадут в гарем в Марокко, оттуда я убегу в пустыню, спасусь через какого-то сердобольного белого и оставшуюся жизнь буду писать мемуары о прожитом. Неплохой план.

После встречи с Ш. о моём существовании вспомнила женщина без особых примет. Она как-то позвонила и заявила: «Я вас познакомила с Ш., вы мне вроде как должны». Я не считала себя кому-то должной за что-либо, но решила поддаться соблазну авантюры. Женщина без примет также имела своднические амбиции и начинала набирать базу девушек для матримониального агентства, конечно, ориентированного на зарубежный рынок. По просьбе женщины без примет я сходила на пару свиданий, в которых принимали участие жертвы

вроде меня, сама женщина без примет и очередной падкий на балтийских невест иностранец. Я, как правило, бойко вела разговор, иностранец хлебал изысканное вино, а женщина без примет втихую шептала мне и конкурентке: «Ведите себя прилично, девочки!» Я отпускала шуточки про то, что краснеть полезно для кровообращения — судя по всему иностранец покраснел от каких-то моих шуток. После этого я сходила на съёмки для каталога невест, который пыталась собрать женщина без примет. На этом наше знакомство и кончилось.

После смерти отца всё в жизни усложнилось — мать попала в больницу с шоком, после этого она потеряла постоянную работу и вышла на досрочную пенсию. Но с её пенсии какое-то время снимался штраф, потому что она работала в то время, когда уже была на пенсии. Я, пока училась, получала пособие по потере кормильца. Моего пособия хватало, чтобы оплатить нам квартиру с матерью, и сходить один раз в магазин купить продукты. Мне пришлось бросить учёбу в художественной школе — я не могла её оплатить, я также бросила занятия в фотостудии, так как не было денег на фотоплёнку и бумагу, бросила занятия вокалом в Болдерайской художественной школе. Осталась только Академия культуры.

В двадцать мне несказанно повезло — я выиграла интеллектуальный конкурс

«Студент — 2000» — мне причиталась стипендия от Рижского банка. Этой стипендии хватило на учёбу в Академии на 2 года. До этого я поступила на бесплатное обучение, но в конце первого курса слетела на платное из-за несданного зачёта по особо сложному курсу латышского языка (от ученика патриарха латышской лингвистики Эндзелинса, который не признавал никаких компромиссов и мучил меня бесконечными диктантами). В пресс-релизе Рижского банка значилось, что они обязуются трудоустроить стипендиата, но вакансии для студента-культуролога у них не было, потому заведующий маркетинговым отделом Антуан решил сбавить меня своему корешу директору production house Студии «Волкодав». Студия режиссёра Волкодава славилась на постсоветском пространстве как производитель высококачественных видео для музыкантов вроде «Мумий Тролля», эти клипы видели все, кто мог, и даже я ими восхищалась.

В студии «Волкодав» мне предложили работу маркетинг-менеджера. Я встретила на пару дней с девушкой, работающей на этой же должности, и расспрашивала её про процесс. Выяснилось, что она даже не в курсе, что я собираюсь её заместить, что работодатель планирует порвать с ней отношения. «Немного странно», — подумала я. Девушка работала на данной позиции уже несколько месяцев, но не принесла

компании ни одного зарубежного контракта. Задачей маркетинг-менеджера было именно расширение сбыта аудиовизуальной продукции (рекламных роликов), выход за рубеж. Для этой цели я начала ездить в командировки в Таллинн и Вильнюс, имея по 6–8 встреч с директорами или креативными директорами рекламных агентств. В результате несколькомесячных потуг я нашла фирму, готовую сотрудничать со студией «Волкодав». Продуктом моей деятельности стали два рекламных ролика.

Я также посещала странные приёмы эстонской рекламной тусовки, по приглашению креативных директоров, наблюдала показ эстонских призовых рекламных роликов в Таллинском оперном театре.

В студии царил полухаос — больше всего мне нравилась монтажная комната, которую я именovala «курятник», в ней ютились 3–4 весёлых парня, занятые монтажом и трехмерной графикой. Именно оттуда доносились бесконечно проигрываемые песни, на которые монтировались музыкальные клипы. Песня группы «Сплин» «Остаёмся зимовать» звучала по 50 раз на день, когда монтировался клип. Вместо «ртуть упала» мы пели «грудь упала» и гадали, чтобы это могло значить... Упавшая грудь так и останется символом того раздольного событования.

Там же я впервые попыталась поиграть в компьютерную игру — это была Wolfenstein. Мне не понравилось, что игра говорит мне, что делать: спасать заложников и убивать нацистов, и я решила делать всё наоборот. Я начала расстреливать призрачных зомбических заложников, которые были плохо проработаны и только топтались в углу. Из нонконформистской настроенности я хотела подружиться с нацистами — у них была такая красивая униформа! Но как только я подходила ближе, раздавался хлопок, и я видела землю и сапоги нациста, а также нечто красное застилало монитор. Оказалось, что это моя кровь. Так моё дружелюбие не находило отклика в сердцах нарисованного противника.

В компьютерные игры я с тех пор никогда не играла, считая пристрастие к ним признаком духовной дегенерации. Через лет 15–20 я узнаю, что существуют и интеллектуальные компьютерные игры, об этих играх, как о лабиринтах смысла мне будет рассказывать одна подруга, увлечённая геймерша, о них напишет стихи ведущая русскоязычная поэтесса Галина Рымбу, я говорю про её поэтический цикл об опыте игры вместе с малолетним сыном. В 2023 году я узнаю о существовании не особо интеллектуальной игры «Секс с Гитлером», в которую попробую сыграть сама, естественно, unsuccessfully, видимо, чтобы развенчать старый миф

о несостоявшемся знакомстве с нацистами в игре Wolfenstein. Для меня же компьютерные игры останутся метко охарактеризованными словами диванного воина из фильма Василия Сигарева «Страна Оз»: «У меня танк угнали!».

Меня ожидала та же участь, что и мою предшественницу по студии «Волкодав» — после полугодовой работы однажды меня просто не пустили. Моё имя было вычеркнуто из списка работников компании. Я позвонила директору и спросила, в чём дело, на что он ответил: «Мне об этом ничего неизвестно». Я не оформлялась официально на эту работу, договора у меня не было, платили мне символически, я считалась там чем-то вроде стажёра. Так окончилась моя авантюра с «Волкодавом».

После опыта работы в рекламной сфере и журналистике, я пришла к выводу, что не хочу быть частью зомбирующего мозги процесса, и пообещала себе, что никогда не буду работать в этих сферах. Never say never. Однако до сих пор мне удалось сдержать слово.

В двадцать я прошла процесс натурализации и гордилась паспортом гражданина Латвии. До этого у меня был фиолетовый паспорт негражданина или статус alien. Такой же был у матери и у отца. Я не имела никаких негативных эмоций или претензий к правительству, в отличие от своих родителей, которые считали себя неоправданно обиженными.

Я уже с подросткового возраста была уверена, что разделение на национальности является социальной конвенцией, и никогда никого не судила этнической принадлежности. Чувство ненависти мне было незнакомо. При поступлении в Академию культуры я так и заявила на вступительном экзамене: «Искусство коспомолитично» — в ответ на вопрос, о моей национальной принадлежности. Я никогда не считала себя наследницей Российской империи, мне был чужд великоросский шовинизм, скорее, я считала себя гражданином мира.

Однако мне приходилось иногда сталкиваться с проявлениями ненависти даже в стенах учебного заведения. Время от времени на занятиях в Академии проскальзывали русофобские замечания вроде: «О, это будущее русское кино». (В ответ на сцену с пьяными животными в комедии «Весёлые ребята» Александрова). На улице меня иногда укоряли незнакомые люди: «Эти оккупанты тут ходят». Но я не пускала в ход машину ненависти и не испытывала негативных эмоций. Я на самом деле полагала, что национальность индивида — искусственно созданный конструкт. Я не желала быть героем ресентимента, ставя себя в позицию жертвы, отвергающую доминирующий культурный дискурс.

Натурализацию я прошла абсолютно безболезненно, хотя меня удивило, что процесс занял

около года. Все мои близкие друзья по школе уже были натурализованы. Экзамен по языку был настолько прост, что я немного опешила — пару секунд не могла понять самых простых задач и задавалась вопросом: «Где тут подвох?» Но подвоха не было — вопросы на латышском были настолько просты, что отдавали некоей долей слабоумия. «Это, видимо, необходимо для тех, кто владеет языком в меньшей степени», — оправдывала я лёгкость экзамена.

Экзамен по истории мне тоже дался легко, в школе у меня был курс истории Латвии и часть материала я знала хорошо. Больше всего в процессе натурализации меня тяготила затянутость по срокам. Мне казалось, что год на формальности — это несоизмеримо много... Но судить о делопроизводстве натурализационной инсти-туции я не бралась.

В мои двадцать один — двадцать два мы с матерью официально имели статус «мало-имущей семьи». Мы выживали на 100 долларов в месяц. Сейчас мне это кажется маловероят-ным, но это был факт. Мать подала прошение в контору социального обеспечения, чтобы госу-дарство оплачивало нам квартиру. От отца ещё осталась какая-то сотня долларов, которую он выбил через гранты от Сороса. Мать заботливо зашила доллары в отцовское чёрное пальто, которое висело в шкафу в прихожей. Ещё важ-ным запасом на чёрный день были золотые

бабушкины зубы, которые мы в последнюю зиму моего обучения на бакалавра отнесли в ломбард.

...наконец-то мы решили отнести золотые зубы бабушки в ломбард на углу Чака и Дзирнаву. на улице был гололёд, сумерки, мы отыскивали ломбард по сияющим вывескам. бабушкины зубы были похожи на покорёженные, скрученные в дугу жёлтоватые комья, отливающие чёрным, заботливо замотанные в целлофановый пакетик. до меня слабо доходило, что это могло находиться у бабушки во рту. зубы были отложены на чёрный день, который по непредвиденным обстоятельствам растянулся в год. выручив что-то за этот свёрток мы тут же зашли в соседнее заведение — стеклянный пяточок продуктового в постновогоднем убранстве — блёстки розовой гирлянды и обглоданная хвоя на окне. весь магазин был почему-то в зеркалах, зеркальная стойка и стенка за спиной продавщицы. над её головой, в углу, напротив входной двери, на треугольной полочке помещался телевизор. на вырученное от зубов деньги мы взяли сосиски. помнится, переспросили, молочные ли они. пока мать расплачивалась, я пялилась в телевизор над головой продавщицы. показывали рекламу заграничного сериала «Твин Пикс». улыбающаяся Лора Палмер и унылая тревожная музыка. с тех пор Лора Палмер мне всегда улыбается золотыми бабушкиными зубами.

В последнюю зиму моего обучения в Академии культуры было особенно туго. Мать уже занимала деньги на еду, а мне осталось написать бакалаврскую работу. Я помню, что ходила на ретроспективу Йозефа Бойса в выставочный зал Художественного музея. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Я смотрела в глаза Бойса, меланхолично моргающего с экрана в короткометражке, и ощущала присутствие мёртвого художника. Для меня он был живой. Я смотрела в его глаза и думала: «Вот он здесь, он смотрит на меня». В глазах Бойса я пыталась найти ответ на то, что делать дальше.

Тогда я впервые прочитала романы Вирджинии Вулф в Национальной библиотеке и пришла в ярость. «Именно так я хотела писать!», — возмущалась я. Оказалось, что Вирджиния написала за меня то, что я даже не успела начать. Меня завораживала «Миссис Даллоуэй» с её импрессионистскими мазками фраз, описывающими фрагменты впечатлений. Именно так я мыслила своё потенциальное письмо на тот момент. Окутывающий читателя поток сознания, в котором было так сладко потонуть. Мне казалось, что я не читала ничего слаще этого. «Я так счастлива сейчас, что могла бы умереть», — цитировала я Вулф, которая цитировала «Отелло» Шекспира. Роман «Орlando» завораживал фиксацией мимолётных явлений, а также смешением фантазии с реальностью — было

непонятно, где кончается фантазия автора и где начинается настоящий полёт. В полотнах Вулф сливалось прошлое, будущее и настоящее — сознание находилось на ниточке, продеваемой через все эти плоскости, и качалось, как бусина, — туда-сюда. Это скольжение мне казалось обворожительным, в нём я видела отражение древнеиндийской картины мира, в которой все времена сплелись в иллюзии и человек является ещё одним проявлением вечного абсолюта. Всё же я опоздала с такими открытиями лет на 75 после Вирджинии, мне следовало придумать что-то другое... и я продолжала искать...

Где искать работу и как, я не понимала — part-time job в Латвии не был распространён, работать на полную ставку и доучиваться я не смогла бы. И тут подвернулась оказия — дочь товарки матери Марина предложила мне устроиться на её подработку. Мы встретились в автобусе, едущем из Вецмилгрависа в центр, и Марина рассказала мне, что это не совсем работа, это, скорее, зарабатывание денег. Оказалось, что это вебкам-чат, в котором предстоит разговаривать с мужчинами и что-то делать. «Ну что, заинтересуй их, можешь петь, плясать, можешь показать тот же breast!» — туманно выражалась Марина с напускным видом умудрённой вебкамщицы. Я не представляла, о чём идёт речь, и решила посмотреть, на что это похоже. Мы приехали в дом в самом центре

Риги, где находился онлайн-вертеп. Меня встретила вежливая администраторша, которая заполнила какое-то подобие анкеты на меня (имя, возраст, длина волос и т. д.) и сразу отправила в отдельную комнату работать. Смена длилась несколько часов. Таких комнат на паре этажей конторы было около 10–15. Каждая вмещала диван и стол с компьютером и камерой. Мне попался диван с тигровым покрывалом. У меня наконец-то появился доступ к интернету! Дома был допотопный отцовский компьютер, 486 модели, купленный на гранты Сороса, на нём я могла писать бакалаврскую, но интернета не было. Я сразу же стала чатиться с френдами в чате журнала «ОМ» У меня были друзья из Риги и Москвы, все они сидели там в рабочее время. Кроме того, впервые в жизни я оперировала цифровой камерой, взявшись фотографировалась, воображая себя моделью.

Некоторые из посетителей рабочего чата задавали мне вопрос: «Что ты тут делаешь? Твоё место на обложке журнала». Это был бесплатный чат. Если клиент был заинтересован, он включал платный режим, и тогда уже от модели ожидалась какая-то другая активность. Включение платного режима звучало как ковбойский клич «Йии-хаа!», со звуком лассо, щёлкающим в воздухе — герой-любовник был готов к утехам.

Я ничего такого не собиралась делать, хотя один клиент во время платного чатаогревал

меня чем-то вроде: «Эй, почему ты не трогаешь себя? I came here to see how you stroke your pussy!» Но это никак не влияло на моё поведение, я продолжала вести с клиентом светскую беседу. Он терял интерес и выходил из игры. Кажется, на тот момент я даже не видела никакой аудиовизуальной порнографии, только эротику, показываемую по телевизору, я не знала, что именно предполагается делать на камеру для удовлетворения клиента.

Собственно, что делали девушки за стенкой, для меня оставалось секретом. С одной мы даже сдружились. Её комната была смежной, и я могла слышать её телодвижения. Однажды я слышала очень громкое трение рук обо что-то, хлупанье плоти и почувствовала яркий запах женских гениталий. Это был пик порно за пару недель посещения вебкам-конторы. Мне было ясно, что на камерах происходит торговля телом. Я ощущала себя проданным куском мяса. И это было правдой — Марина получила некую сумму за привлечение очередной подружки на работу.

Светскими беседами на вебкаме я зарабатывала 20 латов, которые пришлось вырывать из владельца конторы, молодого симпатичного парня, клещами. После этого я уже туда не являлась.

Позднее мне стало известно, что Марина практиковала танец живота и зарабатывала

деньги на вебкаме, предлагая именно его — обнажённая балтийская знойная девица, извивающаяся в восточных танцах, потрясающая своим телом.

Во время походов в вебкам-квартиры я не распространялась матери, что именно я делаю в этой мутной конторе, пространно объясняя ей, что это «работа с компьютерами» в офисных помещениях. Позже мать Марины узнала про работу дочери, и ей перепало не на шутку...

Оглядываясь по сторонам, я наблюдала странные методы заработка. Одна знакомая матери рассказывала с нездоровым блеском в глазах, как она продаёт свою кровь. Она была алкоголичкой с нелепо торчащими во все стороны короткими пергидролевыми волосами. Что с ней случилось потом, я не знаю. Долго ли может протянуть человек, торгующий соевой кровью? Одна моя знакомая рассказывала, как она продаёт свои яйцеклетки: за одну выемку можно было получить много денег. Только сам процесс был тягомотным и опасным. Знакомая рассказывала об иглах, которыми делаются выемки, и у меня по коже бегали мурашки. Кто-то поговаривал о суррогатном материнстве — выращивании в своей утробе чужого ребёнка. За это тоже шикарно платили. Но я не собиралась заниматься ничем подобным.

д. не может устроиться на постоянную работу, т. к. у неё двухлетний ребёнок, который болеет каждую вторую неделю. родители работают и со внуком сидеть не могут. муж с полукриминальным прошлым зарабатывает деньги в англии.

у сына д. проблемы со здоровьем, т. к. он вздумал родиться в воскресенье. её же предупреждали «в воскресенье лучше не рожать». выходной, на всё отделение был один врач. стенания на весь коридор и никакой помощи. д. мучилась со схватками 12 часов, не вызывая особого беспокойства у медперсонала. по прошествии 12-го часа пульс у младенца перестал прощупываться, было решено делать кесарево. как оказалось впоследствии, в теле ребёнка произошли некоторые изменения, пока он был зажат в тазу матери. это означало много побочных эффектов — в том числе замедленное развитие, постоянные простуды и т. д.

д. пробовала выяснять насчёт видеочатов. можно ли заработать деньги, не раздеваясь. сердобольные девушки, зарабатывающие таким образом, объяснили д. систему. оказалось, что невозможно.

кто-то посоветовал пойти подработать «тайным покупателем» в одной маркетинговой фирме. в выходные д. провела несколько часов, тайно тестируя персонал громадного

торгового центра. вымыты ли волосы у продавца. чистые ли ногти. есть ли улыбка в наличии. заполняла анкету, запершись в туалетной кабинке (официальное предписание). пара долларов за один магазин.

последняя идея д. — продажа яйцеклеток в частную клинику. я: «ты уверена, что это безопасно?» «говорят, что безопасно» донору делается серия уколов и за определённый день методом перфорации стенки влагалища иглой изымаются яйцеклетки. за это платят около тысячи долларов. д. сетует: «говорят, что в Латвии один донор может продать свои яйцеклетки только три раза».

В тот период жизни мы с матерью опасались потерять то небольшое, что у нас было. Поэтому, если нам удавалось приобрести какую-то новую вещь, мы прокрадывались в свою многоэтажку, как лазутчики, — пряча свой заветный объект за спиной. Мать постоянно трепетала, отсматривая выпуски новостей «Криминал-инфо» и воображая себе разные сценарии её ограбления или убийства.

я помню, как мы волокли какой-то свежекупленный скарб на восьмой этаж, виновато оглядываясь по сторонам, опасаясь косых взглядов. в любой момент мы были готовы

выпалить: «это не наше!» чтобы, упаси боже, никто не позавидовал — ни-ни. зависть есть качество преотвратнейшее, человека на многое сподобить могущее. мы же — тише воды, ниже травы. и вот удалось незаметно миновать пост старух на скамейке, уже прокрались по лестнице в подъезд, уже даже кнопку лифта исхитрились нажать! но тут как назло — соседка с первого из дверей коридора вырывается, расплывается в золотозубом оскале и боками нас толкать начинает. мы же — не приведи господь — отнекиваемся и руками машем. она кудахчет и обратно к своей квартире плывет. одну сциллу миновали, теперь появляется харибда — старикан вылезает, будто звал его кто, из дверей угловой, и стоит, тонет в сиянии из-за спины, усами шевелит в дверном проеме. мы улыбаемся кисло и опять объяснения даём. у него глазки становятся масляные, бегают быстро. от этой напасти мы прячемся в лифт. у дверей своих суедемся отчаянно и никак в замочную скважину попасть ключом не можем. чьи-то шаги в коридоре — насилиу успеваем забежать, спасение в последнюю секунду. дома уже дух переводим, измождённо посмеиваемся и начинаем дополнять пережитое прибаутками и придуманными подробностями. занимаемся сложением семейных легенд.

Весной я дописывала бакалаврскую, делая перерывы на то, чтобы послушать как Элла и Луи воют *April in Paris*, поглядеть на берёзу, которая покрывалась листьями прямо перед окнами кухни. У меня уже несколько месяцев болел зуб, но у нас не было денег на зубного. Перед защитой бакалаврской мать смогла записаться к социальному зубному, услуги которого оплачивало государство. Социальный зубной принимал на Маскачке, это оказался молодой парень, который посмотрел на меня с недоумением: «Что-то вы не похожи на малоимущую, что, мир перевернулся?» Мне нечего было ему возразить. Видимо, по мнению мужчины, сексуально привлекательная молодая женщина должна была иметь какой-то мифический доступ к деньгам, о котором мне было неизвестно. Врач не особо объяснял мне, что он делал, как оказалось потом, пломбу на прогнившем зубе было уже поздно ставить, он должен был удалить зуб. В какой-то момент время приёма истекло, и меня выпроводили за дверь, с наполовину выпилленным зубом. Его осколок впивался в щёку и было больно говорить. Врач сказал, что мне следует прийти к нему через два дня. На следующий день у меня была защита бакалаврской. Я залепила зуб на ночь самой дешёвой жвачкой *Dirol*, и утром проснулась с крошечком во рту, от которого меня чуть не вырвало. На защиту я надела единственную летнюю обувь, которая

у меня была, — серебристые каблуки «мост», 11 сантиметров высотой. Те самые, которые я впервые надела на платное свидание с артиковским Маркусом. По дороге в академию один каблук сломался, и я ковыляла на защиту в поломанной туфле. Кроме того, зуб впивался мне в щёку с каждым словом, произнесённым на защите. Я надеялась, что оппоненты не будут задавать много вопросов — мне было больно говорить. Всё обошлось успешно, я защитилась на «отлично» и поковыляла домой на поломанном каблуке. Зуб был доделан на следующий день.

После выпускного в Академии культуры Артик потащил меня в гей-клуб XXL. Сам он не был геем, но считал, что в таких клубах очень весело. В тёмных кабинках я впервые лицезрела порно, и это было гей-порно. Я сказала Артику: «Это самое полезное кино, которое я увидела за 4 года!» (в тот день я получила степень по истории-теории кино).

Я никогда не делила людей по признаку сексуальной ориентации. И еще до того как закорешилась с представителями сообщества ЛГБТ, освоила «Опыты по теории сексуальности» Зигмунда Фрейда, из которых я выяснила, что половое влечение (либидо) у всех индивидов по сути одинаковое, меняется только объект этого влечения — или закрепляется фиксация на определённом типе объекта. Собственно

поэтому делить людей по объекту фиксации их либидо мне казалось смехотворным. Фрейд, однако, так не полагал, именуя любую отклоняемую от «нормы» фиксацию инверсированным влечением, но это мне не мешало сделать свои собственные выводы и выбрать толерантность и инклюзивность.

В двадцать я впервые посмотрела «Смерть в Венеции» Висконти и не восприняла фильм как нечто гомоэротическое. Влечение Ашенбаха к Тадзио мне показалось замороженностью идеей красоты в широком смысле. Ашенбах умирает от невозможности прикоснуться к мечте, он немощен в своём коконе 50-летнего индивида. Так что — гимн красоте и молодости, но никак не гомоэротическая история о педофилии, — так думала я. И потому меня ужаснула интерпретация финала фильма от одного из моих друзей. «Он что, дрожит? Он кончает?» — лепетал друг, наблюдая за умирающим Ашенбахом, тянущимся за недостижимой мечтой... Через «Смерть в Венеции» Висконти я полюбила Малера, а через его же «Людвига» поняла Вагнера, который до того казался мне нудным и напыщенным. С тех пор Вагнер сделался моим любимым композитором — наряду с Малером.

Как я уже упоминала, Артик продал меня в качестве учительницы русского языка в итальянскую контору. После того, как я окончила

учиться, начальник этой конторы решил меня оформить на административную должность. Я хотела официального трудоустройства, и с радостью приняла приглашение. Я начала работать сразу после выпускного, летом. Первые мои зарплаты ушли на погашение долгов, которые сделала мать, чтобы купить нам еды в последние несколько месяцев. Последующая зарплата пошла на погашение кредита за последний год обучения в Академии культуры.

Тем летом я поступила в магистратуру с туманным названием European Studies экономического факультета Латвийского университета. Учёба была только платной. Сейчас я понимаю, что решение поступить на этот факультет было продиктовано моим сверх-эго, эхом отзывалось уверение отца, что «жизнь состоит не из удовольствий» — я пыталась угодить мёртвому отцу. Моя зарплата на ближайшие два года уходила на обучение и содержание себя и матери.

Очень скоро я поняла, что офисная работа — это ежедневная тягомотина, непрестанно повторяющиеся игры власти, буллинг, наущничество, высмеивание коллег у них за спиной, зависть к чужой зарплате, доносы начальству. Это та жизнь, которую я постигала после изолированного существования в теплице школы и академии. Я попала в клубок змей. Несколько женщин, бывших моими непрямыми начальни-

цами, раздавали мне приказы и орали на меня за мелкие погрешности вроде нарушения высоты столбика в Excel. Поначалу я идеализировала коллег, про себя я полагала: ну, конечно, они читали то-то или это, они в курсе. Но с течением времени выяснилось, что коллеги не имели со мной ничего общего, их познания в литературе ограничивались школьной программой, философия и искусство их не интересовали. Впервые я попала в новый социум, в котором мне пришлось обживаться и искать ключи к пониманию. «О дивный, новый мир», как писал Дж. М. Кутзее в «Дневнике плохого года» — он был высокого мнения о своих сокурсниках по учебе и надеялся, что они имеют мнение об определённом поэте, но со временем оказалось, что сокурсников вообще не интересовала поэзия. Я оказалась в ситуации Кутзее.

Я оказалась в предельно токсичной обстановке, выйдя за пределы учебного заведения. Коллеги манипулировали один другим, вербально унижали друг друга, сплетничали и ябедничали. Всё, что я знала о людях и человеческих отношениях, потерпело крах. Никаких уроков гуманизма. Никакой чуткости и никакой эмпатии. Тотальное *homo homini lupus est*. Я никогда не верила, что это и есть естественное состояние человека, я верила в лучшего человека на земле. Моё сердце разрывалось.

Я донельзя стеснялась своего бедственного положения на тот момент — в моём кошельке не было ни одного сантима. Я не могла даже позволить себе выходить из конторы на обед — мать снабжала меня чем-то вроде хлеба с курицей. В первый день работы я закрылась в туалете со своим непривлекательным обедом — мне казалось верхом стыда есть это прилюдно. Я попыталась укусить импровизированный бутерброд в белокафельном туалете, широко раскрыв рот, но поняла, что вот-вот разрыдаюсь от своей беспомощности. Бутерброд я завернула обратно в фольгу, осмелилась пойти с ним на кухню, дабы съесть его публично.

Хочется верить, что моя попытка поглощения еды в туалете была оммажем «Призраку свободы» Луиса Бунюэля. Чинные буржуа «Призрака свободы» восседали на унитазах и тайно давились едой, отвечая тем, кто стоит в очереди снаружи и возмущается: «Я скоро закончу!» Бунюэль подвергал критике конвенции современного ему буржуазного общества. Возможно, я вообразила себе модель такого общества, перевёрнутого с ног на голову, и попыталась воссоздать его в своём офисе.

Забавным мне казался дизайн офисного пространства. В комнате директора красовалось прямоугольное окно, проходящее через все офисные помещения. Окно начиналось с фигуры начальника, сидящего за столом у компьюте-

ра, и заставляло думать о системе паноптикона, разработанного английским философом и социологом Иеремией Бентамом в конце XVIII века (проект идеального работного дома или тюрьмы). Цитирую: «Паноптикон, или инспекционное учреждение: описание идеи нового принципа строительства, применимого к предназначенным для содержания под надзором любых категорий граждан учреждениям любого типа. А именно: пенитенциарным учреждениям, тюрьмам, промышленным предприятиям, работным домам, домам призрения, лазаретам, фабрикам, больницам, домам сумасшедших, а также школам с планом управления, созданным для этого принципа». По задумке Бентама, тюрьма или работный дом управлялись одним управляющим-надзирателем, коим в моём случае оказался итальянский начальник.

О системе паноптикона мне было известно из труда французского философа-постструктуралиста Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать». По Фуко, паноптикон олицетворяет собой пример идеального управления или проявление дисциплинарной власти в современном обществе. Позднее я столкнусь с метафорой паноптикона в работе философа и квин-теоретика Поля Б. Пресьядо «Testo Junkie: Sex, Drugs, and Biopolitics in The Pharmacopornographic Era». У Пресьядо паноптикон проглядывает через структуру упаковки для противозачаточных

таблеток, по форме напоминавшей чертежи идеальной тюрьмы, сделанные Бенхамом. Паноптикон в виде коробки для противозачаточных таблеток, по мнению Пресьядо, олицетворяет биополитический контроль над индивидом в современном обществе, поскольку поток фармакологической продукции в значительной мере определяет его функционирование.

Через несколько лет я попаду в клетку противозачаточных таблеток (по желанию моего партнёра, которому не нравились презервативы), а пока я попала в силки офисного «рабочего дома». Хотя система просмотра в офисе работала и наоборот (служащие могли наблюдать начальника), тем не менее баланс власти находился на стороне «надзирателя», нависающего не особо грозной тушей над транспарентной гладью стекла. Служащие офиса воплощали собой этикие тени, мелькающие за несколькими слоями стекла. Главным изображением «зеркала» был силуэт вечно склонённого над компьютером директора. Некий «оригинал» теней сотрудников.

Видимо, офисные работники воплощали собой версию reality show «За стеклом», бывшим в моде на постсоветском пространстве в начале нулевых. Тени заключённых офисного дома мелькали перед стеклом директора — мы воплощали своим мельтешением рабочий процесс, производя некие телодвижения

в определённом месте в определённое время, что якобы способствовало делопроизводству. Что же происходило в головах этих офисных теней? Сие оставалось за пределами видимости волшебного стекла.

В 2017 году немецкая художница Анне Имхоф в рамках Венецианской биеннале современного искусства создала инсталляционно-перформативную работу «Фауст» и получила за неё Золотого льва. Эта работа являлась неким прообразом паноптикона Бентама. «Фауст» являл собой четырёхчасовой перформанс для труппы исполнителей во взаимодействии со стеклянной конструкцией, трансформирующей весь немецкий павильон в подобие прозрачного зеркального всеконтролируемого макета — модели современного социума. Посетитель павильона мог наблюдать за молодыми фотогеничными исполнителями, передвигающимися из одного отсека павильона в другой, производящими некоторые телодвижения во взаимодействии друг с другом. Например, принимающими позы «контроля» и «подчинения», застывающими в виде живых человеческих скульптур на некоторое время, чтобы пуститься в дальнейшее, непредсказуемое действо.

Хореографически-архитектурное решение экспозиции Имхоф со стеклянными перегородками апеллировало к биополитике, телу современного индивида, вынужденному,

как Фауст Гёте, продавать себя — аналогично продуктам финансового рынка. Тело индивида, превращённое в товар на свободном рынке, в предмет купли-продажи в контексте сексуальной экономики и стало объектом исследования художницы.

Имхоф говорила о важности противостояния современного индивида логике капитализма. А формирование сообщества тел, заполнение, покорение пространства павильона и давало возможность сопротивления.

Мне посчастливилось побывать в Венеции на биеннале, и эта работа оставила во мне неизгладимый след. На тот момент мне показалось, что это самая прекрасная работа современного искусства, которую мне довелось лицезреть. Именно тогда я подумала про мой бывший офис как про схожую, всеприсматриваемую среду.

Впрочем, учёба после работы мне тоже не нравилась — однокурсников было много, они были безликой серой массой в моих глазах, предметы обучения были понадёрганы из разных отраслей, и изучение каждого не было особо глубоким. Я сдружилась с парой однокурсниц, мы всё время держались вместе.

Мой начальник был итальянцем маленького роста, щуплого телосложения, вертлявый и крикливый, иногда он визжал фальцетом как новорождённый, в основном — в общении с итальянскими коллегами. Иногда итальянцы

на моей работе кричали друг на друга, используя ругательства, которые я быстро выучила, рвали бумагу, замахивались друг на друга стульями, но потом смотрели на часы — «О, пора идти на обед!» — и как ни в чём ни бывало в обнимочку выходили из офиса. Итальянская экспрессивность поначалу меня шокировала, но постепенно я привыкла.

Я никогда не воспринимала начальника как потенциального сексуального партнёра, и только много лет спустя я поняла род его интереса ко мне. Ещё до работы в офисе, когда я учила его русскому языку, начальник несколько раз приглашал меня на ужин в ресторан. В ресторане я ни разу не была, суши видела впервые. Однако, когда я начала работать в конторе, приглашения продолжились. Я наивно воспринимала это всё как дружелюбное панибратство, ведь у начальника были жена и двое детей. Однажды он привёл меня к себе домой, в бывший дворец Петра Первого в Старой Риге, мы болтали о том о сём, и он попытался взять меня за руку. Я спокойно убрала его руку с моего запястья. Больше этого не повторялось, но также прекратились и приглашения. Я с недоумением наблюдала как мои коллеги-женщины смотрят на меня с подозрением и презрением — мне кажется, обо мне ходили слухи как о любовнице начальника.

В то время я уже задумалась над тем, что следует найти возлюбленного и потерять девственность. Однокурсницы по Латвийскому университету, наблюдавшие моё бытование «бесхозной» девушкой, изо всех сил сочувствовали мне, и как-то раз одна из них предложила мне: «Давай познакомлю тебя с парнем, только он не очень хорошо выглядит».

дешёвый хоррор

да не подруга она мне вовсе. вовсе нет. так, учимся вместе. с кого конспект скопировать. у кого спросить, что на лекции было. одна белая, другая чёрная. выглядим хорошо. геометрически она правильная. попа идеальной окружности. ноги острые как циркуль. геометрия приятна. но не в эстетических поползновениях дело. говорить-то нам толком не о чём. учёба. мужики. попа чужая. еда. хоть я и готовить не умею. косметика. операции пластические. она девица хваткая. цепкая. то, что называется уметь жить. я таких уважаю, наверное, из элементарного страха. взбалмошная тоже. пару раз осекала меня. так я дулась, дура. потом поразмыслила. чего обижаешься. вот скопировала ей материал какой-то. страниц двести. пока все на работе на обеде. приношу. она глазам не верит. я тебя за это

с мальчиком познакомлю. богатым. а сколько лет мальчику? 30. ничего себе мальчик. да они все мальчики. рукой отмахивается. укротительница тигров прям-таки. ну что ж, знакомьте. да он не очень выглядит. ну да ладно. посмотрим.

после лекции вечером со своим мужем затаскивает меня в кафе этого мальчика. столы дубовые. фотографии заляпанные по стенам. чёрно-белые. темень и эмтиви в углу. ждём. сейчас хозяин будет. вот меню тебе. выбирай. сижу, пальцем вожу, как дура. тут оживление. движение с правого бока. мальчик пришёл с игры в гольф. клюшка из рюкзака. ну и вправду. не очень выглядит. очки такие запотевшие на половину лица. из-под стёкол бусинки такие. заплывшие. то, что ниже или выше очков, масса какая-то древесная. буро-рыжего отлива. пейзаж какой-то неживой. тулово какое-то мокрое. серое. приземистое. и фамилия какая-то с женским окончанием. крошево какое-то. сидим, беседуем. она вдруг с мужем срывается. приятно вечер провести. и всё такое. и меня с лангустом оставляет. смотрю я на него с лёгким ужасом. что у него под рубахой представляю. древесина. мох. миазмы. испарения. тина. паутина. болотное удушье. беседовать с ним невозможно совсем. гольф. теннис и диавло. я уже сама с собой разговариваю. а он ногти грызёт.

вышли на улицу. спать мне пора. завтра на работу рано. довезу конечно. а машина у него не новая. бээмвэ. да по всему видать — жмот. в салоне удушье тоже какое-то. всё закапано. и запотевшее. сидим беседуем. а он что-то ехать не спешит. пригляделась. а машина-то не живая вовсе. кой-где личинки прилажены. в салоне булькает что-то. мой красавчик ещё носом булькать начал. я что-то несуразное несу. а он лыбится во все зубы нечистым частоколом. и тут выплыло. и сколопендры. и древесные жучки. завывание лёгкое. всё из-под рубашки ползёт. скрежещет так деликатно. лицо у него как-то совсем очертания теряет. коростой затянуло. у меня первое оцепенение спало. я давай за дверь дергать. колотить. нет толку. повезло, с собой зонтик был. острый. я его в глаз. вернее, туда, где он был. если у него вообще глаза были, то он их лишился. и выбегаю на улицу пустынную. отряхиваюсь. и иду убыстрённым шагом. а она и не подруга мне. я же говорила. это мы вместе учились.

Я погрузилась в рутинную офисную и безрадостную ученическую жизнь. Уже через несколько месяцев такого существования я осознала, что «вот оно, бытие» — лучшая ученица в школе, одна из лучших студенток своего курса, — всеми своими

годами обучения я заслужила именно ЭТО. Бесконечное время отупляющего повиновения приказам, часы у копировального аппарата, когда я смотрела за лучом, сканирующим страницы и не верила тому, что со мной происходит. Я почувствовала, что начала тупеть, стала писать с вопиющими ошибками. Я перестала читать серьёзную литературу. От нагрузки на работе и по учёбе я чувствовала, как постепенно деградирую.

Осенью меня накрыла волна депрессии. Я лежала дома на диване, тупо пялилась в телевизор и заливалась слезами. На работе начальствующая сотрудница иногда устраивала мне скандалы, которые доводили меня до слёз. После двух таких скандалов, я решила: если эта стерва доведёт меня до истерики ещё раз — бросаю эту чёртову работу, и пропади оно всё пропадом. Как-то раз начальник молодым сотрудницам: «Вы работаете не для денег, а для опыта». На что мне хотелось закричать во весь голос и растерзать его на месте.

Тогда же в поле моего зрения оказался знакомый Артика с занятий по боксу — Александр. Меня очаровали его записи в лайвжорнал, мне казалось, что так круто не пишет никто — там была философия и наблюдения за жизнью, благородство и разнузданность... короче, я влюбилась в парня по его писанине в онлайн дневнике.

...Другой Александр, коего Артик обожает и коего величает не иначе как «гигант мысли». На этого гиганта я виртуально положила глаз достаточно давно и как-то раз попросила у Артика познакомить нас, на что Артик присвистнул и безапелляционно заявил: «Хочешь, чтоб я тебя познакомил с Александром? Гони по крале за цифру его мобильного номера! Это сколько тёлочек у нас выходит? Семь штук!» В ответ на что я только рот разинула — ибо аппетиты Артика всегда внушали мне мысли о собственной ущербности. Рот я разинула до того, как случай подвернулся, но это уже другая история.

Итак, Артик всё же познакомил нас, невзирая на некие шутки-прибаутки и запросы на знакомство с девушками количеством цифр в телефоне. Александр был ростом под два метра, атлетического телосложения, младше меня на полтора года, работал разнорабочим на стройках за границей, кроме того, мнил себя философом. Философствующий гопник — невероятная комбинация. То, что надо, подумала я. И нас завертел круговорот отношений.

представьте себе такую модель общения:
представьте себе двух существ разного пола, сошедшихся друг с другом

на основе импульса страсти — почти сросшихся друг с другом и неотделимых друг от друга.

их уже связует, скорее, чувство долга и вины, чем нежные чувства привязанности. они видят друг друга насквозь. один пытается задумать хитрость — каверзу — и повести второго на поводу. но второй чистосердечно обдирает планы второго — тот соглашается и всё более терзается угрызениями совести.

в финале одно существо должно пожрать другое, если эти путы не будут развязаны.

так было с нами. друг для друга мы были жертвенниками собственного тщеславия — один зажигал огонь на алтаре в груди у другого — ты на моём — я на твоём. и называли это страстью. мы называли это любовью. а что это было, как не любовь каждого к самому себе. через наличие другого показать себе, как меня могут любить и как я могу любить.

Мы познакомились в декабре, а в феврале произошёл мой первый секс. Помню, что мы промучились не одну ночь. В ответственный момент у меня была менструация, и не было понятно, была ли кровь от дефлорации или нет. Но «единение с возлюбленным» было незабываемым, мне казалось, что мы парим над взмокшими простынями в одной из многоэтажек Зиепниеккалнса. Это был мистический

опыт вроде совокупления с ведьмой из «Жертвоприношения» Тарковского.

Опыт показался мне незабываемым и трансцендентальным. На следующий день работе я допускала смешные ошибки и парила в облаках. «Вот как ты думаешь о своём мальчике», — подмечала хорошо ко мне относящаяся сослуживица. Первое время мы купались в лучах аффективного отношения друг к другу. Через несколько месяцев поставили перед собой цель жить вместе, но по ряду причин, в том числе финансовых, это был невоплощаемый план. Александр начал винить себя в том, что не удовлетворяет меня. Собственно, как он мог удовлетворить меня, для меня было загадкой, я ещё не знала о том, как вызвать у себя оргазм, ведь дома у меня не было личного пространства и я не имела возможности исследовать свою сексуальность. Чувство вины тяготило его всё больше и больше.

Так как мы виделись только на выходных и я была занята вкалыванием на ненавистой работе, то с понедельника по пятницу мы обменивались душераздирающими письмами, архив которых к сожалению не сохранился — из-за настройки уаhoo удалять корреспонденцию по прошествии десяти лет. Это был блестящий пример эпистолярного жанра — там были клятвы в вечной верности и попытка уверить друг друга в глубине своих чувств. Когда я через много

лет прочитала переписку Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт, я подумала: а ведь у меня была похожая переписка с Александром!

анатомия одного секса

итак, о конкретном сексе. думаю, дорогая деточка, тебе не стоит придуриваться и отнекиваться — ибо ты пока всё прекрасно помнишь. и пока ещё воспоминания об этой страсти не снесены очередным увлечением, думаю, тебе следует прибить эти мысли гвоздями к стене, выжечь калёным железом, желательнее не на своём лбу, конечно.

итак, как это начинается — в весенний день, глядя на изгибы веток, тянет поразмышлять о минетах. что за классификация на сегодняшний день? рентгеновские, кровавые — короче виртуальные. так начинаются мысли о сексе. а твоё отношение к сексу — как к священнодействию и как к процессу познания. форме взаимопроникновения и изучения. это вид путешествий — конечно же. секс — как достижение. и останавливаться на достигнутом нельзя ни в коем случае, ведь надо идти вперед. так вы и начинали с самого начала — взялись за это как за разгадку шарады или головоломки — без страха. Но очень скоро поняли, что исследовать что-либо вам просто лень, ведь вы виделись только раз в неделю, и на разгадки времени не было. вроде бы и на-

ступал подходящий момент, но тут обуревала лень и вы просто принимались утолять голод. ага. перебивали друг друга — каждый хотел «как ты — это главное». А на рабочей неделе вы перекидывались мейлами со ссылками на позы, выбирая самые интригующие и прикидывая, как это можно было бы физически реализовать. Составляли меню. А когда занимались примеркой этих поз и что-то не совпадало, он называл это посмешищем, а ты мотала головой — тогда кажется на какой-то седьмой попытке он стервенел. Натягивал штаны и морщил лоб, бессильно взирая в пустоту. А ты продолжала лежать в недоумении. Тогда он бессмысленно пялился какое-то время, а потом говорил: «Оденься, ты голая». Тогда опять же в письмах вы признавались друг другу в мастурбации, и каждый изводился своими мыслями.

Ты просила: пожалуйста глубже. У него были какие-то странные познания в анатомии, и он говорил с недоумением: ну куда же глубже — я уже стукаюсь обо что-то. Он был уверен, что именно потому у тебя болел живот на следующий день, и винил себя. Какая глупость. Ты же хотела действительно глубже, внутри — как ребёнка. Даже называла его в разговоре с другими: мой ребёнок. Забавно ещё, что он, как-то выбирая место для встречи, говорил: это не подойдёт — мы же любим

кричать. А кричала только ты — за двоих. Иногда вы виделись так редко, что уже было невозможно вытерпеть, и тогда ты торчала в порносайтах, брала выходной перед экзаменом и устраивала торжественную мастурбацию с закрытыми шторами и музыкой, которую он тебе записал — которую он часто выбирал как фон. Кажется, играл флейтист. Музыка из фильма — крадущийся тигр, затаившийся дракон — ты до сих пор терпеть не можешь подобные заунывные мотивы (но, увы, во всех современных китайских фильмах похожий саундтрек, так что теперь ты терпеть такие фильмы не можешь), и компакт-диск завален грудой чего-то, чтоб не попадаться на глаза.

И вот что ты думала: женщина должна толкать эту торбу вперёд — служить двигателем, пыталась разнообразить это и придумывала что-то новое. Один знакомый мальчик сказал: «А вы пробовали анально? Говорят, партнёру должно понравиться — типа это узко и круче, чем вагинально». И тогда же ты придумала, что иначе не можешь: видите ли, у тебя воспаление или простуда влагалища. Тогда у него не осталось выбора, а иначе он бы сопротивлялся. А когда ты его спрашивала: ну и как, он отвечал: «Да я не понял — узко, странно». Вообще это было странно — уже вошло в норму, что ты почти насилуешь его — иначе он всем видом показывал,

что не испытывает желания, и бесстрастно ложился рядом. Как ты поняла, он стыдился своей похоти, чувствовал себя виноватым. Потому он разрешал тебе якобы понуждать его и при этом иногда говорил: «Ну ты монстр!» Для него это было оправданием перед самим собой — его либидо якобы не использовало его подругу, а груз вины за похоть обоих лёг тогда на твои плечи. За спиной он называл тебя «эта исполненная вожделения, недоёбаная сука». Это была опасная игра. Он говорил иногда, что его необходимо кастрировать — это сделало бы его свободным от природы. Это — в ответ на твои комментарии о его теле. Секс он воспринимал как форму рабства — быть в рабстве у самого себя. И ещё как унижение партнёрши, ведь у него была эта бредовая идея, что он меня «не удовлетворяет». Дурацкая идея, коренящаяся в мужском самолюбии. Какое мне дело до твоей идеи удовлетворения? «Ведь я чувствую тебя глубже, чем что бы то ни было». А теперь ты должна удовлетворяться лучше дверной ручкой. Тебя бесили эти разговоры — и ты спокойно пыталась убедить его в обратном. Он воспринимал это как унижение с твоей стороны — и от этого было ещё хуже.

В итоге что-то поломалось. Вы поставили себе цель совместного существования, но никто не делал шагов для её осуществления.

Его всё больше и больше обуревало чувство вины за то, что он не в силах что-либо изменить. И тогда эта вина перешла все границы — он уже начал срываться и орать в постели, он был уверен, что тебе это не нравится, и это было уже похоже на изнасилование. Раньше вы не гнушались крови, а теперь он чувствовал страх — как оказалось, какая-то кровь в ту ночь всё же осталась у тебя внутри, и он с ужасом смотрел на себя и остервенело повторял: «На нём кровь!» Он всё больше и больше ощущал себя виноватым. И ты уже поймала его среди ночи мастурбирующим в твоей постели — это был предел...

Это была патологическая страсть, не так ли? Думаю, тебе стоит собраться один раз и написать об этом книгу, ведь фильм уже, кажется, сняли.

Фильм, о котором я писала, был «Империя чувств» Нагисы Ошимы. Я чувствовала патологическую привязанность к Александру и не видела той трещины, что начала появляться в наших отношениях. Катастрофа разразилась в роковой Лиго на даче одного из корешей Александра. Его друзья не были интересными, я переносила общение с ними с трудом. На Лиго мне предстояло провести с ними около двух суток. В первый вечер я устала от бессмысленных гопнических разговоров и ушла гулять по посёлку.

Я дошла до границы леса, уныло посмотрела на луну и вернулась назад. Александр тогда лежал на диване и позволил мне сфотографировать его профиль. Это был жёлтый тревожный полумесяц. На следующий день я не выдержала и закатила скандал.

это было год назад. нас было четверо, и мы приехали на этот праздник летнего солнцестояния в загородный дом. нас было четверо: я и он, его друг с подругой. мы скупили кажется половину продовольственного магазина и довезли все это на фиолетовом джипе к жаржавелой калитке. мы распаковались. тогда сразу же начались разговоры о еде. я не люблю еду, а тем более готовить. готовить вызвался он. а я шлялась без дела и закатывала глаза. всё это казалось мне в высшей степени бессмысленным. как этот праздник. как эти выезды за город. как ритуальная готовка мяса. он веселился. они веселились. я бесилась. ревновала. дулась. уходила в ночь остудить голову в лесу. они бесновались. он орал. прыгал на высоту больше метра в воздух, расставив ноги. я ждала ночи. они разместились спать на втором этаже, мы на первом, в комнате с печкой. хозяйка наставила нас, как ей пользоваться, чтоб не угореть. и мы угорали по-другому. кровать была коротка, а наши желания бесконечны. и ночь была короткой. потом

был ещё день. мы ездили на водоём. смотрели по водной глади на места водоворотов. было холодное лето, я была одета в куртку. его друг долго и принуждённо раздевался и корчился от холода. наконец, вошёл в воду по трусы, дёрнулся, как паяц, и завопил. он быстро скинул с себя всю одежду, так, что этого даже не заметила я. быстро разбежавшись, нырнул. у его друзей отвисла челюсть, его друг смотрел сердито. он доплыл до середины, пару раз нырнул и стремительно вышел на берег. обмотался полотенцем. и спросил меня: «ну подумай, разве таким мужикам, как я, нужны плавки? кто их вообще придумал, плавки». нет, конечно, не нужны они тебе. тебе вообще не нужно ничто и никто, как оказалось впоследствии. итак, всё заготовленное мясо было зажарено и съедено. все пляски и песни исполнены. и мы разъехались по домам.

тем летом мы расстались. и расстались они. нас больше ничего не связывает в этом мире.

тогда нас было четверо. симметричная геометрическая фигура.

нас было четверо в одном доме. теперь мы четверо в одном городе. а позже наши орбиты вынесут нас на ещё большие расстояния друг от друга. мне казалось тогда, что это был ребус. его надо решить. сложить четыре стороны квадрата, но, увы, эта задача никогда

не будет решена — задействованные элементы разбрелись по космическому пространству.

По какой-то причине Александр сам не хотел расставаться. Вместо этого он принялся унижать меня при встречах, надеясь вынудить меня порвать отношения первой. По сути, это было манипулятивное поведение, эмоциональный и вербальный абьюз. Но я была влюблена по уши и не понимала, что происходит, я думала, что у возлюбленного просто дурное настроение и эти эпизоды стоит простить и пережить. Однако Александр смотрел на меня с неприязнью, отпускал шуточки, унижающие моё достоинство и при друзьях называл *my bitch*. Я пыталась воспринимать всё как шутку. Но дело пахло керосином. После сцены на Лиго мы уже едва держались вместе, и все попытки нового воссоединения претерпевали крах. Одна из последних попыток происходила в августе на улице Гертрудес, в квартире, которую сдавали родители Александра. У нас была попытка последнего секса, которая окончилась ужасно — Александр смотрел на свой член в мутном сиянии от телевизора и с остервенением кричал: «На нём кровь!» Это был последний день моей менструации. Менструальная кровь не смущала его во время дефлорации, но привела в ужас именно в тот момент.

Когда ваша постельная сцена не была окончена, а что-то прервало её, и вы больше не смогли увидаться, вы не захотите увидаться более никогда. Эта сцена станет продолжаться в бесконечности. Положение и отпечатки тел. Отпечатки пальцев на ваших щеках. Отпечаток носа на вашем носу. Отпечаток лба на вашем лбу. Эти прикосновения так невинны. А хуже, когда эта сцена не успела толком начаться. Прослойка одежды липкой от жары. Тёплое одеяло, потому что ты нервничала и не могла сначала согреться. Жужжащий под ухом радиатор, вибрирующий на круглой ножке, с детектором комнатной температуры — включается, когда посчитает нужным. Круглый как цыплёнок. Хотелось дать ему затрещину и сварить.

Повороты на разные бока. Лукавое влияние. Подсказки. Уткнуться носом в плечо, а потом вдруг ощутить нехватку воздуха. Ощупывать шероховатость руки и отмечать вслух.

Вибрации этой непродолженной сцены займут всё твоё существо. Пульсация, которой не было. Она будет стучать в висках, пока не ослабнет и не испарится. Навсегда.

я тону, а ты описываешь воду

я упала в воду и вместо того, чтоб производить круговые движения руками, выдохнув весь воздух из лёгких, бултыхнулась на дно. вообразила себя русалкой.

как любая девушка, которую бывший любовник называл так в постели (шепча это имя в затылок, в то время как она лежит голая на животе, подсунув руки под подушку и ожидает). вскоре я начала осматриваться. из клубов растревоженного ила проявились фигурки нескольких всклокоченных офелий, они описали несколько кругов вокруг меня, презрительно фыркнули и унеслись в сизую муть, оставив дымный шлейф. откуда-то из-под ног всплыла парочка покорёженных кукол с пустыми глазницами, они начали множиться, их количество достигло невероятных пределов, но видя что это не производит на меня никакого впечатления, они очень скоро ретировались в какую-то щель в северном направлении. я осталась совершенно одна и меланхолично наблюдала, как какие-то рукастые подводные растения обвиваются вокруг меня, сначала захватив в плен руки и ноги, и затем сдавив тяжким рукопожатием шею и талию. щупальца начали пульсировать, и я поняла, что моё сердце гулко отвечает эхом на их пульсацию. я почувствовала, как чёрная волна начала подниматься откуда-то из моих недр, влекомая этим песнопением. скоро стук сердца, наплыв волны и ритм сотни чёрных рук слились, и я почувствовала, что этот вой поглощает моё нутро. а волна всё прибывала,

и била по вискам. очень скоро, — подумала я, — возможно через пару мгновений...

и тут-то всё и окончилось. и так я стала одной из них.

Наше расставание с Александром виделось мне как изгнание из рая, я не знала причин, почему оно произошло и как это вообще было возможно. Александр мутно объяснял произошедшее тем, что «не чувствовал от меня поддержки». Он переживал тяжёлый период в жизни — маялся без работы, валялся в депрессии, и моё со-существование с ним не давало ему достаточного основания для того, чтобы чувствовать себя лучше.

а меж тем близилась годовщина изгнания из рая,
когда вечно беременный ангел с изма-
занным красным вареньем лицом
указал нам растительным жезлом
(баклажан) на тропинку, уходящую от калитки,
и мы понуро плелись по извилистым до-
рогам светлой и жёсткой земли,
потирая плечи от тяжелой ноши и уши —
от заливавшей их краски.

приблизительно через час мы вышли на шоссе, стопанули частника и разъехались.

сегодня я задумываюсь о природе чувств. как они генерируются? можно ли внушить кому-то, что он чувствует именно это, а не, скажем, то. существуют ли они как тесто — какой-то обособленной субстанцией — и только по им ведомой логике проявляются в том или ином мозгу. лови их, как идеи, откуда-то извне, как любит говорить Линч о природе идей в своих интервью, выпячивая глаза и загребая пальцами воздух.

это тот вопрос, что мне задал прозрачный мальчик Женя в задвинском кафе в середине августа. через пару недель машина, в которой он ехал, попала в аварию, половина его головы была снесена, он пролежал 11 дней в коме и умер. мои мертвецы вопрошают. все мы обрастаем мертвецами на протяжении лет. мертвецы толпятся за нашими спинами, дышат в затылок и беззвучно притопывают...

итак, как человек может быть вполне уверен, что то, что он чувствует, что это не воспоминание о чувствах, не иллюзия или самовнушение. ведь можно самого себя убедить в чем угодно, если это тешит твой эгоизм и приспособливает тебя к ситуации с наименьшим сопротивлением самому себе. ведь

так? так легче управлять своими чувствами, уменьшать ответственность и чувство долга. так выгодней. увы.

После расставания с Александром небо надо моей головой раскололось. Я лежала на кровати, смотрела в подушку и повторяла: «Вот и всё». Каждый день я думала об этом разрыве, не могла выкинуть его из головы несколько месяцев. Через полгода после расставания мы случайно встретились на улице и поздоровались. После чего он начал переписку по имейлу. Мы начали выяснять причины своего поведения полгода назад. Он предложил сойтись заново. Я согласилась, мы встретились у него на новой квартире, недалеко от Зиепниеккалнса. Дом был довоенный, квартира наполовину сдавалась студентам, там не было душа или ванны, только раковина на кухне. Уборная располагалась вне квартиры. Александр обитал в последней, непроходной комнате. На его полке я разглядела книгу с названием «Как стать гением». Александр всё ещё лелеял мечту возвеличения над человечеством и пытался воплотить её в жизнь чтением вот таких сомнительных книжек. Между нами произошла довольно отвратительная сцена. Опять оказалось, что Александр не выносит секса в менструацию. Я с позором убежала из квартиры. После этого мы встретились ещё один раз после работы — по стечению

обстоятельств мы работали в одном районе: бывшего завода ВЭФ. Александр признался, что хотел повторить историю наших отношений, для того чтобы в этот раз я его бросила. Он чувствовал себя виноватым за то, что он меня покинул в прошлый раз. Видимо, для улучшения самооценки и выхода из депрессий, которым он был подвержен, он придумал такой сомнительный план. Когда мы это выяснили, я вышла из кафе, и больше мы не виделись.

это последнее воспоминание

это последняя встреча. она была красивой до такой степени, что её хочется описать. и вставить как-нибудь в какой-нибудь фильм. промежуточным куском.

мы встретились на автобусной остановке, потому что работаем рядом с ней. я подошла раньше, когда ты вывернул из-за угла. в темноте на расстоянии 20 метров я опознала тебя по походке, силуэту и манере чуть широко расставлять ноги в кожаных штанах. мы даже не поздоровались. твоё красивое лицо было искривлено мукой. я почувствовала кипяток за ушами и по спине. семенила рядом до скамейки. ты сказал: «я могу уже тут отвечать на вопросы». но я сказала, что это не место. и тогда мы молча ждали автобус. это было абсурдно.

я не находила повода для разговора и чувствовала пустоту. мы зашли в подоспевший автобус. кондукторша с интересом оглядела нас обоих и наши проездные.

я села у окна и ты сел со мной. мы сидели лицом ко всему автобусу. и люди взирали на нас. некоторые с восхищением. принимая за красивую пару: высокий парень шатен и высокая девушка со светлыми волосами. у обоих большие чёрные глаза. почему-то они молчат. возможно поссорились из-за пустяка — дело житейское и сегодня же они помирятся, и все невзгоды останутся позади. но это не так! — хотелось крикнуть мне всем. это последняя встреча, и мы больше никогда не увидимся. это похоронная процессия. и я глазею в окно, и гляжу на твое отражение — лицо не выражающее ничего — я хочу запомнить тебя таким. ты нервно теребишь всю дорогу молнию на своей сумке с лэптопом. я так и не успела спросить тебя про него. я роюсь в своей варежке. вдруг ты заявляешь, что тебе неудобно сидеть так — ноги слишком длинные, им мешают передние сидения. ты переходишь на боковые места вглубь — я следую за тобой, как послушная болонка.

в кафе мы минут десять не можем договорить до сути. как только я слышу твоё признание, я кладу мобильник в сумку, надеваю

шарф и пальто и оставляю тебя хлебать этот сладкий какао. ужасный какао.

После окончательного расставания с Александром моя голова врубилась — невозможно искать оправдание своего существования за счет другого индивида, следует искать оправдание в самом себе. Я пыталась нащупать, что именно наделяет моё существование ценностью — за пару лет в офисе я немного отупела и отошла от своих художественных занятий. Именно в этот момент они оказались к месту. Я вернулась к фотографии и начала серьёзно писать — впервые в жизни. Помню отчётливо, что это случилось мартовским утром, когда я приподнялась с постели и вообразила, что иду с фотоаппаратом снимать свой район, чётко представив кадр в видоискателе. С тех пор я обрела некую почву под ногами. Это было то, что мне нравилось — ходить с фотоаппаратом наперевес и исследовать среду, попадающую в объектив.

вот ведь как оно происходило —
жизнь пробегала быстро,
так, что я и оглядываться не успевал,
ведь ничего дурного я никому не делал,
хотя если вникнуть, то и хорошего;
сызмальства родителей чтил,

но не из любви к ближнему, а из-за
страха кары небесной;
тяжестей не поднимал,
а то вдруг разойдётся что-нибудь;
никого никогда не ругал,
а то вдруг будут пенять на
воспитание моё ещё чего;
мыслей вслух не высказывал,
дерзостью мне это казалось
перед лицом великих;
каждый день простаивал у банкомата,
чтобы проверить счёт,
так как мотовство губительно;
чеки всегда заносил в архив и каждый
месяц производил ревизию —
мало ли что может понадобиться;
на книги и развлечения прочие денег
не тратил,
считая это потаканием прихотям;
картину не дорисовал,
жалко было тратить краски;
девушкам юбок не задираю,
ибо это богомерзко, как любое
выражение похоти;
в чувствах никому не признавался,
боялся выглядеть слабаком и смех
услышать в ответ;
на пляж никогда не ездил,
ибо вид бессильной плоти внушает
мне отвращение
и т. д. и т. п.

а вчера всё порвал, скомкал, сжёг дом с кухаркой, схватился за голову и побежал за лес, истошно вопя.

моё единственное желание: чтобы никого больше на этом белом свете не оставалось! я желаю сжечь всех и вся — дотла, до уголька припадочного, хочу быть единственным на этой планете, хочу дышать и видеть за всех, кричать и внимать себе самому.

P. S. не судите меня строго слишком, ведь я всего лишь смертный, мучимый мнимой одышкой.

Была весна и мне казалось, что откровение льётся на меня потоками — я безудержно строчила, записывая мысли, которые накопились у меня за многие года раздумий и прокрастинации: «вот-вот, скоро начну серьёзно писать». Я перестала откладывать что-либо на завтра и поставила ультиматум перфекционизму. Я вспоминала о «беременности духом» Платона и понимала, что пришло время наконец разродиться. Меня обуяло желание описать всё, что попадает в поле моего зрения, я была преисполнена энтузиазмом на этот счёт.

В дальнейшем весна станет для меня порой откровений, я считаю, что это время пробуждения природы порождает во мне лёгкую

воспламенимость и задумчивость, что неминуемо приводит к поэтическим экзерсисам. Пробуждение света ото сна трактуется мною как врубание головы на максимальную мощность с последующим интеллектуальным усилием, которое сопутствует созданию художественных произведений. Является ли это вдохновением? Мне неизвестно, некоторые авторы полагают, что вдохновение изобрели ленивцы, а писательство является дисциплинированным трудом. Но тем не менее наличие весенней ясности в освещении всегда способствовало моему отрезвлению и более пристальному наблюдению за головоломками, предлагаемым жизнью.

я вспоминаю Платона

что может быть тяжелее беременности
мыслью.

или затяжная беременность мыслями.
или мнимая. или уверение себя, что это мнимое
бремя. сомнения в собственной самооценности.
попытка отвергнуть собственную мыслящую суть.

самообман. путь отпирательств. депрессий.
толчок — и вуаля — выход к истине. это если тебе повезёт...

посей это семя. если оно запало в твою душу.
иначе бремя собственных идей останется на твоих плечах
нестерпимым гнѐтом. в пол-

ночь они станут будить тебя — ты почувствуешь их, как кирпичи, завалившие твоё горло. они навалятся на тебя и станут душить. пытаясь пробудить тебя от затяжного сна разума.

позволь им это. иначе месть их будет страшной.

вот ещё что — иной раз мне кажется, что мне в лоб забили гвоздь. и повесили перед носом на него весь мир — как гардеробщику на хранение. иногда я невольно касаюсь его частями лица, но обычно просто вынуждена наблюдать за развитием событий, не принимая в них участия. это как калейдоскоп каких-то судеб, куски ландшафта, обрывки диалогов — вереница образов. и я пытаюсь уверить себя, что я к ним имею отношение.

а это чёртово колесо — оно вращается перед моими глазами с разной скоростью и, может, даже в разные стороны. вот тут всё зависит — по часовой или против — как против шерсти. вот сейчас, наверное, крутит по часовой, и я улыбаюсь.

подумай хорошенько. а может, это не гвоздь? может, это рог. и отрастила ты его себе сама, деточка. и тогда, наверное, я единорог. я доисторическое чудовище. брожу по лабиринтам своего бесконечного подземелья. а то, что я наблюдаю перед глазами, —

барабан с подвижными плохо намалёванными картинками, латерна магика.

Римляне называли этот месяц Aprilis от латинского aperio (открываться — из-за весенних почек). Однако, пока ещё ничего открываться не спешит, если даже очень внимательно посмотреть по сторонам.

Холодное белое солнце. Такое белое, что на свету предметы казались стёртыми. Борей сорвался с цепи и дул со всех сил. Волосы вставали дыбом на моей голове, пока я брела до остановки, напевая арию Иуды из любимой рок-оперы. Глядящей на тени на асфальте, мне могло показаться, что за моей спиной происходит какая-то небесная битва, огромные щупальца осьминогов развешаются где-то в небесной хляби, но как только я оборачивалась, они превращались в качающиеся еловые ветки. Люди с картонными лицами, как правило, чинно гуляющие семьи заполнили этот город. Выходной день. А ветер беспощадно хлестал по щекам. И людские лица превращались в подобие треснувшего помидора. Мужские физиономии — отцов семейств — трескались геометрично, по прямой, из трещин выступала сукровица, как сок виноградин, лопнувших под ногами чёрной рабыни. Лица матерей краснели и вздувались какое-то время,

а потом вдруг что-то внутри у них ломалось, и они взрывались багровыми всплесками. Лица старушек исходили ажурными трещинами, равномерно покрывая всю пожелтевшую кожу, уже не способную к покраснению.

Красный бог, ты раскинул свои сети в этом городе. Пролей же дождь из своей крови. Эти люди выпьют её как вино, что будет страшнейшим ядом, и, умирая, они уверуют.

Весна как начало года будет отсчитываться мною впредь каждый год. Потому я не принимаю во внимание первое января и не ставлю ни во что празднование Нового года, ибо весна для меня значит максимальное обновление, начало новой жизни. «Зелёный человек» в средневековой церкви как символ циклического обновления, видимо, может считаться таким олицетворением духовного ренессанса, проходящего ко мне каждый год со сменой освещения, пробуждением звуков и рождением лепестков на ветвях. Весна как период обновления и духовного прозрения будет будоражить меня каждый год. Я каждый год ожидаю этот короткий период появления листвы (он длится всего каких-то три недели). «Это правильный зелёный цвет», — сказала мне одна подруга-поэтесса. «Почему?» — спросила я её. «Он правильно сочетается с небом», — отвечала она. И я считаю,

что она права. Это сочетание свежей листвы и неба даёт ключ к неведомому.

весна — самое правдивое время года. нет лишнего. есть чёрное и белое. нет полутонов. и ты не спрячешься в них, делая вид что тебе ни до чего нет дела. отвечай прямо на вопрос — только да или нет. туман остался позади. мы вынырнули из-под этой пелены и взобрались на холм. огляделись вокруг и увидели весь мир, как на ладони. все порванные нити сплелись. разорванные жилы срослись. и мы вдруг осознали всю полноту бытия. увидели связку прошлого с настоящим. и будущее. каждая частица в этом мире вдруг ожила и заговорила на понятном нам языке. не потеряй этой ясности. падать будет больно.

воистину это была энциклопедия.

корпел над ней ни дать ни взять циклоп. или кто-то имитирующий циклопа. писали её зажимывая один глаз, пытаясь посмотреть на описываемое явление так, чтобы оно предстало плоским и застывшим в дикости. отбросив все иносказания, резать глаза. всё в примарных цветах. никаких полутонов.

однако предметы не желали быть отражёнными без тени. в чёрно-белой плоскости

зародился червь двусмысленности и рефлексов. потихоньку он начал выпирать из рифлёных рамок и вскоре поглотил все клеточки и линейки циклопической ясности.

так циклоп ослеп, возопил и проклял сущее. и скитается до сих самых пор в поисках своего утраченного зрения. но ясность не приходит. может её не существует на самом деле. и она была только порождением плоского видения.

любая система ценностей человека является продуктом его самоубеждения на основании каких-либо эмпирических предпосылок, конечно же. как идеи заложенные воспитанием, возможно, как идеи заложенные посредством распознавания в индивиде склонности к той или иной деятельности. таким образом, он запикивает себя своими руками в эту клетку дальнейшего развития, не задумываясь, почему так произошло, и могло ли быть иначе. но ведь возможен момент выхода за пределы этой системы, когда индивид осознаёт структуру своего бытия и понимает, что в принципе он в состоянии сломать старую соту и создать новую по своему желанию. возможно ведь, что эта старая сота была продуктом его самообмана, попыткой устранить какие-то комплексные реакции, результатом психической

ущербности. индивид способен контролировать свою систему ценностей и создавать новые. но не является ли жизнь такого индивида искусственной, как нечто силиконовое и неестественное. что же тогда является аутентичной, естественной схемой человеческого сознания? первичная во времени, но, возможно, ложная система или сгенерированная самим индивидом плавучая система ценностей. или вопрос о естественности человека излишен, ибо он является чем-то наподобие деталей конструктора, и его назначение складываться в систему самому.

Впервые я сделала что-то, что имело отношение к моему образованию в сфере кино — написала поэтический текст про Фассбиндера. Им до сих пор восхищается один именитый рижский кинокритик. До этого «свершения» меня гнула к земле непричастность моей деятельности к полученному образованию. Я упивалась плодами мирового кинематографа во время четырёх лет обучения в Академии культуры, посмотрев за это время около тысячи фильмов. После окончания академии я несколько раз пыталась взяться за кинокритическую деятельность, но что-то всегда меня останавливало — я начинала писать статьи про изысканные фильмы Сокурова или про голливудский трешак, пытаясь донести до читателя убогость логики

и построения массовой продукции, но что-то всегда мешало мне довести начатое до конца. Видимо, это была моя зашитость в офисный быт и снедающие меня угрызения совести по поводу сложившегося положения — я винила саму себя, свою беспомощность перед бесконечностью и непрогнозируемостью великого и беспощадного мира, который тогда простирался вокруг меня.

Фассбиндеру
после просмотра Angst essen Seele auf

Фассбиндер, я тебя люблю! Фассбиндер, ты великолепен! Фассбиндер, ты сонный колосс. Хочется пропечатать тебя нецензурным эпитетом, чтоб эта связь стала теснее, но я не стану, потому что — пиетет.

Фассбиндер, я в восторге от твоего грушевого носа. Я люблю твои украинские усы, хотя очень хочется за них подёргать. Я в восторге от твоих сизых от угрей щёк. Твоего животика. Покатых плеч. Обтянутых майкой обвисших грудей.

Фассбиндер, ты монстр! И ты живёшь повсюду. Стена раскрывается ртом трещины — и я вижу, как ты выглядываешь оттуда. Лестница обшарпанно хрустит у меня под ногами — и я чувствую, что это ты. Свет подпотолочной лампы бьёт в глаза и убивает тени — и тут

ты постарался. Аляповатые платья с ромбическими узорами, красные сапоги из латекса, потёртые жизнью, обрюзгшие тела, голубая пудра, вздутые рты и нежные коровьи глаза с поволокой — укором. Лучшая характеристика — молчание героя. Обида или гнев.

Улыбка приезжей работницы из Восточной Европы — растягивается в недоумении и стягивается, как гармонь, повиснув вопросом. В каждом бутерброде на лестнице в пролёте у ржавых перил — твоя ухмылка.

Но есть для тебя недоступные зоны, увы. Я видела сегодня утром зевающих свежевыбритых молодчиков: ни складочки, ни зазубринки, вторые подбородки звенят в унисон. Пиджачки отглажены. Ботиночки сытые. В таких местах тебе не приткнуться.

Фассбиндер, женщине ведь необходим персональный бог, понимаешь? Иначе её сознание хаотично — она не может ни на чём определённом сосредоточиться — вот каблуки чужие привлекли её внимание, юбка красная, виноград со скидкой. А ей нужен стержень, понимаешь ли, ствол, так сказать. Вот что я тебе скажу, Фассбиндер!

Наверное, сделаем так — выйдем на припухший от дождя асфальт и посчитаем, кто из нас фассбиндер. ты или я.

Нехватка интеллектуальной деятельности повергала меня в мазохистическое самолюбование и самобичевание — я обвиняла себя в сложившейся ситуации и ждала времени, когда выход будет возможен. По крайней мере, у меня нашлись силы описать ощущение глубины своего падения на дно офисного быта.

я расскажу вам про мой бюрократизм.
нет человека скучнее и бюрократичнее
меня по обязанностям.

в мою зону ответственности входит:
принять тот или иной набор документов,
подписать, опечатать, размножить, доставить
респондентам, перевести тот или иной набор
букв с одного языка на другой (в разряд актив-
ных входят три). о чём идёт речь в докумен-
тах, которыми я оперирую, я не имею ни ма-
лейшего понятия, эти бумаги мне знакомы
под кодовыми номерами и по датам написа-
ния. иногда мне приходится ставить знаки
акцептирования на большую партию бумаг —
тогда я ставлю по три печати на каждый и ещё
пишу от руки печатными буквами фразу:
«аксепиед онли фор координэйшн оф сивил
воркс». 75 элементов бумажной горы занимают
около часа. ещё я веду занимательную базу
данных, сканируя каждый входящий и исходя-
щий документ и записывая опознавательные
показатели в 10-графный формуляр аксесс.

ещё у меня есть замечательная обязанность вести архив. каждый визуальный инженерный экспонат требует занесения в 120-страничный формуляр в формате эксел. каждое последующее обновление элемента также документируется, и этот процесс сопровождается как минимум 5 письменными документами. ещё я веду протоколы с совещаний, смысл которых мне неизвестен и никогда не будет понятен. у моего директора очень своеобразное понятие о законах грамматики английского языка, но мои исправления он не ратифицирует, требуя чтобы именно его языковая норма была основополагающей во всей системе корреспонденции.

итак, я выполняю сугубо механические функции. те мои спецификации, что привели меня как пригодный элемент в данную машину (лингвистическая компетенция и т. д.) упразднены по причине неуместности. стоит ли объяснять, что приходя в понедельник утром на рабочее место и уходя в пятницу вечером, я не различаю времени и дней недели. я не осознаю ценности продукта моего труда. мне мерзостен его процесс и человеческие элементы, которые являются свидетелями моего морального падения. иными словами, если вы ещё не успели суммировать, я изложу, что почитаю свою форму труда за нравственную проституцию. ибо именно денеж-

ные единицы являются импульсом моего возникновения и продолжения оставаться на данном поприще. а денежные единицы — это, наверное, едва ли не единственный фактор, доставляющий мне удовольствие. посмотреть на счёт в день зарплаты. но ведь это только раз в месяц. в остальное же время я продолжаю мрачно тупеть и презирать себя и окружающих.

я показала вам сейчас свою сущность. это сущность проституточна в своей основе. и мне крайне жаль.

Наступила вторая осень на офисной работе, и я ожидала повторной волны депрессии, подобно той, что захлестнула меня год назад. Мне казалось, что моя ситуация неисправима, впереди брезжит неотвратимая перспектива горбатиться на бессмысленной нелюбимой работе, и всё это не внушало мне никаких иллюзий на скорое избавление. Я воспринимала свою работу как нечто проституирующее мою суть — человека, желавшего связать свою жизнь с искусством, однако прозябающим на вкалывании бесконечных часов на потребу капитализма. Я видела в этом предательство своих идеалов, вроде попраения клятвы Пушкину, которую мы давали в школе, поступая в Пушкинский лицей. Я тяжело переживала своё отступничество, осыпая себя градом обвинений, каркающих в моих

ушах нескончаемым гулом. Тут-то и возник Питер М. Ш. второй раз в моей жизни. Я решила попробовать удачу ещё раз с богатеньким старикашкой, на данный момент уже предлагая свои услуги в качестве фотографа. Я потрясла кипами фотографий, сделанными за годы увлечения фотографией, и, сложив их в один из отсеков своей дамской сумочки, последовала в аэропорт, на встречу с ненавистным стариканом. Мне было скучно, и я разлакомилась идеей приключений. Сумрачная беспросветная офисная жизнь нависала надо мной, как смерть с косой, и я желала убежать от этого мрачного спутника хоть на несколько дней. Выходило, что в этот раз именно я использовала Питера М. Ш. в корыстных интересах — он оказался игрушкой в моей затее развеяться и сменить обстановку. Питер М. Ш. выступил в роли временного антидепрессанта, сам не зная об этом. Вероятно, я осознавала свою роль в этой игре в поддавки — кто из нас окажется жертвой или победившим. На это вопрос мне ещё предстояло ответить в ходе игры.

*now listen to this, i'll tell you about texas,
i'll tell you about texas radio
Jim Morrison*

итак, это была осень. я боялась что
вот-вот грянет та самая лавина депрессий,

что прошла по мне в предыдущий раз. я считала, что мне надо убежать куда-то из этого города, убежать от себя, от убивающих меня воспоминаний. и ради приключений и новых впечатлений я уже была готова на всё. тут брюхом кверху в моей жизни повторно всплыл этот загранстарикан. точнее я сама наколдывала его появление, считая что это та нить, что не была использована сполна в прошлом. он звонил мне несколько раз в течение пары месяцев, собирался приехать сам, но это всё никак не получалось. ведь он такая крупная рыба, и маршруты его плаваний расписаны в железном графике. вдруг накануне национального праздника он снял трубку, набрал мой номер и спросил, не желаю ли я приехать к нему на юг, самолёт вылетает завтра утром в 6.00. я беспрекословно согласилась. в последние минуты работы банков я бежала по улицам, чертыхалась и звонила другу узнать, где можно принять перевод «вестерн юнион». перевод был принят, билет оплачен. я поехала на работу и до ночи писала доклад, что мне следовало презентовать в университете по приезду. распечатывала исторические и экономические сведения о стране, что я собиралась посетить. в аэропорту я волновалась как перwokлассница, потому как не летала на самолёте с детского возраста, и боялась, что спутаю надписи на табло, или что зайду

не в ту дверь. при взлёте меня трясло от восторга, сердце моё замирало, мёртвой хваткой я цеплялась за ручки сиденья. ещё я боялась ремня безопасности, и мне казалось, что закрыв его, я никогда не выберусь. Стюард-гей, наблюдая мои волнение и восторг, облил меня яблочным соком, очень долго извинялся и бегал с полотенцем. я наблюдала за облаками сверху, пытаюсь не пропустить ни одной детали, стараясь создать классификацию облаков. в итоге серые мглистые рваные клочья манной пены сменились более светлыми, горизонт принял радужный окрас, облака стали редеть и дыряться, и вскоре мы пикировали к незатуманенному оранжево-розовому городу. я вышла из зоны проверки документов в аэропорту, меня оглушили крики безымянных встречавших, кто-то из них был с табличками, при виде меня они разочарованно смолкли. я обошла эту толпу, не видя своего встречающего. уже кинулась к выходу, как его туша выросла как будто из под земли. он был всё так же плотен. его пузо навевало на размышления о мешке с деньгами. а ножки под этим грузом семенили прямо-таки лягушачьи, когда он сидел, закинув ногу на ногу, для того, чтоб повернуться корпусом в какую-то сторону, ему приходилось переложить ноги, и он задирали их вверх одну за другой. волосы абсолютно седые. очки

в золотой оправе и восторженная гримаса на лице, делавшая его щекастым. я никогда не спрашивала сколько ему лет. думаю за 60. в худшем случае под 70. в 1960-е он дружил с одним из архитекторов, построившим город бразилиа. в те же времена водил дружбу с президентом колумбии, и в колумбийском аэропорту его встречал военный кортеж. в одну из сфер его деятельности всходили фэшн проекты, и он сотрудничал с фотографом, который работал с дали. снимали проекты для рабанна и галлиано. я подозревала худшее касательно его возраста. я боялась, что если бы он уточнил его, то просто рассыпался бы в прах на моих глазах. мы сели в машину с шофёром. нас повезли из пригорода в центр, где находилась гостиница. он был управляющим какой-то части сети отелей, разбросанных по всему миру. отели пять звезд. хотя варианту в этой южной стране я не дала бы и четыре. в этой гостинице было около 30 этажей. конечно, мы размещались на последнем. в номере были огромные окна, и весь многомиллионный город раскинулся передо мной. ночью можно было исследовать этот инфернальный неоновый ландшафт. по вереницам огней воссоздавать географию проспектов. город был построен у подножия горы, на которую также выходили наши окна. с утра она была едва видна из-за тумана, а к вечеру она темнела и нависа-

ла, ровно в 5 солнце заходило за неё, и город, до того окрашенный в розовое, вдруг темнел и увядал. вечером на высоте нашего этажа можно было внимать музыке города. вариации шума с разных районов — все они сплетались в мелодичный гул, и этот звук, казалось разрастается и набухает. гул железного муравейника.

ночью я не могла спать, мне казалось, что важнее сидеть на широком деревянном подоконнике-тумбе и ловить каждый звук.

мой старик вытащил меня из моего залустья под предлогом какого-то бизнес-предложения. хотя, конечно, изначально было ясно с чем оно сочетается, меня позабавила эта идея, и я спокойно следила за развитием событий. весь первый день я не выходила на улицу. он работал в офисе и осчастливливал своим обществом за процедурой пищепоглощения. в отеле было 7 ресторанов. каждый почему-то стремился изобразить разную национальную традицию. каждый приём пищи мы производили в новом заведении. в центре отельного комплекса был сооружён японский сад с чёрным водоёмом, над которым высился домик японского ресторана. большинство деревьев были ещё зелены, но ведь была осень, и чёрная вода пруда была украшена кое-какой жёлтой листвой, как будто мусором. этот ресторан был на ремонте, как с сожалением объяснили мне. и я ходила по окружающим

его стеклянным галереям, изучая строение домика и пытаясь заглянуть вовнутрь. я шлялась по лобби-бару, сидела то в одном кресле, то во втором, была недовольна по поводу дурной игры пианиста, разглядывала тени от оконных рам на ковровом ворсе.

в те дни в этой стране проходил какой-то международный слёт НАТО. отель был заселён военными. им было отдано 250 мест. там были представители высших воинских чинов. с утра их грузили в комфортабельные автобусы, а ровно в 18.00 они подъезжали к отелю и заполняли его до краёв. я сидела в этот момент в вестибюле и, открыв рот, следила за этими поджарыми высокими мужчинами в форме из пятнистой ткани. я читала таблички, приколотые к их груди, чтобы понять — кто откуда. было забавно наблюдать их галдёж и попытки общаться. этот улей гудел на десятке разных языков. переодевшись в штатское, самые бойкие оседали в баре и вели шумные беседы. в основном это были офицеры и генералы. хотя как-то в лифте, проталкиваясь между одним здоровым усачом, жалующимся на насморк, и учтивым джентльменом, я слышала, как они обсуждали присутствие некого адмирала. я была счастлива наблюдать этих людей — в тот момент они мне казались чем-то действительно НАСТОЯЩИМ.

мой престарелый гриб был шишкой. прислуга трепетала перед ним, официанты пытались улыбаться пошире, когда говорили, волновались, путались, подавали не то, что у них просили. девушки также рассыпались в любезностях. все пытались заговорить со мной на своём национальном языке, но я уныло парировала их попытки английским.

я была посвящена в историю и настоящее этого отеля, его владелец — старик 90 лет от роду, потомственный граф. но повлиять на него в деловом плане не под силу ни моему управляющему, ни детям. вся власть сосредоточена в руках любовницы царственного старикана. ей около 20. когда надо намекнуть владельцу на какие-то нововведения, никто не идёт в покои владельца, все ищут свидания с этой бизнес-леди. а она тешится тем, что все нити ведут в ней. меня представили ей, когда она пробежала по ресторанному залу, чтобы, кажется, зайти за стариком. невысокого роста миловидная женщина с тёплыми карими глазами и железным рукопожатием. её каштановые волосы были забраны кверху, вся причёска довершалась какой-то воланообразной башней из волос. она была одета в светлый костюм и источала улыбку. я была в восторге от неё, и следила за тем, как она скрылась за углом.

мы беседовали о деловых предложениях в торжественной обстановке, при свечах,

и мой гриб, глядя мне в глаза изъяснял какой-то там восторг и якобы нежно тербил мне пальцы. в его понятиях это, наверное, называлось «прелюдия соблазнения». ах ты, старый хрыч, думала я про себя, я тебя вижу насквозь, и ты у меня всего лишь бесплатное средство от хандры. дядя натурально ввернул в пару фраз о чувствах и уверился, что я полностью очарована. ну что ж тут тянуть, подумала я, сейчас мы всё увидим, скорее бы это кончилось. за день мы приняли достаточно много яств и винной жидкости. меня переполняли лень и инерция. однако старик, хоть и был симпатичным абстрактно, вызвал отвращение физически. едва войдя в номер, дядя воинственно повалил меня на кровать и холодным, старческим ртом, полным слюной, припал ко мне. его язык, как жало гремучей змеи, пытался расчистить путь своим завоеваниям. тут я оказалась поражённой от отвращения, застыла и изображала безжизненное бревно, закрыв глаза и думая только о том, как бы это всё закончилось. я уткнулась носом в его плечо, не желая больше видеть его физиономию, его спина напоминала сморщенное печёное яблоко. снимая линзы, я оказываюсь безоружной и не вижу дальше своего носа, потому дальнейшие подробности тела старика обошли меня стороной. дядя смекнул, что дело неладно, а насилие ему неуютно. он начал вести

расспросы, выведывать что ж такое случилось, но я делала загадочное мучительное лицо, и уверяла, что всё ещё наладится, и вероятно, мне просто следует к нему привыкнуть. ох, образина, жди больше — думала я про себя. он однако оказался всё же джентльменом и уже скоро мирно храпел на соседней подушке. ночь была для меня кошмаром, ибо я осознала в какую историю себя впутала, не видела выхода и с ужасом думала, как бы избежать незавидной перспективы. другая половина меня, впрочем, ухмылялась и уверяла. что вовсе это не так уж и страшно. думаю, тебе всё же придётся это сделать, и тогда ты спустишься вниз. обопрёшься на перила и посмотришь в глаза всей этой челяди, считающей тебя шлюхой, улыбнёшься и скажешь: «да, вы правы». станешь, как все.

на следующий день мы выбрались на прогулку в город. город ослепил меня обилием красок и я почти кричала старику в ухо: посмотри на то, посмотри на это! он скептически парировал мои высказывания, морщился, ибо он ненавидел этот город, связывающий его служебными обязанностями. он презирал этот народ, говорил, что у этой нации нет культуры. любил-то он на самом деле только свою родину, солнечный край, пальмы и море, беззаботность, карнавалы, от которых на дыбах стоит целый город. рио. крокодил лежит

на пляже рядом с нищим и миллионером. и всех любит одно и тоже солнце.

в итоге, он оставил меня бродить по этому городу, я пробежала по центральным проспектам, посидела в кафе, изучила людей и культуру рекламы. девушки были черноволосы и смуглы, этот тип красоты не встречается в моих широтах. мой гриб настиг меня в баре, где я пялилась на девочку лет 14–15, стройную, всю в белом, с густыми распущенными чёрными волосами до пояса, на огромных белых каблуках. у её левого бедра была приколата золочёная звезда давида. и надпись Симона. мой старик спросил её: «что это у тебя написано?». она потупленно сказала, что это её имя, и пошла к холодильнику вынимать пирожные. в то время мой старикан забирался своей морщинистой рукой мне под свитер и трепал левый бок. я выпрямилась и сказала, что мне тут наскучило.

мы пошли на очередной ресторанный приём — на сей раз в итальянском ресторане. мой гриб совмещал полезное с деловым — мы ужинали с его бизнес-партнером, сфера деятельности которого мне не была объяснена. это был сухощавый джентльмен с острым носом и живыми бегающими глазками, уроженец страны, в которой мы находились, но сделавший своей постоянной резиденцией вену. у него были манеры и тематика разговора,

присущая дипломатам. основной разговор мы вели на английском. когда стариканы хотели что-то утаить от меня, они переходили на немецкий. как жаль, но я этот язык всё же понимаю, хоть и не до тонкостей. со мной же наш дипломат предпочитал говорить по-русски, ибо его жена, как оказалось, этих кровей. он осведомился, знаю ли я, кто такая Елена Образцова. естественно, я знаю, кто это. это, видите ли, близкая подруга его жены. он похотливо улыбался и даже поднял тост «за вас», дёргая одной бровью и подмигивая моему старику. от этого меня перелёрнуло. старики сплелись своими жалами и мололи, уже почти не замечая моего присутствия. я же сидела в неудобном кресле, смотрела на тарелку и ощущала себя дорогой куртизанкой, которой пытаются угодить и которую развлекают, но мнение которой не ставится ни во что, а её личность стёрта и не имеет какого-либо значения. наш венский дипломат ослабился в очередной раз и сообщил, что он приобрёл шикарное издание по арт-нуво. он поинтересовался у моего гриба, знает ли он что это такое. тот ответил: ну конеееееееч-но. и оба удовлетворённо заулыбались. собственно, в этот момент мне захотелось встать на стол и заорать: «что вы, гниды, можете об этом знать?!» я сидела и вежливо улыбалась, как фарфоровая кукла.

был уже поздний вечер, приём окончился, но мой старикан заявил, что его ожидает дальнейшая встреча, и улетел, как ошпаренный. а я легла спать в номере, с ужасом слушая шаги в отельном коридоре. он появился кажется в час ночи, взял что-то из номера и ушёл. потом пришёл в три и уже до утра. я притворилась спящей. он вяло поприставал, не дождался ответа. зашёлся старческим кашлем. выпил таблетки. лёг и стал мастурбировать. я чувствовала сквозь дремоту колебание кровати и изумлённо засыпала дальше. на утро я уже не могла никуда от него деться. старик решил, что наступил час десерта и был неотступен. я всё-таки не смогла преодолеть своё отвращение и деликатно заявила ему, что мне с ним просто неприятно. высказалась очень вежливо и без обиняков. он тут же сгрёб обратно свои щупальца. юношеская улыбка исчезла, он напялил штаны и ушёл в ванную комнату, впервые за время нашего сосуществования закрывшись на задвижку.

в этот день я была предоставлена сама себе. я бродила по городу и изучала его. говорила с людьми на улице, один полублаженный симпатичный дяденька увязался за мной и водил меня по паркам, что-то рассказывая на странном варианте русского. я приволоклась в номер без задних ног. опять напоролась на горничную, та оскалили круп-

ные блестящие зубы, отливающие серым, и начала лепетать, как полагается, на местном языке, приговаривая «мадама». я позвонила в свой город другу, сообщить, что я жива и описала атмосферу. это был последний день в этой стране. мой гриб напился и пришёл в номер после часа ночи, врубил телевизор с немецкими новостями и оставил свет. на утро он поразил меня своей железной выдержкой. залез в душ и свеженький учтиво довёз меня до аэропорта. естественно, мы молчали. в аэропорту он довёл меня до паспортного контроля, по-детски улыбнулся и сказал: «будь хорошей девочкой. мы ещё увидимся».

в поездке меня опять поразила реакция мужчин. 6 испанцев в зале ожидания принялись обсуждать меня. видите ли, я понимаю испанский. один сидел спиной, но умудрялся наблюдать меня даже из-за своей спины. в аэропорту пересадки меня остановил высокий итальянец с лошадиным лицом и растрёпанными полуседыми волосами и спросил откуда я, облизывая свои губы с засохшими кружевами слюней. я назвала свою страну. тот пробормотал что-то невразумительное, потом вытянул губы трубочкой, имитируя поцелуй и сказал уже со скабрёзным выражением лица что-то вроде «уна бомба». что ж, мужчины показывают себя одинаково повсюду.

после всей истории я ощущала себя победителем.

я попробовала стать куртизанкой, но мне это не удалось. что ж, возьмись за что-нибудь другое.

Я продолжала работать в итальянской конторе и учиться в магистратуре экономического факультета. Работа нависала надо мной, как Дамоклов меч. Я приняла решение доучиться и дальше — будь что будет. В тот год бабушка, а вернее мамина тётя, которая её вырастила и которую я привыкла называть бабушкой, стала сдавать позиции. Ей было 88, и она потеряла боевой вид — у неё нашли какой-то вид рака, о чём самой пациентке не говорили. Бабушка была легендой Совета министров, она приехала в Латвию после окончания Второй мировой войны вместе с мужем по приглашению какого-то армянина. В чём заключались аргументы залётного армянина, а я так никогда и не узнала. Сам виновник происшедшего быстро смотался из Латвии в какую-то другую республику СССР. Бабушка устроилась работать в Совет министров на должность заместителя главного бухгалтера — она была первым человеком, у которого в этом учреждении сошёлся дебет и кредит в бухгалтерском отчёте. Бабушка была писаная красавица — на советских курортах её принимали за Любовь Орлову

и поклонники семенили за ней по пятам. Первый её муж погиб во Вторую мировую на учениях — выстрелил себе в глаз из винтовки. Второй муж был инженером на заводе РЭЗ и конструировал стиральные машины. Бабушка работала, как вол, сидя в кабинете справа от парадного входа в гранитное здание Совета министров. Я смотрела на её окно, украшенное градусником, если проходила мимо, но впоследствии градусник сняли, и я больше не помнила, какое же из окон было её. Иногда она работала до двух ночи, и дедушка ходил её встречать. Когда она сломала ногу, за ней присылали такси и просили приехать на работу. Когда она уходила на пенсию, её не хотели отпускать и умоляли поработать ещё. Через пару десятков лет, дедушку сбила электричка по пути в контору, где он намеревался купить нашей семье абонемент на спутниковое телевидение. Бабушка была в шоке от этого трагического окончания жизни дедушки. «В память о деде я получила шапку с мозгами», — чёрно шутила она.

Бабушка оставалась жизнерадостной, она всегда старалась выглядеть «на миллион», сияя самоперешитыми нарядами на улице. Она всегда одевалась «шик-модерн», и до окончания жизни ходила с рискованными разрезами до бедра. «Товар виден лицом», — комментировала она, опять демонстрируя свой черноватый юмор.

Через много лет после смерти дедушки, бабушка заведёт себе бойфренда, на восемь лет младше неё и в более плачевном физическом состоянии, чем она. Он жил в доме напротив и ходил с палочкой, а также был туг на одно ухо. Новоиспечённые влюблённые тусили на квартире бабушки, и она тянула совместный быт — в магазин они могли ходить вместе, но авоськи тягала только бабушка, т. к. у «молодого человека» была палочка и проблемы с самостоятельным передвижением. Я пару раз встречала бабушкиного бойфренда — он корпел на кухне над газетой с кроссвордами. Собственно, это было любимое общее времяпровождение четы — кроссворды и сериалы. Через какое-то время бабушка поведала, что бойфренд уламывает её переписать квартиру на свою внучку, «хорошую, умную девочку». Мы с матерью пришли в состояние ужаса, ибо квартира бабушки, естественно, предназначалась мне. Так выяснилась подоплёка бойфрендствования соседского старика — он желал завладеть бабушкиной недвижимостью. В ответ на такую беспардонную наглость мать сорвалась к бабушке и провела с ней и с бойфрендом воспитательную беседу. С тех пор дружественного старика больше не было видно — так закончилась эта прекрасная бескорыстная дружба.

Подобные случаи уже бывали и прежде — бабушка была в молодости красавицей и весьма

падка на комплименты, её можно было купить лестью. Однажды она сдружилась именно на почве комплиментов с некой безымянной дамой, извергавшей похвалы, как попугай, по нескольку раз в минуту. Бабушка была очарована и в один из визитов безымянная дама достала бумажку с дарственной на квартиру — бабушке предлагалось переписать недвижимость на имя медоточивой предприимчивой женщины. Мать и тут впала в ярость, провела воспитательную беседу с бабушкой, и ноги безымянной дамы в квартире больше не было. После всех этих злоключений с ушлыми дамами и бойфрендами здоровье бабушки пошатнулось, она сдала и медленно угасала в больничной палате. «Если бы не этот сволочь (подразумевался старик) — она бы ещё жила!» — потрясала кулаками моя родительница. Осенью бабушка умерла в больничной палате.

бабушка умерла в полузабытьи. в больничной раме. медсестры телефона правильного не нашли. не додумались. наяривали весь вечер по её домашнему. а кого вызванивали-то? мы на следующий день узнали случайно. гроб самое дрянное зеркало из всех — узнать тебя невозможно, да и сам в него не заглянешь — только чужие. стояли слева, как родственникам и полагается. у батюшки —

фальцет. хоть дверь была открыта, надымил кадилом так, будто над облаком поплыли. рот быбушки криво сшили однако, тётя галя уверяла, что, видать, коронки снять пытались. однако коронок уже давно не было. толкали речь, потому-что так полагается. а ты почему не пьёшь? а ты, тая, обязательно должна эту ветчину? а вам, девочки, не передать ли сыру? а вы, смотрите, на автобус не опоздайте. потом, как полагается, 40 дней надо выждать. а тогда уже и хлопоты по-новой. вывоз, очистка. жилец новый в дверной раме. красавец-мужчина. 190. ты не знаешь, лена, как мы там с игорем надрывались. возхлама вывезли. а вам пальто не надо? люда, это же ваш размер, подъезжайте обязательно. картину ещё дед писал. пейзаж. лес. в массивной золочёной раме. повесили в прихожей. полстены занимает. сидеть негде. и сядешь — голова в массивной золочёной раме. за головой лес. покосившееся дерево. отражение. ветер дует за уши. волосы шевелятся. и сам — в раме. золочёная. самая прочная. на века.

Я пошла на похороны с работы, после чего поехала на поминки. Не помню, сколько я отсутствовала, но непрямая начальствующая сослуживица была очень недовольна. «Ты что не могла сразу после похорон приехать? Какие ещё поминки? Работать надо!» — говорила она,

судя по всему, чуждая любой форме уважения к памяти о близких.

Собственно, моя работа на тот момент состояла из череды моментов, когда меня в чём-то постоянно упрекали и унижали. Это называется психологический харрасмент. Но выбора у меня не было — я ожидала получения новой престижной работы, которая выпала мне счастливым жребием в виде линка на конкурс во время учёбы в European studies. Для поступления на новую работу я ходила писать экзамен длинной в 6 часов, в который включались вопросы по математике, логике, истории и объёмное сочинение о культурных особенностях приёма международной организации. Я прошла первый отборочный тур и ждала назначения на работу.

Мать в то время не работала и сидела дома, превратившись в тирана. Её содержала я, уйти жить отдельно и оплачивать два хозяйства одновременно я не могла себе позволить. Она постоянно понукала меня и критиковала всё, что я делаю. В то же время, она использовала меня как денежный мешок — каждый вечер, приходя домой после работы и учёбы я слышала крики с дивана: «Дай денег на парик! Дай денег на новую юбку!» Мое увлечение книгами она не понимала, крича на меня каждый раз, когда я приходила домой с новой книгой: «Иди продавай её! На что опять деньги потратила?». Ей не нравилось моё увлечение фотографией,

она шарила в моих вещах и начинала кричать, когда видела пачку очередных фотографий с фотосессии. На выходных я снимала друзей или друзей друзей, пытаюсь понять, какова я как портретист. «Тебе надо взимать с них плату за это! Зачем ты это делаешь?» — говорила недовольная мать. Однако сами портретируемые были иного мнения. Одна подруга позировала мне с недовольным видом и говорила: «Она за наш счёт сделает карьеру! Пусть платит нам за позирование».

Другая подруга, вернее сокурсница, пообещала одолжить фотоаппарат на съёмку своей подруги, но в день съёмок оказалось, что в аппарате осталась недоснятая фотоплёнка. Сокурсница предложила нам с моделью скинуться для компенсации неотснятой плёнки, что мы не преминули сделать. Эта мелочность и тяга к деньгам характеризовала моё окружение на тот момент.

Матери было чуждо понятие личных границ, и она запросто выбрасывала мои вещи, не информируя меня о решении и не советуясь. Так из квартиры мистическим образом испарились несколько полок книг с сочинениями Марка Твена и ещё каких-то писателей. Моё личное расследование постановило, что одна из полок в книжном шкафу в комнате матери рухнула, и она попросту выбросила всё содержимое, не заморачиваясь на ремонт

мебели. Среди пропавших таким образом книг были и талмуды XIX века из библиотеки родителей отца. Насколько я помню, одна из книг был «Неистовый Роланд» Ариосто 1893 года издания. Книга имела высокую рыночную стоимость, но мать, не задумываясь, избавилась и от неё. Когда я произвела допрос с дознанием, какова была мотивация матери в данном случае, она ответила: «Эти книги воняли, они мешали мне спать».

Ещё во время моих отношений с Александром мать демонстрировала высокий пилотаж нарушения личных границ — если мы с Александром ссорились, и она видела, как я рыдаю на диване, а потом отправляюсь «гулять в лес, чтобы успокоиться», мать незамедлительно звонила моему партнёру и оповещала его о сложившейся ситуации (это было то, о чём я пыталась умолчать, пытаюсь спасти отношения). «Похоже, она вообще не думает», — заключил Александр. Такие ситуации с звонками моим партнёрам повторялись ещё не раз, мать пыталась выяснить мои отношения за меня. Так что я перестала информировать мать о своих новых партнёрах, и информация о моей личной жизни осталась для неё недостижимой.

Мать творила чудеса нескоординированности людей, проживающих на одной жилплощади. Однажды, когда я отправилась на уроки танцев, а она умудрилась сменить замок на входной

двери квартиры без моего ведома. Я приехала вечером домой и не смогла открыть дверь, матери в тот момент не было дома. Я представила, что это, вероятно, заклинило старый замок и дверь придется вышибать. Для это цели я позвонила другу детства — Артику, и он примчался на всех порах помочь школьной подруге. Артик несколько минут возился с дверью, пытаясь налетать на неё с разбегу несколько раз, и с третьей попытки его усилия увенчались успехом — дверь подалась и замок был выбит. Когда мы зашли в квартиру, то обнаружили связку новых ключей на столе — оказалось, что мать сменила замок при помощи мастера пару часов назад.

Как-то мать заявила, наблюдая за нашим домашним котом: «Как хорошо быть котом! Не надо ничего делать, и нет никаких забот». В ответ на что я подумала: «Оказывается, моя мать — животное». Мать была перманентно приклеена к телевизору, веря каждому слову, произносимому на экране. Я считала её чем-то вроде телевизионного зомби.

Выйти из дома в свободное время было для меня чревато психологическим ущербом — мать начинала придумывать виды стихийных бедствий, которые меня постигнут за дверями квартиры. «Куда опять собралась? Остайся тут, со мной!» Если на улице летом светило солнце и я собиралась на пляж, она придумывала что скоро будет гроза и мне не стоит никуда идти.

Если я собиралась на вечеринку, она пугала меня маньяками в подворотне. Жизнь с токсичной матерью была невыносима, но позволить себе жить отдельно я пока не могла. Эта женщина всё ещё считала себя беременной мною и воспринимала меня как свою собственность. Меня же бытование эмбрионом собственной матери не особо устраивало.

Моя мать любит пугать
 (Криминал-инфо смотрит исправно)
 Проходя коридором мимо комнаты её,
 слышу бывает такое:
 «... Ещё недели бы тело искали,
 если б не случай —
 дети района того в прятки любили играть...»

Моя мать любит говорить:
 «Ты тщедушна — съешь мяса»;
 «Ты наивна — ты не знаешь жизни».
 Наверно не узнаю, куда не убьют —
 не закопают.

...и как материнский эгоизм раскрывшись
застарелым цветом набухает.
контроль. не выпустить на финишную линию
впереди себя.
ты был когда-нибудь матерью? затыкал рот.
чертил окружности уверенными руками

и требовал поглощающего внимания. судил наперед, видимо знание априори имеет материнский контур. априорно априорному. твоя утроба вмещает в себя всё.

или так тебе кажется.

и хорошо, если твой цветок отцветёт, ибо это воистину жалкое зрелище. очнувшись, ты почувствуешь стыд.

Мать не ведала никаких границ в отношениях с собственностью, однажды она взяла без моего ведома мою дебетную карточку и попыталась снять с неё деньги в банкомате, даже не подумав о том, что у неё спросят пинкод (которого она не знала). Я спохватилась о пропаже и сразу же позвонила в банк. Мне сообщили, что карточкой пытались воспользоваться на Саркандаугаве, но никаких денег с неё не было снято. Вернувшись с покупками мать, выслушав мои сетования о пропавшей карточке, с сердитым лицом ткнула ею мне в лицо и заявила, что она имеет право на мои сбережения, она-де пыталась посмотреть, сколько денег на моём счету.

Характер матери, расшатанный работой на рынке в тяжёлых условиях, портился не по дням, а по часам — через какое-то время она начала выдавать мне упрёки по любому поводу и орать даже из-за неправильно открытого

окна. О работе на рынке мне было известно, что мать хряпала стопку водки, перед тем как выйти на улицу в тридцатиградусный мороз, где должна была провести целый день, до изнеможения, с некоторыми заходами в киоск чтобы согреться. Рыночный быт отдавал своим трешаком, мать рассказывала истории про то, как коллега по рынку ходила в туалет в ящики с бананами, придумывая какие-то невинные отговорки — через некоторое время этот склад бананов был обнаружен, в ответ на что моя мать заливалась смехом: «Ахахахха, вот так бананы!» В её жизни не было недостатка в треше и лишениях, потому я смотрела на её выходы через пальцы, спуская ей многое.

Мать также не скупилась на выражения, и как-то раз, когда я воспользовалась после душа её полотенцем, завопила: «Что ты там вытираешь моим полотенцем, свою поганую пизду?» Видимо, это был намёк на мой активный сексуальный образ жизни, начавшийся с отношений с Александром. Позже она призналась, её товарка настраивала мать против меня — мать по какой-то причине поверила её доводам (которые мне неизвестны) и упорно катила на меня бочки. Как-то раз я приболела и лежала несколько дней дома на диване, в то время как мать готовила мне еду и наше общение заключалось в основном во фразах: «Что будешь есть?» «Дай денег!» Я пребывала в дурном настроении

и на позывные на очередной обед отозвалась: «Я сейчас не хочу». На что мать, с выпученными глазами стоя в дверном проёме, заверещала: «Да пошла ты нахуй! Я ей готовлю, а она не хочет!» Её нападки становились всё нелогичнее и агрессивнее. «Убери свои подпорки, ишь расселась!» — могла она сказать мне, проходя мимо в коридоре. Увы, это было её перманентное состояние попреков. Было понятно, что мне необходимо отселиться. Случится это только через пару лет. Я пыталась практиковать буддистское отчуждение от ситуации, по-прежнему воспринимая мать как стихийное бедствие. Я не была зла на неё лично, принимая во внимания все социально-экономические условия, которые негативно повлияли на её характер. Я старалась не судить её, приравнивая к ситуации всеми силами, как могла.

Мать же продолжала вести себя неподобающе, не выказывая никакого уважения к моей персоне или к моему мнению, её отношение становилось всё хуже в зависимости от того, насколько нейтрально я реагировала на её выпад и раздражённые тирады.

Существует ли корреляция между ценностью отношений «за деньги» или «за чувства»? Таким вопросом я задавалась, подразумевая продажу сексуальных услуг. «За чувства» дороже, чем за деньги — наивно полагала я.

Однако в моей практике ситуация вырисовывалась крайне противоположная — я содержала мать на заработанные мной деньги, а та отвечала мне крайней неприязнью. Выходило, что, вероятно, дешевле «за чувства». Однако, теперь мне кажется, что такая постановка вопроса крайне недалёковидна и чересчур упрощает ситуацию человеческих взаимоотношений.

за деньги дешевле, чем за чувства
рефрижираторная вежливость
в случае денег
она ни к чему не обязывает
в ином случае человек, что-то вручающий
ожидает некий эквивалент,
незримый заменитель
самоутверждение, результат
маркетингового исследования
дружеская привязанность, твоё тело
или родственные чувства
мать хочет получить взамен твой эмбрион
ей льстит чувствовать себя беременной
и т. д.
прозрачное гелевое тело фабрикуется
в процессе обмена
вместо денег гелевый двойник повиснет
на ладони
вот уже чувственным обязательством
запахло в воздухе

это твоё антитело, стремящееся к дарящему
не столкнись сам со своим антивеществом
что же ты врёшь, что бесплатно
не хочешь ли ты выманить что-то
что-то невидимое

В то время я зачитывалась Сильвией Плат и представляла её себе как идеального автора. Обнаружила я для себя Сильвию смехотворным образом — благодаря голливудскому бай-опику с Гвинет Пэлтроу в главной роли. Один из самых значительных американских поэтов XX века проник в мою жизнь именно с голливудского экрана. Для меня Сильвия возвышалась как алмазный идол на постаменте поэзии и прозы, с запутанной структурой метафор и мощностью исповедальной интонации. Меня восхищали её стихи и роман «Под стеклянным колпаком». Роман я перечитывала несколько раз, отождествляя героиню с собой. Однако никаких попыток самоубийства я никогда не предпринимала, крепко держа себя в руках даже в приступах пароксизма. Я её прозвала «Мамочка Сильвия» и писала стихи, посвящённые ей. Видимо она замещала мне образ матери, будучи интеллектуальным поводырём на поле поэтической традиции. Других своих кумиров я так же величала родственниками: Достоевского, Кафку, Сартра, Бодлера. В этом родственном братании

сквозила тоска по интеллектуальному родству душ, которого мне не хватало в собственной семье.

**дрянные переводы сильвии плат
от изд-ва наука**

мамочка сильвия в дрянных переводах
дрянные переводы, как упрямый
рогатый скот
табунами втаптывают строки в пыль
утрамбовывают, крошат на лоскуты-полоски
можно ли натянуть это лоскутное одеяло
на твоё бездыханное тело, сильвия?
клиньями ляжет оно тебе на конечности
корпией набьёт вечнооткрытый рот
но боюсь, не врубится, не засияет твоя голова —
газовый рожок

Мне повезло — я получила престижную работу и впервые получила доступ к каким-то деньгам. Первые зарплаты пошли на ремонт квартиры, где мы жили вместе с матерью. Начало новой работы совпало с весной, и я чувствовала себя счастливейшим человеком на свете, выпутавшимся из клубка змей прошлой конторы и вступившим в новую пору. Летнее время я провела за проектами по художественной фотографии — ночью ходила с приятелем по лесам и фотографировала нечто в темноте, возвращалась домой под утро на гудящих ногах,

спала пару часов и, как огурчик, шла на работу. Меня завораживала эстетика low key, я начала готовиться к своей первой выставке. Уже после первых зарплат я смогла подумать о путешествиях, которые расширили бы мой кругозор. Путешествия — это то, что я доселе не могла себе позволить, делая только вылазки на постсоветское пространство. Наконец, я смогла поехать в Париж, где первым делом посетила могилу Сартра и де Бовуар, а также Бодлера.

Прошло пару лет с моего расставания с Александром, я ни с кем не встречалась и ни на кого не заглядывалась. И тогда в моей жизни появился Владислав. Это был парень из тусовки знакомых, мы были шапочно знакомы по лайвджурналу. Но осенью наконец столкнулись лично на каком-то полукультурном мероприятии. Владислав оглядел меня с макушки до пят, я уже хорошо знала, что означает этот взгляд от мужчины. Он сделал серьёзное лицо и высказал какое-то суждение о «Мертвеце» Джармуша. На Владиславе были диковинные готические боты, в которых он мог бы пойти на стим-панковскую тусовку и сказаться своим. Он был стильно одет — в модно потёртое вельветовое пальто-плащ какого-то изысканного линялого серо-зелёного цвета. Владислав был кем-то вроде гота, длинные чёрные волосы собирал в модный японский хвостик. Тёмные глаза прятал, выказывая милую смущённость.

Говорил медленно и полуулыбаясь. Я была очарована. Занимался он визуализацией интервью в 3D. Работа тоже по тем порам модная. Он так же, как и я, увлекался художественной фотографией. Не окончил факультет информационных технологий РТУ, но и не считал диплом чем-то необходимым для начала работы. Владислав был на три с половиной года моложе меня. Мы медленно начали сближаться, сначала перекидывались комментариями в лайвджурнале, потом перешли на чат в айсикью. Мы часами могли обсуждать объективы фотоаппаратов и различную фото-видеотехнику.

Через пару месяцев мы договорились поехать в Прагу — это было чем-то вроде романтического путешествия. В Праге мы оказались под Новый год. Весь город гремел от обилия хлопушек и петард, снег набивался в мои сапоги с высокими каблуками, Владислав находил где-то газеты и сушил мои сапоги под батареей с напиханной в них бумагой. Прага выглядела как макет, искусно подсвеченный жёлтым прожектором, все строения вечером казались изжелта-оранжевыми. Мы бродили по городу, забредали на какие-то холмы и в какие-то кабачки, где долго сидели, томно дыша друг другу в волосы. Мы фанатели от кладбищ и сходили на три кладбища в Праге. Всё это время оба обильно фотографировали. На одном из кладбищ мы посетили могилу Кафки. Кладбище

было еврейским, и Владиславу пришлось надеть бумажную кипу, которую он потерял во время поиска могилы. В пражском отеле мы жили в разных номерах, но как-то вечером напились в его номере и начали пьяно целоваться. При поцелуях мы сильно ударялись зубами, видимо из-за нервозности и спешки. Ничего больше между нами не произошло. В самолёте Владислав заказал шампанское. «Надо же отпраздновать!» — сказал он. И мы праздновали своё медленное схождение.

Мы были людьми, изобретшими секс заново, от первого раза у меня саднило внутри — оказалось, я получила ссадину внутри влагалища. Гинекологиня осматривала меня неодобрительно. «Секс — это спорт! Вот вы давно не занимались и получили травму». Однако мы были счастливы, как щенята, только что не визжа от восторга при виде друг друга. На выходные я переезжала к Владиславу, жившему с родителями, и всё свободное время мы проводили вместе. Через какое-то время я стала переезжать к нему на целую неделю, таща с собой сумку с одеждой. Домой я приходила только постирать и взять другую одежду.

Через полгода такого счастливого существования Владислав стал заговаривать о том, что нам надо жить вместе. Но жить вместе — где? В Иманте, где он обитал с родителями, строились многоэтажные элитные дома.

Он заглядывался на них и начал заводить разговор, что мы можем купить квартиру в кредит. Я никогда не думала о покупке недвижимости и вообще не верила в собственность, считая себя анархистом. Однако летом мы нашли подходящую квартиру и пошли в банк на приём по поводу ипотечного кредитования. Банковские служащие попросили нас назвать сумму своих окладов на работе. Выяснилось, что я зарабатываю в три раза больше Владислава, и дальнейшие переговоры банк вёл уже со мной, то есть я становилась кредитуемым лицом. Владислав взял на себя роль поручителя. Мы вместе работали над документами, необходимыми перед покупкой квартиры, и я помню, что Владислав протянул мне черновик договора с банком. В графе владелец значилось его имя. Получалось, что я покупаю человеку, с которым не состою ни в каких официальных отношениях, дорогостоящую квартиру. Это выглядело сомнительно. Вообще это можно было бы расценить как мошенничество. Позже я узнала, что это называется финансовое насилие. Но я была влюблена и пропустила этот факт незамеченным. Банк на такой прикол не купился и в графу владелец вставил, естественно, меня. Итак, мы заключили сделку. Я взгромодила на себя финансовое обязательство размером в 100 тысяч евро, длиной в 40 лет, поддавшись уговорам человека, которого знала всего полгода. Дом был только

построен, но уже сдан в эксплуатацию. Поздней осенью мы начали жить вместе. Поначалу я была в полном восторге, во многом благодаря тому, что переехала от токсичной матери. Помню, что как-то лежала на нашей новой кровати в японском стиле и думала: «Ого, вот наконец началась жизнь!»

Распределение трат было произведено по-марксистски: Владислав зарабатывал меньше, потому и платил меньше. Он оплачивал коммунальные счета, а я платила ипотеку. В принципе, соотношение получалось 1 к 6, ибо плата банку была в шесть раз выше среднего коммунального счёта. Я была невероятно влюблена и считала, что о деньгах мы не можем заводить разговоры, потому что как только мы начнём делить деньги, всё закончится. Поначалу хозяйством занимались оба, но через год хозяйство как-то незаметно перешло в мои руки. Я ходила на работу, зарабатывала деньги, чтобы оплатить кредит, ходила в магазин за едой, готовила и убирала. Владислав работал из дома и жаловался на то, как ему скучно находиться в изоляции. Как-то раз, через полтора года совместной жизни я забыла купить курицу в магазине, её предполагалось приготовить для Владислава. Владислав не поднялся из-за компьютера, а повернувшись ко мне закричал: «Так иди обратно в магазин!» Никакого сочувствия или помощи я не получала. За мелкие

проступки он награждал меня криком: «Кончилась туалетная бумага! Почему ты не уследила». В общем Владислав превратился в стандартного патриархального владельца бесплатной женской силы, с той разницей, что я не была его женой и меня он не содержал. Округлив эту ситуацию, можно сказать, что Владислав сделался одновременно моим тираном и содержанкой. Я платила за общие увеселения вроде туристических поездок — авиаперелёты, отели, рестораны. Мы несколько раз путешествовали вместе. Совместные туристические поездки были самым унылым времяпровождением — мы были прикованы друг к другу, и я должна была подчиняться воле Владислава — мы шли только туда, куда он хотел. Если мы долго не могли найти место, которое искали по карте, мне не позволялась вмешиваться и искать локацию — с картой имел право ходить только мужчина. Однажды он устроил мне двухдневный бойкот за то, что я отказалась платить за ужин в элитном ресторане — 150 евро. Он зарезервировал столик в супер-пупер элитном ресторане Амстердама под названием Supperclub, цена за ужин была озвучена внятно, но я понадеялась, что можно просто взять напитки. Мы явились в ресторан, нас усадили за какой-то импровизированный столик около подмостков. Весь ресторан выглядел как подмостки. Вокруг стали юлить костюмированные официантки с привязанными

к поясу воздушными шариками. Когда у нас спросили, что мы желаем заказать, я заявила, что мы хотим только напитки. Тогда официантка удалилась за портьеру и вернулась с неприятным мужчиной-зазывалой, круглым и чернявым, как Денни де Вито, видимо, менеджером зала, который громогласно заявил нам: «Tables are only for dinner!» Мы с позором вынуждены были покинуть заведение. После этого случая Владислав не разговаривал со мной два дня. По сути, это было финансовое и эмоциональное насилие.

Сексуальная активность, которая поначалу была неким откровением, теперь превратилась в рутинное исполнение долга. По настоянию Владислава я начала пить противозачаточные таблетки, которые негативно сказались на моём либидо — я вообще не испытывала никакого влечения, у меня пропала естественная смазка из влагалища, и коитус был для меня болезненным. Приходилось использовать лубрикант, который не всегда подходил и иногда вызывал ещё более болезненные ощущения. Позже я сделаю автопортрет с пламенеющими буквами WRONG LUBRICANT, который купит некий анонимный поклонник на аукционе. Смазливая блондинка с ярко накрашенными губами нагло пялится в объектив и изображает недоумение или внезапное ужасание-отвращение. Момент подразумеваемого острого наслаждения влѣк за собой неудобство и боль — такова была моя

реальность на тот момент сосуществования с Владиславом. Никакого наслаждения я не получала. Оргазм был мне недоступен из-за нежелания разобраться в себе — я не исследовала своё тело, возлагая эту обязанность на партнёра. Который конечно же не был семи пядей во лбу и не показывал блестящих результатов.

Секс превратился в одноразовую еженедельную рутину, в один из выходных дней я занимала выжидательную позу на кровати и меня в определённый момент «топтал» партнёр. Я ощущала этот процесс как некую семейную обязанность, исполнение повинности. Владислав пыхтел надо мной, в то время как я кривила лицо в странной форме экстаза, как мне казалось, но партнёр спрашивал меня: «Почему ты кривишься, неужели тебе так противно?» Он был недалёк от истины: секс не вызывал у меня никакого энтузиазма.

Мы прожили вместе около двух лет, и последний год был уже тягомотиной. Подозреваю, что Владислав просто тёк по течению и использовал меня как денежный мешок. В последние месяцы второго года совместного проживания я задумывалась о том, что хотела бы разобраться сама в себе — понять, что я хочу делать в искусстве, хотела бы пожить отдельно, но не понимала, как это можно организовать. У Владислава происходил быстрый карьерный рост — из визуализатора 3D он сделался дизайнером —

ему стали доверять делать дизайн интерьера. И наконец, он стал придумывать мебель сам и визуализировать их в 3D. Он объединил классическую форму с постмодернистским подходом и получил яркий привлекательный дизайнерский продукт. Одна меткая публикация на международном дизайн-ресурсе сделала его звездой фактически за ночь. Он получал запросы на покупку несуществующей мебели со всего мира, идеи его дизайна привлекли миллион просмотров. Какой-то латвийский миллионер решил вложить миллион латов в перспективное предприятие, Владислав в одночасье сделался производителем дизайнерской мебели. Я гордилась его успехами и радовалась его звёздному взлёту. Он же не верил моему интересу и уверял: «Тебя это не интересует». Владислав был концептуально за утилитарный подход (дизайн), а я за неутилитарный (искусство). Это было наше значительное концептуальное расхождение.

Какова же была возможная идея идеального союза? Задавалась я вопросом.

Много позже я узнаю о существовании теории контрсексуальности Поля Б. Пресьядо, с помощью которой автор пытается построить альтернативу сегодняшней гетероцентричной социальной системе. В качестве альтернативных центров сексуальности Пресьядо предлагает фаллоимитатор (протез) и анус (децентрирование

сексуальных коннотаций, обычно связанных с пенисом и влагалищем). «Контрасексуальность утверждает, что в начале были фаллоимитаторы. Фаллоимитатор был раньше пениса. Это происхождение полового члена. Контрсексуальность повторяет концепцию “дополнения”, сформулированную Жаком Деррида, и идентифицирует фаллоимитатор как дополнение, которое производит то, что оно должно выполнять».

Контрсексуальность, по мнению Пресьядо, денатурализует сексуальные практики и социальный порядок — это теория тела за пределами мужественности и женственности, мужского и женского пола, гетеросексуальности и гомосексуальности. Основная идея Пресьядо — утопический проект, который позволил бы раскрепостить личность — через построение альтернативного контрсексуального общества.

Общество контрсексуальности Пресьядо основано на контрсексуальном договоре — критике гетероцентрического института брака. Подписывающие такой договор отказываются от любой сексуальной идентичности, потому что отвергается понятие естественной мужественности/женственности, отвергаются традиционные гендерные привилегии и обязанности. В рамках контрсексуального договора тело признаёт себя и других не мужчинами и не женщинами, а живыми телами. Контрсексуальность Пресьядо предполагает, что половые органы

и сексуальность следует понимать как сложные биополитические технологии, что необходимо установить политические и теоретические связи между исследованиями полового аппарата с артефактами и социально-политическими исследованиями гендерной/половой системы.

Как пишет Пресьядо: «При половом различии симметрия невозможна. Гендерная система — это система биописьма. Тело — это живой, сконструированный текст, органический архив человеческой истории, как истории сексуального производства/воспроизведения, в которой одни коды натурализуются, а другие остаются абстрактными». По Пресьядо, задача контрсексуальности состоит в том, чтобы выявить порочные пространства, структурные изъяны биотекста (интерсексуальное тело, транссексуальное тело, гермафродитное тело и т. д.) и усилить силу отклонения от гетероцентрической машины биописьма. Пресьядо, по сути, занимается деконструкцией гетероцентричной биомашины.

В «Манифесте контрсексуальности» Пресьядо заявляет: «Пора перестать изучать и описывать пол, как если бы он был частью естественной истории человеческого общества. “Историю сексуальности” лучше было бы переименовать в “историю технологий”, поскольку половые и гендерные аппараты вписаны в сложную биотехнологическую систему. Эта “история

техники” показывает, что “человеческая природа” есть результат постоянных пограничных переговоров не только между человеком и животным, телом и машиной, но также между органом и протезом, органическим и пластическим, живым и мёртвым». И далее: «Половых органов как таковых не существует. Органы, которые мы считаем естественно сексуальными, уже являются продуктом сложной технологии, определяющей контекст, в котором органы приобретают своё значение (сексуальные отношения) и должным образом используются в соответствии со своей “природой” (гетеросексуальные отношения)».

Сейчас я понимаю, что теория Пресьядо пришлась бы мне по вкусу в моих размышлениях о союзе индивидов, отказывающихся от ограничений гетеронормативных практик. Но для меня союзы, описанные Пресьядо, будут казаться некоторой утопией и лишь туманным отголоском реалистичного проекта.

Во время сожительства с Владиславом я не могла и посметь подумать предложить ему отказаться от гетеронормативного союза. По истечению второго года совместного проживания, как-то вечером, Владислав подошёл ко мне и сказал: «Я хочу жить отдельно». Сначала я испытала шок и не поняла, что он имеет в виду. Потом он объяснил мне, что всё кончено, он не сможет обманывать меня, потому лучше ему съехать как можно скорее.

На самом деле всё это было не неожиданно, я наблюдала за Владиславом уже пару месяцев — я видела, как он смотрит на фотографии коллеги по дизайну из одной из своих командировок. Эти снимки он мне демонстрировал, когда рассказывал об отлично проведённом времени. В его взгляде я видела маслянистость, свойственную сексуально заинтересованному самцу. Меня это не напугало, я была уверена в своём превосходстве, как «единственная женщина» в его жизни. Однако, оказалось, что я ошибалась. Так же последовали «виноватые подарки» от партнёра, когда он начал задаривать меня чеками в магазины нижнего белья и цветами без повода. Владислав стал избегать строить планы на поездки за границу. Судя по описаниям с попсовых психологических сайтов, это были предвестники окончания отношений. Далее были длительные пасхальные каникулы, во время которых мы были прикованы друг к другу в квартире, и нам не о чём было говорить. Владислав ходил вокруг меня кругами, кидал на меня отчаянные взгляды, видимо пытаясь оживить ранее потерянный интерес к моей особе. Я была поглощена пожиранием «Кентерберийских рассказов» Чосера и не отвечала ему...

Ещё до кульминации истории с Владиславом было ясно, что он потерял ко мне интерес как к женщине. Некоторое время назад он начал

устраивать мне body shaming, отмечая, что я, видимо, «ем булочки», так как, по его мнению, моё тело несколько прибавилось в объёме (вероятно, на какие-то 5 кг). Он также сетовал на то, что ноги я брею, а не делаю депиляцию, т. к. ему казалось, что кожа недостаточно шелковиста. «А следовало бы делать депиляцию», — указывал он мне. Но я не покупалась на этот shaming и считала, что с моим телом всё в порядке.

После объявления вердикта я впала в истерику и несколько дней редела. Спросила: что теперь будет с квартирой, но Владислав только ослабилсЯ: «Это теперь твоя квартира. Или можно её продать, денег получить». Продавать я ничего не собиралась, чтобы не остаться вообще ни с чем. Владислав нашёл квартиру в центре через пару дней и оперативно съехал. Через пару месяцев начался мировой финансовый кризис, рынок недвижимости в Латвии рухнул, и квартира потеряла в цене пятьдесят процентов. Пока я витала в облаках влюблённости, в Латвии надувался финансовый пузырь. Вся моя оставшаяся жизнь будет подчинена выплатам за эту квартиру, последний взнос банку запланирован уже в преклонном возрасте.

Кто-то из моего круга знакомых прокомментировал: «Так он же ушёл к другой женщине». Но у меня это не вызывало никаких эмоций — я не испытывала ревности и воспринимала произошедшее с другой женщиной как

нечто, что ко мне не имеет отношения. Имело значение только то, что наши отношения разрушены и, стало быть, надо начинать жить заново.

После разрыва с Владиславом я погоревала около месяца, но впоследствии неожиданно распознала вкус свободы. Впервые в жизни я жила на своей жилплощади и наконец имела возможность творить без всяких ограничений. Я закончила пару арт-проектов, над которыми работала уже несколько лет, и в которые вложила много интеллектуальных усилий и времени. Возобновила писать стихи — то, чего я не делала, будучи в отношениях. Владислав не понимал поэзию и считал, что её нужно запретить, ибо язык должен быть максимально упрощён для общения. Он взывал к утилитарной функции языка как метода коммуникации. Меня же будоражили философские глубины, потенциально заключённые в любом слове и в конструкциях из слов. Я была накопителем редких слов, архаизмов, диалектизмов и различного рода слэнгов... я решила снова стать художником слова.

дневник трубы

смотрел в трубу: кто-то насыпал муки в море.
не успевшая долететь мука повисла в воздухе
и пала на влажную хвою

смотрел в трубу: облака зависли тёмно-серыми
хлопьями гуашевых мазков

смотрел в трубу: дождь перестал. низкие
грязно-серые облака, как над погорелищем

смотрел в трубу: асфальт отливает синим,
лес слоится, крыши блестят в дымном сиянии

смотрел в трубу: темно. по морю ползут
ярко-розовые и сине-голубые полосы. по ним
барахтаются кораблики, искрящиеся игрушеч-
ными огоньками

смотрел в трубу: море — нежно переливаю-
щаяся сота, сочится в холодном мареве. закат
спрятался за серо-синие облака

смотрел в трубу: море, тугое, как живот,
набитый сдобой. ни единого проблеска с утра!

Свобода свалилась на меня как огромное
небо — я начала путешествовать, познавая
белый свет. Лондон, Париж, Лиссабон, Барсе-
лона, Венеция, Нью-Йорк — вот некоторые
из городов, которые я посетила за год свободной
жизни. Помимо этого, я, конечно, каждый день
ходила на работу, работала над собственными
арт-проектами, писала стихи и прозу. Пребы-
вание за пределами рутинной жизни давало

мне новую перспективу. Позволяло сопоставить положения других людей в мире с людьми из моей страны. Я узнала очень много и многому научилась.

После расставания с Владиславом я впервые в жизни завела вибратор, купив его в командировке во Франции — это был безликий предмет, ничем не напоминавший о своём предназначении. Скорее, он выглядел как массажёр для шеи. После отказа от противозачаточных средств ко мне вернулось либидо, и я нуждалась в каком-то виде вибратора для удовлетворения. Я неистово мастурбировала вагинально, но никакого оргазма не наступало, вернее, я просто не знала, чего ожидать. Я получала приток тепла в области влагалища, и мне казалось — вот это пик наслаждения.

В одной из поездок за границу я проснулась в гостинице, окружённая красными синтетическими шёлковыми простынями и почувствовала возбуждение. Это произошло как раз после моего первого публичного выступления как саунд-артиста на международном фестивале саунд-арта. Выступление было успешным, коллеги по цеху показывали мне довольные thumbs up и улыбались. Убелённые сединами поклонники подобострастно искали моего взгляда. Я чувствовала себя на вершине успеха и блаженства. После грандиозного, ошеломительного, неожиданного триумфа я не могла заснуть

и предавалась грёзам по поводу своей невероятной удачи. Проснувшись пополудни, я ощутила себя невероятно возбуждённой. Вибратора у меня не было, потому я просто стала прикасаться к себе. Неожиданно, после нескольких прикосновений в области клитора я получила яркий разряд. «Так вот это и есть оргазм!» — подумала я и удивилась, насколько банальным было произошедшее. Мне показалось, что облегчение, которое я получила, сродни облегчению от похода на горшок. В своих умозаключениях я низвела оргазм к функции опорожнения кишечника, и мне показалось, что всё инсинуации с этой мелки и никчёмны. Наконец, я достигла желаемой разрядки — впервые в жизни. Мне было почти тридцать лет, и это был мой первый оргазм.

Я вспоминала о первом оргазме Симоны де Бовуар — в тридцать девять лет, испытанном благодаря её американскому возлюбленному Нельсону Олгрёну. Симона не отличалась пуританскими воззрениями, её жизнь была полна любовными приключениями, и тем не менее она достигла максимальной разрядки почти в сорок лет — это казалось загадочным. Но так и есть — у меня подозрение, что большое количество женщин земного шара никогда в жизни не испытывали оргазма и просто не имеют представления о том, как именно это происходит. Следует ли абсолютизировать достижение

оргазма как апогея сексуального акта, отсутствие которого аннулирует акт как таковой по себе? Мне это всегда казалось смехотворной идеей, отдающей крайним фаллологоцентризмом.

В моём случае достижение оргазма слилось с достижением успеха на артистическом поприще — впервые я видела отклик на свое лабораторное творчество, казавшееся мне непонятным для непосвященной аудитории. Но шквал аплодисментов и крайне радушный прием уверили меня, что моя работа не прошла даром. Волна успеха захлестнула меня и вынесла на берег оргиастической волной. С тех пор артистические свершения будут у меня ассоциироваться с физическим удовлетворением.

Я задавалась вопросом: как секс может быть священным или попраным? Сексуальный акт может быть как единением индивидов, так и профанацией продажного или похотливого сношения. Этот дуализм не будет давать мне покоя, и я сделаю перформанс Black Orgasm.

Дуализм сексуальной жизни, опирающийся на духовную составляющую в моём случае и часто низводящийся к похоти, — эта загадка тревожила мой ум долгие годы. Похожие рассуждения я нашла у Вирджинии Вулф в романе «Орландо»: «Потому что Любовь, к которой мы наконец можем вернуться, имеет два лица: одно белое, другое чёрное; два тела: одно гладкое,

другое волосатое. Она имеет две руки, две ноги, два хвоста — словом, всего по паре и непременно из совершенных противоположностей. В данном случае, любовь Орlando начала свой лет, обратив к нему белое лицо и сверкая гладким, нежным телом. Она близилась, близилась, овевая его небесным восторгом. Но вдруг (возможно, при виде эрцгерцогини) она шарахнулась, резко повернула и явилась уже в чёрном, волосатом, гнусном виде; и вовсе не Любовь, не птица рая — стервятник похоти с мерзейшим грубым стуком уселся на его плечо. Вот почему он бежал, вот почему позвал лакея». Я никогда не смогу смириться с этим дуализмом тела и души, прямо как средневековый схоласт...

За пару лет до начала моих путешествий я создала коллекцию образов, характеров и ситуаций, описанию которых можно посвятить некоторое время. Люди, попадавшие мне на пути, были необычны. Например, голландский художник, с которым мы столкнулись в соцсети, посвящённой музыке и решили создать что-то вместе. Я приехала к нему в Роттердам, и мы проводили время за реализацией художественных проектов. Голландец втрескался в меня по уши, но я осталась холодна к нему. Вряд ли он был подходящей кандидатурой для претворения в жизнь планов о единении индивидов. Я наблюдала за его поведением и пришла к выводу, что у него наличествует некоторая форма

аутизма, сопряженная с какой-то иной формой ментальных особенностей. Так и оказалось — через пару дней после знакомства он демонстрировал мне чертежи по захвату финансовых рынков с целью зарабатывания миллионов. Данный капитал он вознамерился использовать для покупки одного из островов на побережье Нидерландов, чтобы создать коммуну индивидов, живущих независимо от капиталистической системы. Он нашел даже спонсоров своей затее: владелец кебабной с его же улицы был готов инвестировать несколько десятков тысяч евро в данную авантюру. Как уже было понятно заранее, данная затея была обречена на поражение. Через год голландец напишет мне, что за ним бегают сумасшедшие люди и требуют отдать деньги. Чертежи голландца были похожи на проявления параноидально-шизофренического бреда.

Путешествия казались мне складом сокровищ, которые следовало открыть: образы людей, неведомые города, человеческие хитросплетения, — всё это колыхалось передо мной и отдавало бесконечной комбинацией запахов, вызывая во мне ассоциации с тем перечислением образов, к которому обращался Жан Жене в «Дневнике вора», определяя плоть поэзии: «Чтобы достичь поэзии, то есть вдохнуть в читателя неведомое мне в ту пору чувство — которое и по сей день мне неведомо, — мои

слова взывают к буйной чувствительности и пышным обрядам этого света, но, увы, не к рациональной упорядоченности нашей эпохи, а к красоте ушедших или отходящих в небытие времён. Я надеялся, выражая эту поэзию, освободить её из-под гнёта предметов, металлов, органов, тем, настроений, перед которыми издавна преклонялись, — как-то: бриллианты, пурпур, кровь, цветы, сперма, орифламмы, ногти, золото, глаза, короны, ожерелья, осень, слёзы, ветер, моряки, оружие, химеры, дождь и траур — и таким образом избавиться от мира, о котором они возвещают (не от того, который они называют, а от того, который они воскрешают и в котором я увязаю), но все мои усилия тщетны. По-прежнему я прибегаю к этим словам. Они плодятся, как мухи, и поглощают меня. По их воле я пробиваюсь сквозь генеалогические пласты, Возрождение, Средние века, времена Каролингов и Меровингов, прохожу через эпоху Византии и Древнего Рима, нашествия и эпопеи, чтобы докопаться до мифологии, где возможно любое творение». Я чувствовала себя таким вором, пожирающим впечатления из путешествий, вырванных у часов работы, необходимых для того, чтобы оплатить те же самые путешествия. Я стала идеальным вором в мифологии Жана Жене.

Соратников по приключениям за границей я находила через соцсети или через знакомых,

часто это были друзья друзей. Они вежливо выказывали готовность «погулять» меня по их городу и продемонстрировать мне ночную жизнь. Так мне открывалась изнанка городов — разгульные бесчинства под покровом ночи. Однажды в Копенгагене я попала на закрытую вечеринку на корабле, вокруг меня паслись типчики в спортивных костюмах с горящими глазами, будто вышедшие из датского фильма *Pusher*. Они подкатывали ко мне с вопросом: «А, ты та самая латвийская модель?» И спрашивали: «Do you want drugs, do you want drinks?» У меня хватило ума отказаться от этих сомнительных предложений. Тем же вечером девушка, которая привела меня на этот корабль вежливо спросила: «Would you like a line?» Смысл этого вопроса дошёл до меня только с третьего раза. Я не употребляла никаких наркотиков и мне пришлось вежливо объяснить, что «I am clean».

Самой феноменальной оказалась моя поездка в Нью-Йорк, окончившаяся падением в манхэттенской подземке — я упала с 11-сантиметровых каблучков и пролетела пару лестничных пролётов, приземлилась я на оба колена, на которых тут же вспухли синяки. В Нью-Йорк я попала благодаря коммуникативной ошибке в корреспонденции с моим другом по переписке — канадским режиссёром Гаем Мэддином. Я писала ему о праздновании Нового года. Я наивно сократила *New Year's* до *NY*, и он подумал,

что я пишу о поездке в Нью-Йорк (NYC). С Гаем мы переписывались около года, но так никогда и не встретились лично. Он предлагал мне делать видеопроекции для его тогда планируемого фильма Keyhole, но у меня не получилось приехать в самый центр Канады — Виннипег. Гай был для меня идеалом художника на тот момент, я восхищалась его успехом в нахождении самобытного киноязыка, построенного на пастише немого кино и кино 1930–1940-х годов. Впервые увидев его фильм “Brand upon the brain” на московском кинофестивале, я задалась вопросом: «Кто этот человек? Он думает так же, как я». Меня поразила схожесть его мышления с моим именно в этом фильме. Через пару месяцев мы столкнулись в фейсбуке и не могли перестать строчить письма друг другу.

Завтрак у Тиффани на Fast Fast Forward

собственно, что меня понесло в нью-йорк на новый год. ну, анна зазывала. хотя, это она, скорее, из вежливости.

откуда взялась анна. в октябре в лондоне мы с кристиной спасли её от нападок сумасшедшего русского на берегу темзы по пути в тейт модерн. как это было. лондонский вечер лизал насыпь у набережной неоновой водой. мы пили фраппучино из старбакса. вдруг к нам привязывается тип вида совсем непотребного — перья из шляпы, россыпь значков

на лацканах пиджака. слышал, что мы говорим по-русски, и тут его начинает нести — старые анекдоты про чапаева и скабрёжности всякие. я глаза не знаю куда отводить — смотрю в воду. с типом какая-то потерянная девица, со смоляным каре. я думаю: никак состоит при этом сумасшедшем. оказывается это анна, первый день из нью-йорка. русский сел ей на хвост на станции метро, и она никак не могла от него избавиться. мы быстро смекаем, что к чему, и чапаева отсылаем в сторону, противоположную нашим надобностям. анну доводим до лондон-бридж и показываем, где вход на её линию. попутно меняемся визитками. «вы мне жизнь спасли! если будете в нью-йорке...» я ничего не знаю про неё, кроме того, что у неё татуировка на половину плеча, шикарный изгиб бровей и чёрные глазищи. она из сербии. 10 лет живёт в нью-йорке. она из рекламного бизнеса. судя по говору, много партиз с кокаином. её манерный прононс я ошибочно записываю в разряд «лесбиянство».

ну и кроме того, гай мэддин, канадский режиссер-авангардист мне говорит, что любит на новый год сбегать в нью-йорк. изабелла росселини, дочь великого режиссёра и великой актрисы, даёт ему ключи от своей нью-йоркской квартиры, что рядом с централ парком, и ночью он любит шататься в парке по холоду. мы решаем встретиться в нью-йорке.

в централ парке. и разыграть финальную сцену из килл билл 1. гай даже готов изображать о-рен и-шии.

такие комбинации получались: лесбиянки, кокаин, скальп гая на снегу, квартира изабеллы и нью-йорк, нью-йорк. ну кто тут устоит. я вытянула лотерейный билет со звериным числом — 666 — от польской авиакомпания и, победоносно обмахиваясь им, последовала в аэропорт.

...анна оказалась намного скромней, чем рисовало моё воображение. слегка нездоровый блеск в глазах — постразводный синдром. 10 лет была замужем. сюда приехала по зелёной карте. теперь развод. ужины с бывшим мужем раз в месяц. сеансы психоаналитика. нигде кроме нью-йорка в сша не была. пашет, как папа карло, часто до 12 ночи, чтобы оплатить узенький клин квартиры в богемно-клубном районе. но зато ночью анна — всегда в эпицентре. у неё припасены разветвляющиеся планы на каждый вечер. за сутки до новогодней ночи мы колесим по ист виллидж, по маленьким клубам. внезапно у бара высаживается французский десант: друзья анны из лондона. это французская ночь. откуда ни возьмись — ещё парочка французов. анна падка на французское. один из этих типов начинает с ней болтать. долговязый

с обаятельной щетиной. он повар. из парижа. второй типчик достаётся мне. тощей спиной напоминает угря, затянутого в белую майку. у него невыразительное вытянутое лицо с глазами-бусинами. он актёр. работает в лос-анджелесе. снимается в сериалах. он называет свой сериал. мне это словосочетание ничего не говорит. я почему-то решаю, что сериал на медицинскую тему. его белая майка напоминает мне перевязочный материал. какое-то время мы просто трещим, при этом мне постоянно подливают. угорь деловито меня спаивает: «ты уже напилась?» «нет, пока ещё не напилась». тут анна с интеллигентным поваром начинают целоваться взасос, прямо рядом с баром. я понимаю, что уже напилась. и каким-то образом мы с актёром решаем изобразить своих друзей. момент, когда мы начинаем это делать почему-то напрочь вылетел. ну вот, мы увлечённо сосёмся для симметрии (я лично), а меня эта ситуация крайне забавляет, так как мне этот актёришко вовсе не симпатичен. и этот засос — как сделать что-то на спор. я вспоминаю, что незадолго до этой сцены гай сообщил, что не может приехать, так как застрел, монтируя ляжки изабеллы для проекции на небоскрёбе — для роттердамского фестиваля через несколько недель (уродливый небоскрёб робеко — я проверяла в роттердаме через полгода).

я расстроилась, что гай не приедет. так что этот засос — пилуля от тоски. мне даже жаль моего актёришку. ну что же ты на мне виснешь? пока мы так сосёмся, я вижу эту сцену со стороны и мне становится смешно — меня от смеха скручивает. французу приходится оторвать от меня щупальца. он, видимо, от недоумения начинает пародировать мой смех. смеётся он ужасно неестественно. почти пищит. видно, что ему вовсе не смешно. мимо нас шныряют симпатичные бритпоповские мальчишки. а на мне этот француз, чёрт бы его побрал! тут анна со своей парой стартует к выходу — оба в предвкушении продолжения утех. моё положение становится совсем шатким. в этой области симметрия меня отнюдь не воодушевляет. меня начинает клонить в сон. я заползаю в такси почти на бровях. рядом почему-то сидит мой глист. я воспринимаю его как что-то вроде привидения. это привидение настырно следует за мной по пятам. у отеля я занимаю оборонительную позицию и не желаю слушать никаких доводов. чёрт, только этого мне не хватало! чтобы устранить его подипломатичней, я обещаю, что мы встретимся «завтра. у тебя же будет телефон анны». бедный телефон анны.

«завтра» было нездорово холодно для нью-йорка. новогодняя ночь. не смотря на холод, вечером в моём корейском квартале

мелькали голые корейские ножки на шпильках. первая ошибка, которую я допустила в тот вечер, — спутала уэст бродвей с простым бродвеем. потому пришла в ресторан с опозданием. анна светилась после французской ночи. она была уверена, что я была занята тем же. пришлось её разуверить. ну вот, наша компания в сборе: анна — сербская богиня, иванна — хорватская принцесса с ногами из ушей, в декольтированном мини-платье, красавица в последнем припадке красоты (ещё парочка лет — и она не сможет себе позволить такое), азиатская девушка с плоским профилем (кажется, таиланд), бразильянка — копия анны хэтвей, пара немцев — белесый живчик и сыто улыбающаяся девушка, как потом оказалось — в 9 лет вывезена из казахстана, и ещё кто-то, кого я не успеваю разглядеть.

сначала мы катим на званный бал у французского аристократа-мужеложца, но потом оказывается, что на гостей у него лимит. тогда приходится искать варианты замены. немецкий живчик кидает нам адресок. угол западной 13-й и чего-то. мы делимся на два такси и добираемся разными дорогами. в салоне такси зачитывает мне любовные смсы от бедного француза. анна хохочет: «посмотри, как он написал твоё имя». бедняга француз. наша машина прибывает первой, и мы не понимаем: где же тут клуб? полная тишина,

только что-то вроде сарая с дверьми, заколоченными жестянками. тут какое-то шевеленье. одна из жестянок приподнимается, оттуда выныривает огромных размеров афроамериканец-охранник, он же продавец билетов. на самом деле тут что-то есть. это ковбойский салун. пока заходили внутрь, я не верила своим глазам, будто мы попали в тexas и к тому же в американский фильм ужасов. стены залеплены всякой всячиной, вроде сбитых номеров машин, оленьих рогов, перевёрнутых санта-клаусов и красоток топless. под потолком над барной стойкой — мириады лифчиков, какого-то неживого тёмно-бежевого цвета. щупальца замершего чудовища. барменши — 3 каугёрлз — в джинсах, шляпах и замшевых лифчиках с бахромой — пританцовывают под развесёлый салунный музон. посетители только мужчины. мексиканские коротышки, рокеры в коже с харлеем за углом, огромные клетчатые бородатые лесорубы в кепках и т. д. при появлении нескольких цыпочек корпуса у всех поворачиваются в нашу сторону, как в страшном сне. мы жмёмся в центре зала, не рискуя снять верхнюю одежду. анна: «i can't believe my fucking eyes! what the fuck... we're NOT fucking staying here!» она комментирует хорватской принцессе: «you're SO underdressed!» барменши решают взять нас в оборот, обращаясь к нам в мегафон (в который они попеременно ржут,

изображая лошадей, от чего у нас волосы почти встают дыбом). «ну-ка, дамочки, раздевайтесь!» но мы недоверчиво озираемся. иванна косится на заляпанную дверь туалета: «я туда не пойду ни за что, даже если мне придётся умереть!» вторая машина с нашей компанией прибывает на место, и мы требуем объяснений у немца. немец что-то кудахчет и уверяет нас: «да что вы, будет весело!» тогда анна решает отпустить удила и заявляет: «ладно, мы остаёмся, и это будет best new years — ever!» кто-то из посетителей покупает нам текилу. через 5 минут мы уже пляшем. новое вливание в публику. дурацкие хлопушки, картонные колпаки с блёстками, разлетающиеся треугольные горы бокалов с шампанским, подлетающий со шваброй коротышка-мексиканец. и вот наши девушки уже выплясывают на барной стойке. я остаюсь стоять внизу. мне вручили мыльницу — снимать. это предложение не лезть наверх. ко мне подкрадывается бородатый лесоруб в кепке и спрашивает: «а ты почему не танцуешь?» я машу мыльницей. его этот ответ не удовлетворяет. говорит сурово: «you're next!»

следующим номером программы было публичное наказание красавицы-блондинки, которая якобы нарушила правила этого бара — целовалась на барной стойке. барменши начинают орать на неё в мегафон. красотка

расслабленно улыбается. взбирается на стойку. при помощи одной из барменш медленно, покачивая бёдрами в такт музыке, расстёгивает лифчик, вытаскивает его из-под свитера и передаёт в руки барменши. все смотрят на это с отвисшей челюстью. но каждый по своей причине. тут к моему правому локтю подходит тот же лесоруб и рывкает: «you're next!» на что я думаю: пора нам отселе валить.

однако мы ещё варимся некоторое время. в публике рисуется шикарный панк, заметно подшофе, у него истатуированная подруга — жгучая брюнетка. я влюбляюсь в её профиль и долго осоловело пялюсь. потом она поворачивается в анфас и я понимаю — чёрт, я ошиблась. панк влюбляется в хорватскую принцессу и что-то пытается ей объяснить на маловразумительном британском английском. иванна ему: «я не понимаю что ты говоришь! да-да, все мои подруги — красотки. тебе желаю всего наилучшего! enjoy your life!» все мы лапаем его ирокез. я спрашиваю: «это сахар или мыло?» он гундосит: «глыыыыыыыей» «чего?» «кылееееееей!»

когда мы покидаем это развесёлое место, хорватская принцесса, визжавшая от негодования громче всех в самом начале, говорит: «i LOVE this place!»

время за полночь, у нас ещё несколько пунктов остановки. пытаемся ловить такси —

притормаживает лимузин. рассчитан на 6 человек, а нас 8. заваливаем в лимо, кто-то умудряется сесть, но пара человек постоянно оказывается на полу. под развесёлый рэп бороздим манхэттен. анна продолжает чтения посланий от француза, адресованных мне. где же вы, девушки? можем ли мы сегодня встретиться? неееееееееееееет — зубоскалим мы с анной.

наша остановка — аскетичное здание в районе трайбека. забираемся внутрь. нас заводят в двухэтажную квартиру. зная о ценах на жильё в нью-йорке, я истово недоумеваю. анна, чья это квартира? вот его! она тыкает в кого-то пальцем. go get him, girl! тут живут 2 парня. один из руммейтов невозмутим, как бульдог, в клетчатой рубашке, с татуировками, лезущими из рукавов. кто он? оказывается, тату-артист. второй, проживающий тут, — ретушёр, он бразильянец. тащит нас в подвальное помещение, где скрывается внушительная студия с рядами компьютеров. демонстрирует обложки американских модных изданий — лицо известной модели до ретуши и после. фигура модели до и после. хорватская принцесса повизгивает от шока. она и без ретуши лучше этой глянцевої красотки. я углядела почти тот же набор книг по фотографии, что и у меня дома. тестино. фон унверт и т. д. вскоре мы с ретушёром ведём беседы о творчестве нэн голдин. вокруг разношёрстная

публика — японские девочки в платьях ямамото, ботаники-гимназисты, типичные очкарики, сиротливо жмущиеся на диване. в фойе кожаный диван, над которым горит неоновая надпись pistol — что-то вроде лого с дымящимся патроном-сигарой. я долго разглядываю этот символ, строя предположения, кто же из них двоих этот пистол? невозмутимый тату-артист привлекает мне некоего выходца с моей земли, после того как я рассказываю ему, откуда я. выходец желторот, патлат и обряжен в вязаный свитер. он никогда не был на своей исторической родине. его прадед, кажется, эмигрировал на лодке в Швецию — когда всё началось. мы не успеваем договорить — нас разнимают. помню его вязаное плечо, в которое я тыкаюсь носом при прощании. нам пора ехать дальше.

2 часа ночи. мы тщетно пытаемся остановить такси. все таксисты заняты. в нью-йорке перегрузка. далее по плану — вечеринка на квартире в бруклине. анна повторяет адрес. запомните наизусть. на случай если мы разобьёмся на машины. мы механически сигналим. но такси не реагируют. анна похожа на победоносного самодержца — петра первого — в своих ботфортах до колена и синем мудрёном аутфите на пристяжках. ей не хватает усов. она вышагивает по проезжей части, пытаюсь останавливать машины. тут мы видим

разверстую пасть метро — принимаем решение ехать в подземке. моя компания скачет вниз впереди меня.

а я

заглядываюсь на хорватскую принцессу,
судорожно вцепившуюся в перила, и
осознаю, что ступеньки уходят из-под ног и

хрясь — крякш — бум!

я лечу — пролетаю сколько-то там —
головой вперёд и

бом — уаааа-а-а-а!

я лечу — я пролетаю — я в полёте
о, донна анна!

как заправский дон жуан, я воспринимаю
разверзшуюся землю под ногами как
нечто должное

о, сербская богиня, на кого покинула
ты меня?

к тебе воздеваю я руки!

я лечу — зубами считаю оцинкованные
ступени подземки

дзинь — крякш — бум!

кто же меня поймает?

у-и-и-и-и-и

20 сантиметров — и жёлтый гулкий туннель метро, тарахтящий внизу

ещё 30 сантиметров полёта — и желтоватый свет от ламп на лестнице кружится

ещё 40 сантиметров — топот чьих-то ног
сгибается дугой и
ещё сколько-то сантиметров
и приземляюсь
чьё-то хриплое дыхание мне в ухо «are
you ok?»

да, вроде всё в порядке. я навеселе,
не осознаю особенно, что произошло

поднимаюсь, отряхиваюсь. я ещё оглуше-
на полётом и падением. мои спутники убежали
вперёд и в кутерьме скрылись. я автоматически
поднимаюсь наверх. механически продолжаю
стопить такси, повторяя бруклинский адрес.
постепенно понимаю, что всех потеряла. мо-
бильные телефоны не отвечают. в сети пере-
грузка. 2 ночи. не может быть и речи, чтобы
я ехала одна на метро в неизвестный район.
пара таксистов вяло тормозит. они все измота-
ны этой ночью шальных гонок. никто не хочет
ехать в бруклин. я ругаюсь, стучу по капотам.
и тут осознаю, что я не понимаю, где я. на-
чинаю бросаться на проезжающие мимо ма-
шины. кричу: «где тут бродвей?» ошалелые
водители показывают мне направление руками
в перчатках. бродвей, как оказалось, за углом.
я выхожу на него с чувством неимоверного
облегчения. наблюдаю те же истеричные
сцены на обочине — горстки отчаявшихся
пытаются остановить такси. впрочем, я тоже
продолжаю взмахивать рукой — заученным

усталым жестом. холодный ветер со снегом в лицо. ледяной асфальт бродвея. и ещё ужасно приспичило пописать. до моего отеля 4 километра. я обречённо беру курс на него. если не выдержу, буду справлять нужду прямо тут. я уже почти плачу и клянусь всё на свете, особенно таксистов. чёрт бы их побрал!

тут из какого-то парадного мне машут два озябших парубка в придурковатых зимних куртках (зимой сложно оценить замотанного человека — много слоёв). куда ты идёшь, деточка? да вот — пыталась уехать в бруклин. уже не знаю, куда я иду. эти два фрэера только что из бруклина. приехали на метро. теперь пытаются найти клуб, в который у них есть проходка. меня зовут с ними. поначалу я из солидарности с ними мёрзну в парадном, потом мы отважно выбираемся на поиски клуба. бесцельно походив туда-сюда некоторое время, мы наконец находим клуб, они находят свои имена в списке, и я наконец получаю печать на замёрзшую ручонку. ура! тут есть цивилизный туалет — это без риска быть арестованной за осквернение манхэттена. в уборной даже есть женщина, сбрызгивающая посетителей духами, наливающая вам мыло и протирающая вам руки. она стоит рядом с золочёным блюдом для подачи денежных знаков. меня эти обычаи вводят в лёгкий шок. мои спутники раздеваются — и оба оказываются

приличными молодчиками в деловых костюмах. один из них из косово. утром я прочитаю, что на его визитке написано united nations. второй — рыжеватый ирландец с лошадиным оскалом. надо мной берёт шефство косовец. рыжий завистливо оглядывает мою фигуру, при звуках музыки исчезающую в руках собрата-дипломата, и отправляется на поиски некой удобоваримой тёлки, дабы заткнуть дружбана за пояс. косовец, кажется, то, что называется «сальсирующий». сразу берёт быка за рога. вернее — меня, за мягкие места. мы вытанцовываем нечто эротическое. но я уже устала порядочно и толку от меня маловато. через какое-то время он выходит со мной на тротуар и помогает остановить машину. уже 4 утра. и такси ловится через несколько минут. он произносит последние напутствия и захлопывает дверцу такси. очередная проблема — таксист изображает, что у него нет сдачи. он ещё и рэпер вдобавок — зубы заговаривает мастерски. но тем не менее моя ночь подошла к концу. я на месте...отель... вот моя подушка... вот простыни...

гай мне говорит: да эта история — просто завтрак у тиффани, поставленный на фаст фаст фастест форвард! а я люблю капоте. хоть и не завтрак.

Другие страны, города, навалились на меня гурьбой и даровали незабываемый опыт наблюдения за чужой жизнью. Я впитывала в себя тонны информации, чтобы наконец через какое-то время исторгнуть её из себя в виде поэтического письма.

Вид блондинки с модельной внешностью открывал мне все двери — люди разговаривали со мной на улице, в барах меня без сомнений принимали во все компании. Как-то в Милане я прибилась к чьему-то дню рождения, и все были уверены, что я знакомая их знакомых. В Барселоне за день прогулки по городу я назначила три свидания, ни на одно из которых не пришла. Во Франции мужчины бегали за мной по пятам, не понимая почему я не хочу одарить их вниманием...

Помимо исследования собственных творческих способностей, а также оргазмических разрядок, я продолжала исследовать мир вокруг себя. Каждое путешествие было исследованием в области антропологии, искусства, психологии, философии и иже с ними. Я не искала серьёзно нового постоянного партнёра, хотя присматривалась к мужчинам вокруг себя. Но ни один кандидат не внушал мне доверия на тот момент. Я была поглощена исследованием мира вокруг себя, своим творчеством и мне хватало автостимуляции для достижения разрядки. В мужчинах я не нуждалась. Моим сексуальным партнёром было искусство.

В то время пока я путешествовала в основном по европейским странам, я заводила знакомства и дружбу с художниками и писателями. Мексиканскую художницу Лауреану я встретила в Лондоне. С американским поэтом Барри я познакомилась там же. С американским поэтом Ларри Сойером я пыталась писать книгу по переписке. Как я уже упоминала, моим другом по переписке около года был канадский режиссёр Гай Мэддин. Я переписывалась с канадским писателем, живущим в Мексике — Дугом. Все эти люди вдохновляли меня.

Падение в Нью-Йорке обернулось проблемой с коленями, которая всплыла через пару месяцев в Барселоне — я нагулялась по городу за день до воспаления колена. Мне больно было наступать на ногу, я доковыляла до больницы, которая находилась недалеко от отеля. Последний день поездки провела в кровати, обложив ногу льдом и попивая противовоспалительное. Вернувшись в Ригу, я начала хождение по врачам, которые ничего определённого мне не говорили. «Ничего серьёзного», — разводил хирург руками. Однако боль при хождении осталась, я с трудом преодолевала пару километров за день. У меня было ощущение, что я ослик из детского стишка: «Вот-вот доска кончается, сейчас я упаду». Я сделала магнитный резонанс колена, диагноз оказался маловразумительным и несерьёзным. Ничего криминального в колене

не происходило, но передвигаться без проблем я не могла уже несколько месяцев. Осенью проблема усугубилась, после очередной ударной прогулки я еле дошла до дома. Хирург послал меня на сеансы физиотерапии. Я ходила на них пару недель по утрам.

Регулярные посещения поликлиники были хорошими антропологическими уроками, я сдружилась с медсестрой, проводящей сеансы физиотерапии и подглядывала за людьми, посещающими поликлинику. Некоторые из подслушанных историй были душераздирающими.

поликлиническое в кабинете у доброй феи

добрая фея, немного рыхлая, ковыляет
от одного пациента к другому,
она толкает рэп что твой уитмен, загоняя
чью-то жизнь в 3 фразы,
сияя полузапотевшими очками,
добродушно громыкает
в её кабинете много квадратных
аппаратов с трубками
трубки прикладывают к различным местам
на теле, получая разные эффекты
вот девочка втыкает трубку себе в лоб,
становясь единорогом
вот мальчик — в глазницу, становясь циклопом
она хватает меня за ногу и закидывает
на кушетку,

за изжелта-оранжевые занавески, я озираюсь
в оранжевом раю шорохов и шёпотов извне
вот чья-то спина просвечивает, полосуеться
разрядами,
вскоре оттуда на пол плюхается
женщина-электрический скат
вот мужчина-слизняк, почесывающий
кисельный бок
что же мне уготовано, Цирцея? не сделаешь ли
кентавром?
она тянется ко мне с трубкой... я замираю

прощание

это — последний раз. потому мы с феей
прощаемся. есть люди, которые очерчива-
ют границы своей жизнедеятельности через
вещи, которые они могут пощупать, поддержать
в руках, или съесть. как-то съеденное склады-
вается у них в голове, как некоторое уравне-
ние, в котором они сами себя вычисляют.
вот и фея — спрашивает у меня задушевно:
«что ты сегодня ела на завтрак?» я отвечаю
нехотя, мне довольно безразлично, что я ем.
тогда я вежливо задаю ответный вопрос:
«а вы?» она с небывалым воодушевлением при-
нимается описывать обилие пищевых-питье-
вых продуктов, прошедших через её ротовую
полость. кофий с молоком в полдень. зага-
дочный чёрный рис. отменно пропечённое
крыло курицы. лимонный сырок. она повторно

смакует их, воздевая глаза к потолку. названные продукты повисают меж нами. вот я вижу очертание части курицы. вот чернеющая горсть риса... названное же мной съестное не проступает ни капельки — слишком тщедушны мои вялые перечисления, кроме того я вру напропалую — не помню, что именно ела с утра.

напоследок фея протягивает мне прощальный дар — диковинный лист. она наказывает: «разотри и скажи — чем пахнет». я послушно принимаюсь тереть, но не могу понять, что же это такое. вроде пахнет фэйри. так феям, наверное, и положено, но сказать неудобно. оказывается, это лист с лимонного дерева, которое почему-то начало осыпаться. ну да, фея же любит лимоны.

Сеансы физиотерапии мне не помогли нисколько, я все так же через полтора километра нагрузки чувствовала боль. «Ничего у вас нет», — уверял хирург и советовал мне радоваться жизни и по вечерам пить шампанское. В принципе, он был прав. Но на волне неопределённости, мнительности у меня развилась ипохондрия. Я предполагала, что моя хворь неизлечима и я никогда не смогу нормально ходить. Знакомые начали снабжать меня контактами нетрадиционных врачей, и я начала задумываться испробовать иные методы

лечения, коли медицина оказалась бессильна. Курс формальной логики начал давать слабину... я стала подспудно верить в иррациональные силы, способные как-то воздействовать на моё здоровье.

Я считала, что моя система бытия, построенная на хаосе, провалилась. Моё тело сопротивлялось и не желало восстанавливаться под воздействием рациональных методов. Я лихорадочно искала иные системы ценностей. Как индивид, постигнутый политическим катаклизмом, я была готова начать верить в эзотерическую белиберду.

Постмодернизм провалился, но что пришло ему на смену?

Тут снова в моей жизни появился друг детства Артик. Который в последний раз произвёл продажу меня — на этот раз в секту в Украине. Но обо всём по порядку. Где он был всё это время? В возрасте двадцати двух лет Артик махнул за рубеж «искать счастье». Для начала он был волонтером, помогающим очистить испанский берег от нефти, только перед этим произошла какая-то трагедия в Средиземном море с выбросом нефти в воду. Артик фотографировался в белом защитном комбинезоне по колено в воде, с измазанными нефтью чайками в руках. «Спаси планету и себя», — могла звучать надпись под фотографией. Когда срок пребывания в лагере волонтеров истёк, Артик пустился

в кочевую жизнь по Испании. Общался с ворами, проститутками, спал в заброшенных домах, ел раз в три дня — в общем вёл жизнь из разряда «мечта поэта». Однажды он забрался ночевать в хлев при церкви, утром его обнаружил падре и начал с ним разговаривать. Артик говорил по-испански (его мы вместе учили 5 лет в школе как второй иностранный) и в разговоре оказался не дураком, дело шло к Пасхе и Артик согласился помочь с какими-то поделками из дерева для пасхальной сцены в церкви. Падре был крайне доволен Артиком и приютил его на какое-то время. Позже выяснилось, что Артик по образованию экономист, окончил престижный вуз и может предоставить услуги аудита. Падре как раз волновала финансовая отчётность его миссии в Украине, он подозревал, что украинские работники его дурачат. Артик изъявил желание помочь. Через некоторое время он в самом деле поехал в командировку в Киев и провёл аудит счетов миссии падре. Махинации оказались минимальные, служащие всего лишь наживались на колебаниях курсов валют. Падре оказался очень доволен и продолжал сотрудничество с Артиком. Артик тогда начинал бизнес своей айти-компанией и потихоньку делал сайты для желающих. Один из его первых сайтов был сайт женского испанского монастыря, который был как-то связан с падре. До сих пор помню сияющие лица монашек-кармелиток,

которые вылезали при загрузке первой страницы. Монашки так скалились, что казалось, они вот-вот пустятся танцевать канкан. Сайт всего лишь описывая достоинства монашеской обители.

Приблизительно в то время Артик начал рассказывать, что в Украине попал в невероятный круг людей, и что «видел чудо». Что именно за чудо видел Артик так и оставалось непонятным. Но время от времени у него проскальзывало: «И тут мы сделали радугу». Вопрос о радуге и чуде меня тревожил. Так как я была в поиске решения проблем со здоровьем, я обратилась к Артику с вопросом. Он был рад-радехонек помочь. Мне были сообщены координаты сходимости некоего таинственного уюга camp на расстоянии 40 км от Киева. Я собралась провести 9 дней в сомнительном лагере на семинаре «Человек и его возможности». Право посещения покупалось за сумму в 1000 евро. Бешенные деньги, по сути. Но меня это не остановило. Я купила билет до Киева и была полна решимости встретиться с неизвестным.

В Киеве меня приняли кореша Артика по чуду, отвели к себе домой и рассказали истории о том, как их жизнь разительно поменялась после посещения данного оздоровительного семинара. Девушка рассказывала, что её кожа нормализовалась после девяти дней проживания в таинственном особняке, и её муж твердил о том, что избавился от какой-то застарелой

хвори. Они любезно отвезли меня на машине до особняка целителя Владимира Ивановича Полошни. Это было довольно безвкусное двухэтажное желтоватое строение в стиле девяностых. «По-хорошему — постмодернизм. Но вообще-то — никакая это не архитектура», — сказал бы кореш-художник из Москвы. Перед началом занятий люди, приехавшие на семинар, застенчиво кучковались в главном зале дома: кто-то сидел на полу, кто-то разглядывал странные картины по стенам (чистой воды мазня на волне увлечения экстрасенсорикой из девяностых), кто-то разводил разговоры, общим числом набралось человек пятнадцать. Я не могла понять, как мне себя вести в период ожидания и просто сидела в сторонке.

Перед началом занятий нас отвели в отдельную комнатёнку, в которой видная дама с рыжим начёсом громоздилась объёмными телесами над маленьким столиком с серебряной миской для денег, звенела золотыми браслетами на запястьях и перстнями на пальцах. Судя по всему, это была жена целителя, но она также выполняла функции кассира. Мне полагалось выдать ей наличными 1000 евро. Она медленно, со вкусом проверила каждую купюру, причмокнула и спросила: «Какие проблемы, были ли операции, на что жалуетесь?» К своему удивлению, я выдала ей историю своих болезней, но дама осталась без впечатления

после моего краткого рассказа. До моего сведения было доведено, что, если мне не понравится первый день пребывания в особняке, я смогу забрать деньги и покинуть его. Некая психологическая уловка, подумала я. Я никуда уезжать не собиралась, желая на своей шкуре вынести всё и проверить чудеса Артика на прочность.

Предводитель Владимир Иванович был похож на Джаббу Хатта из «Звёздных войн» — громоздкая фигура возвышалась у белой школьной доски, с помощью которой он собирался преподавать премудрости. Маленькие живые глазки стреляли из оплывшего безвольного лица. Время от времени он демонстрировал ровные естественные зубы в захватской юношеской улыбке. Одет он был в спортивные синие тренировочные штаны и украинскую рубаху с шитым воротом, видимо, для колорита. Полошня говорил на упрощённом украинском, который я могла понять. Вероятно, это был суржик — помесь русского и украинского, но в этом я не могла быть уверена. Он начал с общих тем — о жизни, о том, как следует жить, перечислил основные христианские заповеди. Затем нас повели на ритуал прощения — каждый участник должен был отпустить грехи своим обидчикам — иначе учение на семинаре не пойдёт впрок. Стандартная практика в современной психотерапии, кстати, простить своих обидчиков и таким образом снять с себя стресс обиды. Затем был ритуал

держания руки над свечой — демонстрировалось то, что у тела нет границ и что человек может вынести жар пламени на ладони. Довольно сомнительная аргументация. В общем, никакого экстрима и чудес в первый день не было. Вероятно, всё самое интересное приберегли на потом — подумала я. Были сомнительные практики медитаций под амбиентную музыку, которую предводитель называл целительной, видимо, по той причине, что она отличалась от вездесущей попсы. Предводитель с самого начала выдал себя лексиконом из запаса экстра-сенса девяностых — он говорил точно, как тётя Тоня из моего отрочества. Я находила общие конструкции и слова в его речи. «Здесь нам дана информация», — общее место из дискурсов народных целителей. Я попала в машину времени, которая отнесла меня в суеверия моей матери и её товаров — такой поворот событий!

Спали участники семинара на матрасах в центре главного зала. Полошня обходил всех участников ночью и выжидательно смотрел на их лица. Я помню, что слышала его дыхание, когда он останавливался около меня. Я лежала с закрытыми глазами и имитировала, что сплю. Полошня удалялся к следующей жертве довольный.

Второй день сомнительного семинара начался с получасовой зарядки, пения гимна Украине, завтрака и занятий. Пользоваться

мылом и шампунем было запрещено — семинаристы очищали организм за время пребывания в особняке. Потому мы мылись водой в душевой и сразу шли на занятия. Моё дурное зрение было зачислено в хвори, вопиющие об исцелении. Потому меня заставили снять линзы на второй день пребывания семинара. Я почти ничего не видела при своих минус восьми, это уменьшала степень позора моего вовлечения во всё это действо. Я видела происходившее в тумане, реагировала на силуэты и звуки. Одно из первых упражнений — на тренировку глазных мышц — было дано во второй день занятий. Участники семинара прилежно напрягали глаза и переводили фокус зрения с объекта на объект, также рисовали восьмёрки — стандартные упражнения, известные школьникам, на которые, как правило, никому не хватает дисциплины и силы воли. Затем были лекции, являвшие сплав христианских истин, «почитай родителей», и эзотерического мракобесия вроде: «астральные тела», «аура» и прочее. Одна из лекций была посвящена Елене Блаватской. Она представляла в учении Полошни как пророк и ясновидящая. Весь дискурс лекций был пронизан кондовой патриархальной моралью — назначением женщины считалось «исполнение долга перед мужчиной», то есть раздвигание ног, рождение детей и обслуживание. Под горячую руку Полошни попала популярный политик

Украины, носящая национально-романтические косы-бублики на голове. По мнению целителя сия дама не снискала успехов на политическом поприще, поскольку «женщине следует знать своё место». Теоретическая промывка мозгов чередовалась с физическими упражнениями. Были приличные занятия йогой, который научили меня через несколько дней стоять на голове без посторонней помощи. Было ли это уже чудо? Однако голова, немывая шампунем скользила по полу и мешала более продолжительной стойке. Но я как примерная жертва следовала заветам и очищала организм от химических примесей мыла и шампуня. Целитель уверял, что через неделю мытья только водой каждый участник семинара обретёт свой истинный запах. «На этот запах кавалер за тридевять земель прибежит», — говорил он нечто в таком роде. По словам Полошни, истинный запах каждого человека гормонально активен и способен притягивать сексуального партнёра на больших расстояниях.

С самого начала занятий я поняла, что попала в секту, руководимую доморощенным экстрасенсом, нелегально обогащающимся на хворях и психологических проблемах невинных граждан. Страсть к приключениям пододвигала меня выяснить, что именно Артик называл «чудом». Я притворилась верующей во все бредни, о которых мне талдычили и слилась с массой

пламенно верующих семинаристов. Время от времени за благой картиной просвещения проскальзывал оскал мошенничества — я слышала разговоры приближенных к Полошне, приехавших на занятия бесплатно и помогавших в проведении семинара. «Какая вонь стоит от них», — говорили они через 3–4 дня занятий. Я слышала сетования на то, что на этот семинар приехало мало участников (значит, меньше денег). Конечно, такие реплики не предназначались для моих невинных ушей.

На третий-четвертый день начались подступы к чудесам. Полошня демонстративно разбил несколько бутылок в центре зала, снял носки и прошёлся по стеклу голыми ногами. На ступнях не осталось никакого следа. Так же следовало сделать всем участникам. Это был трюк, известный со школьных времён, — кожа ступни подстраивается под стекло и не получает ранений. Но все участники восприняли это как таинство и демонстрацию чуда. Видимо, это Артик и записывал в разряд чудес. Меня окатила волна адреналина, когда меня вызвали встать на груды битого стекла. Но никаких ранений я не получила. Далее Полошня демонстрировал чудо человеческого тела в испытании нагрузок. Некто из прислужников целителя ложился спиной на битое стекло, на него сверху плашмя складывались тела испытуемых. Человек 5–6 лежало на страдальце, устроившемся

на груди стекла, но он уверял, что не чувствует нагрузки. Испытуемые фотографировались в этой нелепой позе, фотографии можно было купить как очередное доказательство чудес, происходящих в особняке. Основной посыл речей и действий Полошни сводился к тому, что человеческий организм нацелен на самоисцеление и ему не нужны такие костыли, как таблетки и вмешательство врачей, — это только всё портит. По сути, дискурс антипрививочников. Но не помню, говорил ли целитель что-то о ненужности прививок.

Одной из аттракций семинара было хождение по углям. Но на дворе стоял апрель, температура была около плюс десяти, помощникам целителя было лень разводить огонь и возиться с углями. Так что хождение по углям мне пережить не удалось, но подозреваю, что система была та же, что и со стеклом. Зато прохладная погода не уберегла меня от похода в купальнике до реки, до которой было около 500 метров. Все участники семинара должны были нарядиться в купальники и плавки и гуськом проследовать до воды. На мне был голубой купальник в крупных белых горошинах. Одна из премудростей семинара гласила: человек не чувствует холода, тело способно саморегулировать тепло. Потому испытуемые шли к реке, как зомби, и далее аттракцион состоял в том, чтобы окунуться с головой, произведя беседу

с примарной стихией. Полошня рассказывал, что вода — примарная субстанция, которая наделена памятью, и с ней следует общаться для достижения гармонии своего тела со вселенной. Чем мы и занимались — разговаривали с водой. У меня во время семинара как раз была менструация, я впервые в жизни купила тампоны, до этого я пользовалась только прокладками, я это сделала именно для того, чтобы произвести «омовение». Я помню, что мой тампон набух от обилия воды внутри, и мне было крайне неприятно и сложно идти назад в особняк. Перед посещением семинара я звонила Полошне и спрашивала, можно ли участвовать в семинаре во время менструации. На что он ответил: «Конечно можно, это даже полезно!». Во время лекций я замечала, что оставляю кровавые пятна на матрасах, на которых проходило обучение и на которых мы спали. Я успевала бегать менять прокладки между занятиями. Хорошо, что женские гигиенические средства не были запрещены, как мыло или шампуни.

Одна из лекций семинара была посвящена формированию человеческого тела в утробе матери, постепенно она свелась к пропаганде запрета аборт. Полошня уверял, что живое существо в утробе убивать нельзя, мать должна рожать в любом случае. По рядам пустили лист с прошением о запрете абортов в Украине. Я поддалась общему истерическому настрою

и подписала петицию. Это было отвратительно и противоречило моей убеждённости феминистки. Я списывала эту истеричную иступлённость на сходство с очарованием Бергмана Гитлером — я читала в его мемуарах, что шведский режиссёр был под впечатлением от величия фюрера и его портрет красовался в спальне юного Бергмана. Это была загипнотизированность масс, приведшая к обожествлению истукана. Сама я оказалась не в лучшей ситуации, на 9 дней примерив маску верующего и идеологию шарлатана.

Одним из ритуалов, производимых сектой, были вылазки на природу — в лес, где была прочитана лекция о том, что деревья живые, наделённые памятью организмы, и с ними следует говорить, что так же способствует исцелению от хворей. Нам следовало рассредоточиться по лесу, выбрать себе дерево, обнять его и произвести полчасовой разговор. Моё дерево оказалось сосной с потрескавшейся корой. Я провела продолжительную беседу и вернулась к точке сборки участников. Все должны были делиться тем, что слышали.

На улице, недалеко от особняка, практиковались и вылазки «паровозиком». Семинаристы обнимали друг друга за талию и передвигались как паровоз. «Вот сектанты идут», — шутил Полошня, пародируя реплики соседей. И в самом деле, это была процессия сектантов.

Объятия увеличивали какой-то астральный заряд, и человекогусеница вырабатывала невероятное количество энергии, шедшей на оздоровление принимавших участие в процессии. Вероятно, именно эту процедуру Артик называл «радугой». Биополя сцепившихся участников сияли всеми цветами радуги и производили выброс мистической энергии в атмосферу. Мне эта сцена напомнила трешовый фильм Human Centipede, в котором сумасшедший доктор насильным образом объединил 3 человека в одну человеческую многоножку хирургическим путём, сшивая ротовую полость с анальной. Мне крайне повезло, что я не попала в такой фильм ужасов, и Полошня не производил хирургических манипуляций над испытуемыми.

Рискованным аттракционом было лежание на доске с гвоздями. Полошня читал лекцию о лечебных свойствах акупунктуры и испытуемые ложились на доску по очереди. Я помню, что пролежала на доске минут 10 и испытывала дискомфорт, в отличие от сулимого успокоения нервных окончаний. Когда я подняла спину от доски с гвоздями помощник целителя начал проверять мою спину. У меня много родинок на спине, и такие процедуры для меня опасны. Но мне очень повезло: ни один гвоздь не задел родинки.

Среди упражнений, задаваемых целителем, была визуализация болезней и органов других

участников семинара. Помню, что одна из участниц была женщина, которую глодала финальная стадия рака, и врачи давали ей несколько месяцев жизни. Родственники привезли её в особняк с последней надеждой и на последние деньги. Это была маленького роста, усохшая дама лет шестидесяти, насколько я помню. Желудок и часть органов у неё были вырезаны из-за рака. Из последних сил она цеплялась за надежду. Смотреть на это было очень страшно. Все участники по кругу должны были описывать визуализацию её органов, когда дошла моя очередь, я сказала: «Это чёрный кирпич». И женщина совсем сникла.

Одним из привлекательных факторов семинара было постоянное физическое взаимодействие с другими людьми — это была эксплуатация нереализованных сексуальных импульсов индивидов. Постоянные прикосновения, танцы, физические упражнения, держание за руки — всё это действовало магнетически на людей, увязших в своих психических и физиологических проблемах. Регулярное питание, здоровая пища, отсутствие алкоголя оздоравливали тех людей, которые имели проблемы с системой пищеварения. Прогулки на свежем воздухе, плавание в бассейне — это оживляло индивидов, скорее всего живущих по принципу «дом-работа-дом». Иллюзия единения с незнакомыми приветливыми людьми помогала людям с депрессив-

ными расстройствами, давала надежду на успех во взаимоотношениях в будущем. Регулярные йога и зарядка также способствовали оздоровлению индивидов, влачащих малоподвижный образ жизни. Полезным был курс «мануальной терапии» или основ массажа — испытуемые получали массаж от других и давали сеансы следующим.

Полошня пытался нащупать путь моего «исцеления» при помощи сводничества. Он приглядел мне кавалера среди семинаристов и пытался уговорить его создать со мной пару — я случайно услышала их разговор на лестнице. Участник мыкался-пыкался и не особо соглашался с Полошной, хотя в результате мы подружились и некоторое время переписывались после семинара. Это была одна из техник «целительства» — использование зажатых сексуальных импульсов индивидов. При наличии секса и экзальтации влюблённости все хвори отступали, а новосозданная пара была по гроб благодарна прозорливому отцу и пророку. Полошня зорко следил за развитием судеб всех участников и хвалился, что женщины звонили ему из роддома и оповещали, что воплотили свою главную миссию в жизнь. «Родила!» — звучало оповещение счастливой роженицы. Однако я не считала роды главным смыслом моей жизни и не велась на патриархальную гетеронормативную проповедь.

Полошня часто повторял: «Не верьте в деньги!» Или: «Деньги ничего не значат!» Он, видимо, пытался заставить испытуемых поверить, что его практика всего лишь по доброте душевной и никакой не бизнес. «Откуда берутся деньги?» — вопрошал Полошня, делая загадочное лицо и пассы руками. Вроде бы деньги — неопределённая неизмеримая субстанция, о которой думать возбраняется. Денежные купюры определённо растут на деревьях, подумала я. И конечно, 1000 евро, бывшие большой суммой для меня, живущей в Латвии, были огромными деньгами для жителей Украины. Полошня пытался усыпить подозрения испытуемых по поводу злоумышленности своей деятельности.

В последний день семинара происходило уже лихорадочное выбивание денег из участников по виду продаж «заряженных хорошей энергией» объектов — групповых фотографий участников семинара, сомнительного посвящения в казаки с сертификатом. Полошня объявлялся почётным казаком и предлагал другим желающим вступить в казачьи ряды. Ритуал производился с шашкой. Желающих не оказалось. Продавались кассеты с записями чудодейственной музыки, автор которой как правило не указывался. Видимо, подразумевалось, что записи приходили прямым включением из космоса. Каждая услуга стоила очередных круглых сумм — некоторые лежковерные и в самом деле

расставались с последними деньгами ради приобретения фантомного целительного объекта.

Последним же ритуалом семинара был сеанс холотропного дыхания — довольно опасная техника, могшая привести к травме мозга или летальному исходу. Следовало, лёжа на земле, закрыв глаза, делать глубокие вдохи, до такой степени, что начинала происходить интоксикация мозга. Люди вокруг меня бились в транс. Я закрыла глаза и имитировала глубокое дыхание, впадать в наркотический транс я не хотела. Полошня ходил по рядам и проверял, не притворяется ли кто-либо из участников. Сеанс длился около получаса. Некоторые участники стонали, как бесноватые, на самом деле ловя кайф от процесса. Некоторые выпускники семинара специально приехали в особняк в этот день, чтобы присоединиться к процессии. Это были молодые хипповатые девушки, их глаза сияли перед началом действия.

Полошня давал людям надежду, к нему приходили сирые и убогие индивиды, не находящие смысла в своём существовании. Рутинная экзистенция, малоподвижный образ жизни, неправильное питание порождали психосоматические хвори, от которых Полошня и «лечил», нормализуя рацион подопытных, организуя регулярные физические упражнения, нахождение на свежем воздухе, провоцируя непрерывный физический контакт сексуально фрустриро-

ванных индивидов. Люди обретали веру в своё существование, некоторые из адептов Полошни рассказывали мне, что они считают его своим отцом и наставником — в каждой жизненной ситуации консультируясь с ним и посвящая его во все тайны. Секта Полошни была слаженно работающим механизмом. Люди попадали на иглу семинаров и не могли с неё слезть. Это была чётко выверенная структура, очерчивающая границы бытия индивида. Существовать внутри неё потерявшему ориентиры индивиду было легко и приятно. Полошня давал ответы на все вопросы и говорил, что надо делать в той или иной ситуации. Для этих людей он был богом. Неплохой бизнес.

Кроме того, Полошня предлагал участникам приводить новых клиентов. За десять приведённых друзей полагался бонус в виде одного бесплатного посещения семинара. Собственно, я была таким приведённым другом — значит, Артик всё же продал меня в секту за 100 евро.

Пару лет назад великий целитель покинул сей мир и перенёсся в иное измерение. На сайте семинара до сих пор активна часть отзывов — в основном пишут люди, которые воспринимают смерть Полошни как великую утрату и потерю смысла жизни. Полошня делал их бытие осмысленным, рассказывая, как им надлежит жить. Это была успешная версия фюрера — люди верили в него свято и были готовы отдать свою жизнь за его идеалы.

Особенно страшно было наблюдать людей с настоящими неисцелимыми заболеваниями, которые цеплялись за последнюю надежду. Это было на самом деле обдирание заживо. «Криминальщина», — прокомментировала одна моя подруга после рассказа о секте. Эта деятельность целителя под предлогом благодетельства и в самом деле заслуживала криминального взыскания, но я уверена, что у Полошни и его приспешников была выстроена защита в этом направлении и все ходы-выходы были учтены. Многим людям жизнь в секте давала иллюзию осмысленного существования. Собственно, чем это отличается от любого религиозного культа? Со своими ритуалами, верованиями и взиманием пошлины с верующего.

Когда я вышла из особняка после девяти дней семинара, у меня было ощущение, что я вышла из сумасшедшего дома. Как написала бы Сильвия, «стеклянный колпак приподнялся надо мной». Я надела линзы и наконец чувствовала себя зрячим человеком, глядя на мир незамутнённым взглядом. Сердобольные семинаристы подвезли меня до центра Киева, я сдала чемодан в камеру хранения и пошла гулять по городу. Наконец-то я вернулась в мир людей! Каштаны на Крещатике ещё не цвели, но были покрыты нежной зеленью. Я вернулась в мир консьюмеризма, обойдя модные магазины и отметив про себя, что украинские девушки ни в чём

не уступают латвийским по красоте. Магазины одежды — отличная инъекция реальности! Весна — моё любимое время года, и я наслаждалась прогулками по паркам. Проблема со здоровьем, с которой я приехала в секту, чудодейственным образом была решена: колени больше не болели при ходьбе, благодаря физическим нагрузкам и йоге на семинаре. Ничего сверхъестественного в этом не было — просто мои проблемы лечатся именно движением — довольно банальная истина, которую мне не удосужились объяснить врачи.

Так или иначе секта сработала, я исцелилась, но не пополнила армию адептов Полошни. На самом деле я пребывала в шоке от того, что мой друг детства мог купиться на такое дешёвое разводилово. Большинство трюков Полошни было мне известно со школьных времён. Тайны организма в виде лечения близорукости — общеизвестный факт. Как человек, учившийся со мной вместе с первого класса, мог принять сектантскую промывку мозгов за чистую монету, для меня осталось загадкой. Все истории про «чудо» померкли. Кроме того, умерла иллюзия родства с другом детства, которому я доверяла почти как самой себе, основываясь на общности детского и юношеского опыта. Померкла идея безапелляционного доверия людям, именуемым друзьями. Эта идея во многом предопределяла мои отношения с некоторым количеством

людей. Я априорно воспринимала мнение дружеского круга как созвучное моему. Однако это оказалось лишь иллюзией. Вроде откровения из пьес Беккета — потеря идеи душевного сродства как экзистенциального оправдания.

Артик полностью потерял авторитет в моих глазах. После этой истории с сектой я с ним больше не общалась. У Артика же всё было в порядке — он стал миллионером, как пророчил учитель латышского, характеризующий его в 15 лет: «Этот мать родную продаст». Он управляет своей айти-компанией, в которой он почитается как пророк и *master mind*, счастливо женат и родил троих детей.

Так поломалась моя система доверия другу детства, который слыл для меня авторитетом. Любая дружба основывается на таком стереотипном подходе, то есть, по сути, это выражение духовной инерции и энтропии. Эта ветвь моего существования внезапно отмерла, хватило ей именно продажи в секту.

В результате истории с сектой моя загадочная хворь отступила, я снова контролировала собственное тело — в моём распоряжении была моя ладно функционирующая плоть, жажда познать сущее и жажда самовыражения. Как выразилась Вирджиния Вулф в 1929 году, «женщине нужна комната, чтобы писать, а также 500 фунтов годового дохода». И у меня была эта комната, а также желание писать. Я ежедневно

ходила на работу для того, чтобы у меня были эти 500 фунтов.

Вулф пишет, что её могут обвинить в излишней материалистичности касательно условий произведения работ духовного труда. Она цитирует профессора литературы сэра Артура Квиллер-Куча: «У нищего английского поэта уже двести лет нет никаких шансов выжить... У сына английского бедняка шансов на духовную свободу, в которой и рождаются великие произведения, не больше, чем у афинского раба». И дальше пишет: «Вот так. Духовная свобода зависит от материальных вещей. Поэзия зависит от духовной свободы. Женщины же были нищими не только два последних столетия, а испокон веков. Они не имели даже той духовной свободы, какая была у сыновей афинских рабов. То есть у женщин не было никаких шансов стать поэтами. Почему я и придаю сегодня такой вес деньгам и своей комнате». К голосу Вирджинии Вулф присоединится Линда Нохлин с работой «Почему не было великих художниц», приводящая в пример вопрос интегрированности женщин в мир академизированного искусства. Женщины выпадали из этой системы, не будучи полностью интегрированы в инфраструктуру художественного процесса, они не имели шанса до конца раскрыть свой потенциал наравне с мужчинами.

Согласно Симоне де Бовуар, жизненная миссия женщины в два раза сложнее, чем у мужчины. Ей необходимо преодолеть свою имманентность (превратиться из объекта в субъект) и затем своими действиями превзойти сущность. Поскольку, по де Бовуар, любой субъект реализуется как трансцендентность через жизненные проекты, субъект реализует свою свободу, выходя за свои пределы. Поскольку женщина определяется как «другой», она подвержена имманентности, поэтому она должна сначала преодолеть свою имманентность, чтобы достичь трансцендентности.

Через несколько лет после событий этой истории я посещу спектакль Ромео Кастеллуччи «Человеческое использование человеческих существ», который найдёт во мне сильный отклик. Лазарь, насильно воскрешаемый словом Иисуса, не является ли марионеткой в этом спектакле веры и религиозного насилия? Лазарь, принуждённый жить второй раз под взмахами механического кулака бога, бьющего по лицу не желающего уверовать. Кто этот человек, вынужденный умереть во второй раз? Не была ли я сама таким Лазарем, призванным к жизни печатным словом литературы и образами искусства? «Леди Лазарь», — писала Сильвия Плат. Воскреснув по повелению слова рабовладельца, я воспарила к плодотворной жизни в области культуры.

Максималистская сентенция: «Или кого-то продаёт тебя, или ты продаёшь кого-то», — зиждется на логической ошибке. Я осознала, что вправе не являться объектом купли-продажи, а также и не рассматривать других как объекты для таковых сделок. Чёрно-белые взаимоотношения раб — работорговец отошли в прошлое. Я была хозяйкой сама себе и была вольна делать, что пожелаю. И я приступила к свершениям.

Елена Глазова

Исповедь приманки

Литературно-художественное издание

Редактор IP

Корректор Елена Иванова

На обложке — автофотопортрет, 2010 г.

Подписано в печать

Печать офсетная.

Книга напечатана на книжной бумаге.

Формат 84х108/32. Объем 10,25 усл. п. л.

Тираж экз.

Издательский проект NRS
представляет:

Юлия Подлубнова. NOR. Сборник стихотворений

Елена Глазова. Исповедь приманки. Роман

